

**СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ**



**УЧЕНЫЕ  
ЗАПИСКИ  
ИТТСПИ**

**2021 №2**

УЧЕНЫЕ  
ЗАПИСКИ  
НТГСПИ

---

---

SCIENTIFIC  
NOTES  
OF NTSSPI

# **УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ НТГСПИ**

**Серия: История и филология**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Нижнетагильского государственного  
социально-педагогического института



**2021**

**№ 2**

# **SCIENTIFIC NOTES OF NTSSPI**

**Series: History & Philology**

**JOURNAL**

published by Nizhny Tagil  
State Social Pedagogical  
Institute (NTSSPI)



**2021**

**NUMBER TWO**

## РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

### Главный редактор

**Будаев Эдуард Владимирович**, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и русской филологии НТГСПИ (ф) РГППУ

### Члены редколлегии

**Аникина Татьяна Вячеславовна**, кандидат филологических наук, зав. кафедрой иностранных языков и русской филологии НТГСПИ (ф) РГППУ.

**Голубкова Екатерина Евгеньевна**, доктор филологических наук, профессор кафедры лексикологии английского языка Московского государственного лингвистического университета.

**Дзюба Елена Вячеславовна**, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета.

**Кириллов Виктор Михайлович**, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук НТГСПИ (ф) РГППУ.

**Кушнерук Светлана Леонидовна**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета.

**Ларионова Марина Бариевна**, кандидат исторических наук, зав. кафедрой документоведения, истории и правового обеспечения Российского государственного профессионально-педагогического университета.

**Неклюдов Евгений Георгиевич**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

**Ольховиков Константин Михайлович**, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

**Попова Татьяна Георгиевна**, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Военного университета Министерства обороны РФ.

**Поршнева Ольга Сергеевна**, доктор исторических наук, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

**Рыжкова Ольга Васильевна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук НТГСПИ (ф) РГППУ.

**Сериков Юрий Борисович**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник НТГСПИ (ф) РГППУ.

**Солопова Ольга Александровна**, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета).

**Чудакова Наиля Муллахметовна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и русской филологии НТГСПИ (ф) РГППУ

**Чудинов Анатолий Прокопьевич**, доктор филологических наук, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета.

## **Editor-in-Chief**

**Budaev E. V.**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Foreign Languages and Russian Philology, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University

## **Editorial Board**

**Anikina T. V.**, Candidate of Philological Sciences, Head of Department of Foreign Languages and Russian Philology, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University.

**Chudakova N. M.**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Russian Philology, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University.

**Chudinov A. P.**, Doctor of Philological Sciences, Head of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University.

**Dzyuba E. V.**, Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University.

**Golubkova E. E.**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of English Lexicology, Moscow State Linguistic University.

**Kirillov V. M.**, Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Humanities and Socio-Economic Sciences, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University.

**Kushneruk S. L.**, Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of Theory and Practice of the English Language, Chelyabinsk State University.

**Larionova M. B.**, Candidate of Historical Sciences, Head of Department of Document Studies, History and Legal Enforcement, Russian State Vocational Pedagogical University.

**Neklyudov E. G.**, Doctor of Historical Sciences, Principal Researcher of Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences.

**Olkhovikov K. M.**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

**Popova T. G.**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the English Language Department, The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

**Porshneva O. S.**, Doctor of Historical Sciences, Head of Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

**Ryzhkova O. V.**, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Sciences, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University.

**Serikov Yu. B.**, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University.

**Solopova O. A.**, Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of Linguistics and Translation, South Ural State University (National Research University).

# СОДЕРЖАНИЕ

## ИСТОРИЯ

### **Сериков Ю. Б.**

- Новые данные по археологии Тагильского края  
(по материалам памятника Крутяки I)..... 8

## ФИЛОЛОГИЯ

### **Аникина Т. В., Чижова М. И.**

- Способы номинации английских  
брендов женской одежды..... 23

### **Будаев Э. В., Пологова К. В.**

- Прагматическая амбивалентность метафор  
в политическом нарративе «Жизни черных имеют значение»  
(на примере «Сиэтл Таймс»)..... 43

### **Зиновьев Н. В.**

- Метафоры со сферой-источником «Механизм»  
в дискурсе британского политика Д. Кэмерона ..... 60

### **Клыпина И. В., Шестакова Е. Ю.**

- Вопрос о воспитательной системе  
в романе Федора Сологуба «Творимая легенда»:  
традиции и новаторство художественного осмысления..... 74

### **Рахманова Д. Т.**

- Метафорическая концептуализация любви  
в современных англоязычных песнях..... 89

### **Тихонов В. В.**

- Театральная метафора как средство актуализации  
сирийского конфликта в выступлениях  
М. В. Захаровой и Дж. Псаки..... 108

- Информация для авторов..... 121

# CONTENTS

## HISTORY

### **Serikov Yu. B.**

- New data on the archeology of the Tagil region  
(according to the materials of the Krutiaki I site)..... 8

## PHILOLOGY

### **Anikina T. V., Chizhova M. I.**

- Nomination methods of English brands  
of women clothing..... 23

### **Budaev E. V., Pologova K. V.**

- Pragmatic ambivalence of metaphors  
in the political narrative "Black Lives Matter"  
(case study of the Seattle Times)..... 43

### **Zinov'yev N. V.**

- Metaphors from a source domain «Mechanism»  
in the discourse of the British politician D. Cameron..... 60

### **Klypina I. V., Shestakova E. Y.**

- The question of the educational system  
in Fyodor Sologub's novel «The created legend»:  
traditions and innovation of artistic understanding..... 74

### **Rakhmanova D. T.**

- Metaphorical conceptualization of love  
in contemporary English language songs..... 89

### **Tikhonov V. V.**

- Theatrical metaphor as a means of conceptualizing  
the Syrian conflict in discourse  
of M. V. Zakharova and J. Psaki..... 108

- Submission Guidelines..... 121

## ИСТОРИЯ

---

УДК 902/904(470.51/.54)

### НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО АРХЕОЛОГИИ ТАГИЛЬСКОГО КРАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА КРУТЯКИ I)

**Ю. Б. Сериков**

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)  
Российского государственного профессионально-педагогического университета  
Нижний Тагил, Россия  
*u.b.serikov@mail.ru*

*Аннотация.* В статье публикуются новые материалы по эпохам энеолита, раннего железного века и средневековья, слабо освещенных в древней истории Тагильского края. Комплексы керамики и каменных изделий обработаны типологическим методом. При анализе каменных изделий использовались трасологический и минералогический методы. Каменные изделия энеолита представлены всеми известными типами: наконечниками стрел, скребками, ножевидными пластинами, шлифованным и ретушированными ножами, абразивами, шлифованными теслами, острьями, пестами-терочниками. Из предметов неутилитарного назначения следует отметить обломок «утюжка», костяную подвеску и гравированную нашивку из талька. В раннем железном веке сохраняются каменные наконечники стрел, шлифованные ножи и наконечники стрел, а также скребки. Особый интерес представляют скребки балакинского типа. Они имеют округлую, подквадратную или треугольную форму и по всему периметру обработаны плоской ретушью. Причем ретушь покрывает не только спинку, но и брюшко изделий. Такие скребки являются характерными изделиями позднего бронзового и раннего железного веков. Местное население широко использовало сырьевую базу Тагильского края. На памятнике преобладают изделия из кремнистых сланцев, халцедона и песчаника. Менее широко использовали кремль, разнообразные яшмы, молочный кварц, серый кварцит и углистый сланец. Единично применялись гранодиорит и тальк. Новые материалы расширяют наши знания по археологии Тагильского края.

*Ключевые слова:* Тагильский край, энеолит, ранний железный век, средневековье, типы каменных изделий, сырьевая база памятника.

#### **1. Введение**

Черноисточинский пруд находится в 21 км к югу от г. Нижний Тагил. На северном берегу пруда располагается пос. Черноисточинск (Пригородный р-н Свердловской обл.). На севере водами пруда омывается обширный полуостров Крутяки. Восточная и западная части полуострова довольно пологие и низкие, центральная часть, наиболее возвышенная, изобилует высокими каменистыми мысами, иногда отвесно обрывающимися в воду. До 1726 г. на месте Черноисточинского пруда находилось три проточных озера, самым крупным из которых являлось озеро Черное. В озера впадали

реки Каменка, Чауж, Черная и др. Река Чауж огибала полуостров Крутяки. В 1726 г. для нужд металлургического завода на реке Каменке была построена плотина, в результате чего подъем воды в озерах привел к их слинию и образованию Черноисточинского пруда.

Стоянка Крутяки I находится в юго-восточной части полуострова Крутяки. В древности стоянка располагалась на берегу озера в месте вытекания из него р. Каменка. Памятник открыт в 1954 г. тагильским краеведом П. Э. Рикертом. В 1955 г. он раскапывался отрядом ГИМ под руководством В. М. Раушенбах. В 1975–1978 гг. территория полуострова была исследована Нижнетагильским отрядом экспедиции Уральского госуниверситета под руководством автора. В результате на берегах полуострова было выявлено 16 археологических разновременных памятников, датированных от мезолита до раннего железного века [Сериков, 2000, с. 78–79; рис. 42].

Изучение шурфами стоянки Крутяки I показало, что памятник полностью размыт. Сразу под дерном идет прослойка песка толщиной всего 2–4 см. Под песком залегает погребенный дерн, под которым опять идет песок мощностью 7–10 см. Еще ниже находится прослойка сильно разложившегося погребенного дерна. Под ним идет светло-коричневый суглинок мощностью до 20 см, который подстилается материком – бурым комковатым суглинком. Культурные остатки – фрагменты керамики и каменные изделия – залегают только в прослойках песка. Две прослойки погребенного торфа и песка свидетельствуют о том, что памятник был размыт в результате двух значительных подъемов воды в пруду. Первый подъем воды произошел после сооружения плотины в 1726 г. Второй подъем воды можно связать со строительством в 1848 г. Ушковского канала – регулятора водной системы Черноисточинского и Нижнетагильского прудов. Запуск канала в действие значительно повысил уровень воды в Черноисточинском пруду. Эти два подъема воды в пруду губительным образом сказались на низко расположенных археологических памятниках полуострова Крутяки. В настоящее время все они расположены под водой. В засушливое лето 1975 г., когда уровень воды в пруду заметно понизился, на береговой полосе было собрано около трех тысяч археологических находок. Всего коллекция памятника насчитывает десять тысяч предметов (10305 экз.).

В 1978 г. на двух мысах, ограничивающих 220-тиметровую бухту с подъемным материалом, были произведены рекогносцировочные раскопки. На южном мысу был заложен раскоп площадью 30 кв. м. Раскопками получена коллекция каменных изделий эпохи мезолита (375 экз.). Раскоп на северном мысу (44 кв. м) выявил материалы двух эпох. Верхний слой содержал керамику раннего железного века, а нижний – микролитический изделия мезолитического времени [Сериков, 1987, с. 127–131].

Анализ всего комплекса керамики и каменных изделий показал, что на памятнике представлены материалы четырех эпох: мезолита, энеолита,

раннего железного века и средневековья. Мезолитический комплекс изделий (6367 экз.) уже описан и опубликован в ряде работ автора [Сериков, 1981; 1987; 2000].

## **2. Материал и методика исследования**

В данной статье публикуются материалы энеолита, раннего железного века и средневековья, которые восполняют пробел в общей характеристике памятника.

При характеристике материалов использовались типологический, минералогический и трасологический методы.

## **3. Анализ и описание материалов**

Керамический комплекс энеолита достаточно легко отделяется по форме венчиков сосудов, геометрическому гребенчатому орнаменту и примесям талька в тесте сосудов. Всего к энеолиту отнесено 397 фрагментов керамики: 36 фрагментов венчиков, 207 фрагментов стенок с орнаментом, 133 фрагмента стенок без орнамента и 21 фрагмент днищ (рис. 1, 1–6, 8). Керамика сильно фрагментирована. Раскладка фрагментов керамики по сосудам оказалась малоэффективной. Тем не менее, по трем сосудам удалось получить определенную информацию.

Сосуд № 1 представлен 5 фрагментами венчиков и 67 фрагментами стенок. Диаметр сосуда – 14 см. Толщина стенок 0,2–0,3 см. В тесте сосуда присутствует примесь талька и мелкозернистого песка. Венчик сосуда прямой, на шейке расположены круглые наколы. Сосуд орнаментирован горизонтальными поясами наклонно поставленного гребенчатого штампа.

Наиболее полно представлен сосуд № 2. От него сохранилось 6 фрагментов венчиков, 31 фрагмент стенок и 21 фрагмент днищ. Диаметр сосуда – 28 см. Венчик сосуда украшен тремя горизонтальными поясами прокатанного гребенчатого штампа. Под ним располагаются также горизонтальные пояса из оттисков наклонно поставленного короткого гребенчатого штампа. Сосуд имеет округлое днище, украшенное радиально расположенными отпечатками гребенчатого штампа. Толщина стенок сосуда составляет 0,4–0,5 см, толщина днища доходит до 1,2 см. В тесте сосуда присутствует примесь талька и песка.

От сосуда № 3 сохранились сильно раздробленные фрагменты – 2 фрагмента венчика и 30 фрагментов стенок. Сосуд украшен геометрическим гребенчатым орнаментом.

В коллекции можно отметить присутствие не менее 10 сосудов с гребенчатым орнаментом и около 8 сосудов без орнамента. Объединяет их примесь талька в керамическом тесте.

Среди каменных изделий наиболее выразительными являются наконечники стрел – 8 экз. Шесть наконечников имеют вытянутую листовидную форму с вогнутым основанием. Их длина колеблется от 3,2 до 6,9 см (рис. 2, 1–6). Некоторые наконечники сужаются к основанию, образуя рыб-

ковидный насад (рис. 2, 1). Подобные наконечники стрел хорошо представлены в энеолитическом погребении № 1 на культовой площадке Скворцовская гора V (Шигирский торфяник) [Чаиркина, 2011, рис. 24, 1–17]. У двух наконечников отсутствуют кончики острий. Изготовлены наконечники из кремнистого сланца (5) и зеленой яшмовидной породы (1). Один наконечник стрелы имеет правильную листовидную форму длиной 3,2 см (рис. 1, 7). Своей формой и сырьем выделяется восьмой наконечник. У него треугольная база и четко выраженный черешок (рис. 2, 8). Часть черешка отломана, длина сохранившейся части наконечника – 2,7 см. Изготовлен он из халцедона.

Из обломков (18 экз.) выделено семь отколотых острий от узких вытянутых наконечников стрел. Их длина колеблется от 1,3 до 3,5 см, ширина в месте слома – от 0,9 до 1,4 см. Происходят острия от наконечников, изготовленных из зеленой яшмовидной породы, кремня, молочного кварца (по 2) и халцедона (1). От средней части наконечников сохранилось три фрагмента длиной 0,9 – 1,0 – 1,5 см и шириной соответственно 1,2 – 2,2 – 2,7 см. Изготовлены они из кремнистого сланца, зеленой яшмовидной породы и серого кварцита. Нижние части наконечников из кремнистого сланца в трех случаях имеют вогнутые основания, в одном – намеченный черешок. Все отломанные насады (4) также имеют вогнутое основание. У одного обломка вогнутое основание заканчивается оттянутым шипом. Обломок наконечника из зеленой яшмы обработан пильчатой ретушью. Остальные обломки выполнены из кремня, молочного кварца и серого кварцита.

Имеются в коллекции и незаконченные в обработке наконечники стрел (заготовки) – (4 экз.). Три заготовки из углистого сланца имеют длину 4,3 – 5,3 – 6,7 см. Длина заготовки наконечника из халцедона – 5,4 см.

Большой интерес представляют три шлифованных тесла из вулканического песчаника. Одно тесло размером 9,6 × 4,3 × 2,0 см имеет лезвие с одной стороны шлифованное, а с другой – оформленное мелкими сколами. На выпуклой стороне присутствуют негативы от трех сколотых пластин. Второе тесло сломано, его размер – 5,5 × 3,4 × 1,7 см. Одна сторона тесла шлифована, а вторая обработана пластинчатыми сколами (рис. 2, 15). Также в качестве нуклеуса использовалось сломанное тесло размером 5,3 × 3,5 × 1,7 см. Но самих пластин со шлифованными спинками в коллекции нет.

Однако в коллекции присутствуют четыре пластины из вулканического песчаника шириной 1,7 – 1,9 – 2,0 – 3,0 см. Их ширина соответствует ширине скребков на пластинах (см. ниже).

Единственное в коллекции острие изготовлено на массивной пластине халцедона длиной 3,8 см, шириной 1,5 см и толщиной до 0,7 см. Острие имеет листовидную форму, его кончик оформлен ретушью со спинки (рис.

2, 11). Кончик острия скруглен и заглажен, на нем присутствуют линейные следы, идущие концентрическими кругами. Острие использовалось для сверления твердого материала (керамика, кость, мягкий камень). Глубина проникновения в обрабатываемый материал – 0,5 см.

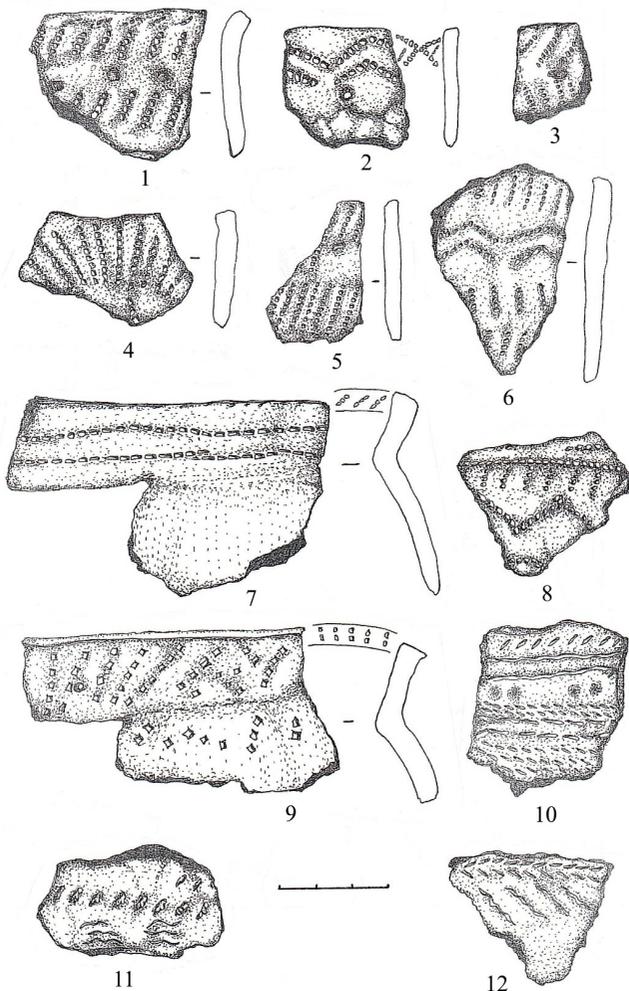


Рис. 1. Крутяки I. Керамика энеолита (1–6, 8), раннего железного века (7, 9) и средневековья (10–12).

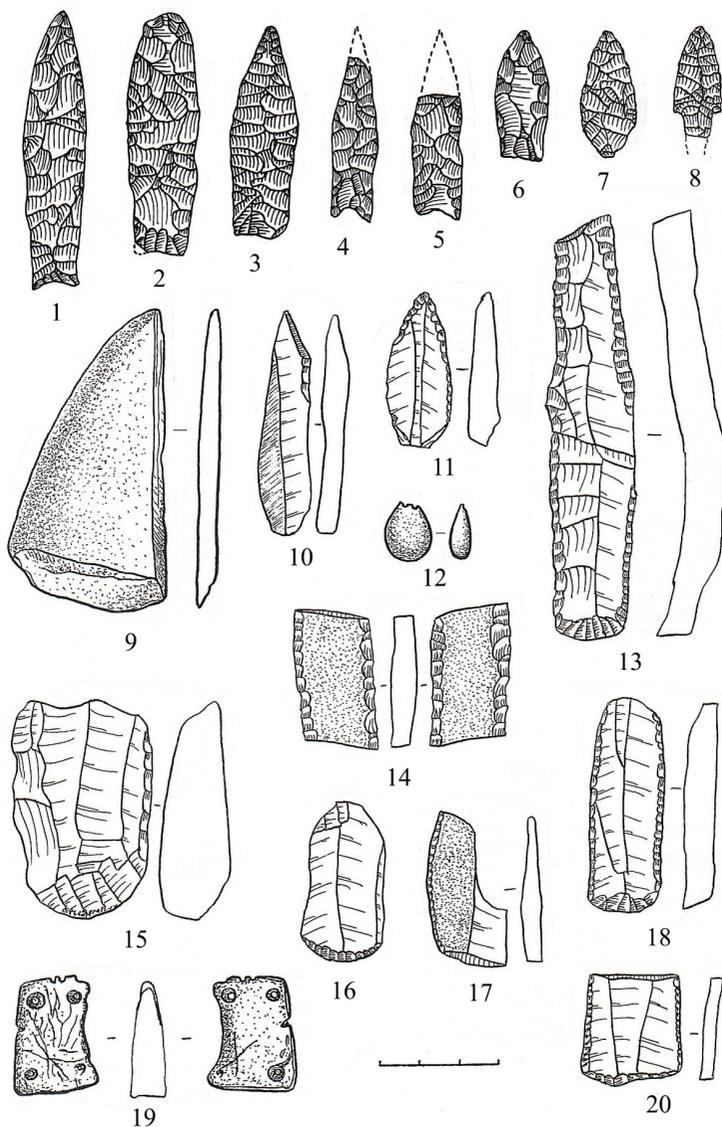


Рис. 2. Крутяки I. Каменные изделия энеолита (1–8 – наконечники стрел; 9 – шлифованный нож; 10 – острие; 11 – сверло; 12 – подвеска; 13, 16, 18, 20 – скребки на пластинах; 14, 17 – ножи; 15 – шлифованное тесло; 19 – гравированная нашивка).

К энеолиту отнесены скребки на пластинах (11 экз.). Все они однолезвийные. Семь скребков изготовлено на укороченных пластинах длиной до 2,5 см. Длина остальных – 3,8 – 4,2 – 5,3 – 10,4 см (рис. 2, 13, 16, 18, 20). Ширина пластин со скребковыми лезвиями колеблется от 1,5 до 2,4 см. Преобладают пластины шириной 1,7–1,9 см – 7 экз. В четырех боковые края скребков обработаны ретушью со спинки. Представляет интерес скребок на слабоизогнутой пластине, склеенной из двух частей общей длиной 10,4 см. Ширина пластины составляет 2,2 см, а толщина доходит до 1,0 см. Оба края пластины по всей длине обработаны крутой ретушью со спинки (рис. 2, 13). Изготовлены скребки из светло-серой слабоокремненной породы (5), светло-серой яшмы (4), зеленой яшмовидной породы, и полосчатого халцедона (по 1).

Интересны два скребка, изготовленные из обломков шлифованных рубящих орудий. Они имеют стандартные размеры – 5,5 × 3,8 см и 5,2 × 4,4 см. Рабочие лезвия оформлены ретушью со спинки, они сильно заглажены и залощены. На лезвиях присутствуют четкие линейные следы, идущие поперек рабочих кромок. Скребки долгое время служили для обработки шкур.

Также из обломка шлифованного рубящего орудия изготовлено оригинальное острие. Оно выполнено на длинном (5,5 см) и узком (1,2 см) сколе со средней части шлифованного тесла. При сколе образовалось естественное острие, которое на длину 1,4 см от кончика заточили абразивом со всех сторон (рис. 2, 10). Причем заточка образовала несколько смежных площадок. Острие с такой заточкой можно было использовать для сверления. Но следов работы на нем не обнаружено.

Энеолитические ножи отличаются разнообразием. Единственный шлифованный нож размером 7,3 × 3,7 × 0,5 см имеет выпуклое лезвие (рис. 2, 9). На противоположной стороне сохранились следы распила плитки абразивной пилой. Обе плоскости ножа тщательно отшлифованы. Фаска лезвия пришлифована, местами на ней сохранились линейные следы, идущие под углом к кромке лезвия. Такая сработанность характерна для строгальных ножей.

Два ножа изготовлены на плитках серого кварцита длиной 3,9 и 3,4 см. По двум краям они обработаны двусторонней краевой ретушью (рис. 2, 14). Еще два ножа выполнены на плитках сланца и халцедона. Их длина соответственно 4,1 и 3,2 см. Рабочие края обработаны односторонней краевой ретушью (рис. 2, 17).

На памятнике собрана значительная коллекция абразивов – 29 экз. Все они представлены обломками длиной от 2,0 до 10,1 см. Большая часть абразивов (17) имеет одну рабочую поверхность. Семь абразивов можно отнести к оселкам. Целый оселок длиной 14,7 см имеет две рабочие поверхности. Также по две поверхности и у сломанных оселков. Обычно они заметно вогнуты, использовались для заточки металлических ножей.

К эпохе энеолита относятся и три куранта – песта-терочника. Пест овального сечения выполнен из плотной зернистой породы размером  $10,8 \times 6,0 \times 5,2$  см и практически по всей поверхности обработан пикетажем. Узкий конец песта использовался для дробления, а широкий – для растирания. Второй пест размером  $12,9 \times 6,6 \times 3,8$  см изготовлен из вулканомиктового песчаника. Обработан он поперечными сколами, посередине имеет небольшую выемку. Использовался так же, как и первый пест: узким концом дробили, широким – растирали.

Отбойником служила сланцевая галька секирообразной формы длиной 11,1 см. Работа производилась узким концом гальки.

Небольшой серией в коллекции представлены изделия индивидуального характера. К ним относятся гребенчатый штамп, тальковая нашивка, обломок «утюжка» и костяная подвеска.

Гребенчатый штамп размером  $3,6 \times 2,0$  см изготовлен из породы красноватого цвета. Он имеет закругленные редко поставленные зубцы толщиной 0,4 см. Зубчатый ряд у него разрезан продольно канавкой на две части (рис. 3, 13) [Сериков, 2020]. Предварительно штамп был отнесен к раннему железному веку, но учитывая, что на памятнике выявлен значительный комплекс энеолита, его с большей уверенностью следует датировать именно этой эпохой.

Отломанный конец трапецевидной формы узкого (0,8 см) изделия имеет плоское основание, тщательно отшлифован со всех сторон. Изготовлено из слюдястого сланца. Скорее всего, обломок являлся концевой частью «утюжка».

Нашивка длиной 2,6 см, шириной 1,7 см и толщиной 0,6 см изготовлена из талька. У нее трапецевидная форма, причем один край слегка вогнут, на каждом углу просверлены отверстия (одно недосверлено). Длина изделия 2,6 см, ширина 1,7 см, толщина 0,6 см. На одной её стороне в бессистемном порядке прорезаны прямые и волнистые линии, а на другой – косой крест (рис. 2, 19) [Сериков, 2014, с. 96].

Также к украшениям относится единственное на стоянке изделие из кости. Это кальцинированная подвеска каплевидной формы длиной 1,4 см. Причем в профиле она также имеет каплевидную форму, только сильно суженную. Верхняя часть подвески отломана. В месте слома присутствуют остатки двух сверлин – подвеска подвергалась ремонту (рис. 2, 12). Подвески подобной формы и размера, только выполненные из красно-бурого пиррофиллитового сланца были широко распространены в энеолите Урала и Зауралья [Сериков, 2014, с. 131–132, фото 42, 6].

На памятнике широко использовалась абразивная техника. Но достоверно расчленив хронологически шлифованные рубящие орудия не представляется возможным.

Единственная шлифовальная плита изготовлена из гранодиорита. От нее сохранилось два обломка. Размер большого куска –  $12,2 \times 10,2 \times 3,5$  см. Для работы использовалась одна плоскость плиты.

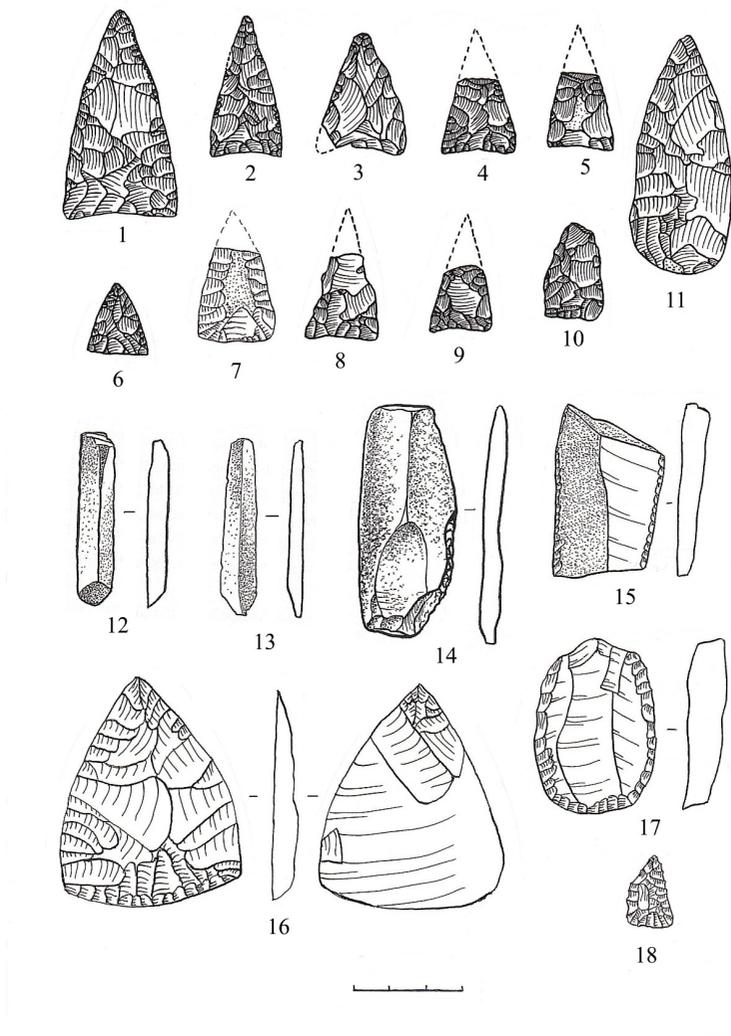


Рис. 3. Крутяки I. Каменные изделия раннего железного века (1–10, 18 – наконечники стрел; 11 – наконечник дротика; 12, 13 – шлифованные наконечники стрел; 14, 15 – ножи; 16, 17 – скребла).

Цельными на памятнике сохранилось только пять шлифованных тесел. Все они изготовлены из вулканомиктового песчаника. Их размеры –  $8,2 \times 4,1 \times 1,2$  см –  $6,9 \times 3,5 \times 1,5$  см –  $6,7 \times 3,3 \times 1,9$  см. Еще у одного тесла размером  $8,2 \times 3,9 \times 1,9$  см разрушено лезвие. Также сильно сработано рабочее лезвие у тесла размером  $7,4 \times 3,7 \times 2,0$  см. У него одна сторона отшлифована, а вторая – обработана сколами. У двух тесел отшлифованы только рабочие лезвия. Остальная поверхность обработана оббивкой. Их размеры –  $8,2 \times 3,4 \times 2,3$  см и  $8,5 \times 3,4 \times 2,2$  см. Самое маленькое тесло ( $4,7 \times 3,2 \times 1,1$  см) тщательно отшлифовано со всех сторон.

Еще четыре тесла изготовлены оббивкой, шлифовка на их поверхности отсутствует. Два тесла имеют подтреугольную форму размером  $10,9 \times 4,6 \times 2,5$  см и  $9,0 \times 4,7 \times 2,0$  см. Два тесла такого же крупного размера ( $9,9 \times 5,1 \times 3,0$  см и  $9,7 \times 5,4 \times 3,1$  см) слегка изогнуты в профиле.

Кроме полностью обработанных тесел в коллекции имеются незаконченные рубящие орудия (4 экз.). Они также изготовлены из зеленокаменной породы – вулканомиктового песчаника. Их длина равна  $8,1 - 7,6 - 6,8 - 6,2$  см, ширина соответственно  $4,0 - 5,3 - 5,5 - 4,2$  см, а толщина  $2,4 - 3,8 - 3,5 - 3,3$  см.

Из крупных обломков тесел нужно отметить тесла длиной  $11,2$  см и  $8,9$  см. У них разрушены обушная часть и противолежащая часть с рабочим лезвием. Остальные обломки рубящих шлифованных орудий (124 экз.) имеют длину от  $1,4$  до  $6,7$  см. Шесть обломков представлены сколотыми лезвиями, 51 обломок происходят от средних частей тесел, а восемь являются отбитыми обушными частями. Происхождение оставшихся 59 обломков из-за их мелких размеров установить не удастся. Практически все обломки изготовлены из вулканомиктового песчаника.

Керамический комплекс раннего железного века почти в семь раз превышает энеолитический. Он состоит из 113 фрагментов венчиков, 284 фрагментов стенок с орнаментом, 2270 фрагментов стенок без орнамента и 8 фрагментов днищ. Керамика сильно дробленая, около 90 % имеют длину до 3 см. В целом размеры фрагментов керамики колеблются от  $1,5$  до  $5,7$  см. Все сосуды заметно профилированы. В тесте сосудов присутствует значительная примесь песка и дробленого кварца. Края венчиков часто приотстрены и с двух сторон украшены наклонно расположенными насечками или коротким отпечатками гребенчатого штампа. По шейке сосудов часто нанесены круглые наколы. Большая часть сосудов орнаментирована гребенчатым штампом. По материалам северного раскопа реставрированы два сосуда. Они имеют небольшой диаметр, сильно профилированную шейку, округлые бока и такое же днище. Толщина стенок у одного сосуда  $0,2-0,3$  см, у второго –  $0,4-0,5$  см. Гребенчатым орнаментом украшены венчики, шейки и плечики сосудов (рис. 1, 7, 9). В тесте присутствует примесь мелкозернистого песка и талька. Эту часть сосудов можно отнести к кашинской

культуре III в. до н. э. – III в. н. э. Аналогичная керамика хорошо представлена на святилище, расположенном на вершине горы Голый Камень в черте г. Нижний Тагил [Сериков, Серикова, 2005, с. 17–18; рис. 8, 3, 4; 10, 1–8]. Единично встречена керамика с крестовым орнаментом гамаюнского типа.

Из других глиняных изделий нужно отметить наличие трех рыболовных грузил. Целое грузило с отверстием диаметром 1,0 см имеет длину 5,4 см и диаметр до 2,9 см. Еще два аналогичных грузила представлены обломками длиной 2,3 и 2,8 см.

Каменные наконечники стрел представлены одним типом – короткими широкими треугольными наконечниками с прямым или слабоогнутым основанием – 10 экз. (рис. 3, 2, 3, 6, 10, 18). Все наконечники обработаны плоской двусторонней ретушью. Различаются они только размерами. Их длина колеблется от 1,9 до 3,7 см. У трех наконечников отломаны нижние уголки оснований (рис. 3, 3). Выделяется изделие такой же треугольной формы, но длиной 5,6 см. Оно могло являться как наконечником стрелы, так и наконечником дротика (рис. 3, 1). Изготовлены наконечники стрел из кремнистого сланца (4), зеленой яшмовидной породы (3), кремня (2) и халцедона (1). Единственный наконечник дротика с округлым основанием изготовлен из углистого сланца. Его длина – 6,7 см ширина – 2,8 см (рис. 3, 11).

У сломанных наконечников стрел (11 экз.) отсутствуют острия. Но они имеют такую же форму коротких треугольников со слабоогнутым основанием (рис. 3, 4, 5, 7–9). Длина сохранившихся частей наконечников – 1,7–2,4 см. Изготовлены они из кремнистого сланца (4), углистого сланца (2), коричневого кремня, молочного кварца, халцедона, сургучной и зеленой яшмы (по 1). На сломанном наконечнике из зеленой яшмы посередине с двух сторон проходит черная полоса шириной 0,5 см с остатками прилипшей какой-то органики (смола?). Возможно, это следы крепления наконечника в древко стрелы. Но тогда кончик острия выступал бы из древка стрелы не более чем на 1,6 см.

С ранним железным веком можно связать и четыре сломанных шлифованных наконечников стрел. От трех наконечников сохранились средние части без насада и кончика пера (рис. 3, 12, 13). Их длина 1,4 – 4,2 – 4,3 см, ширина – 1,0–1,1 см. У всех наконечников ромбическое сечение. Четвертый наконечник представлен отломанным кончиком пера длиной 1,2 см. Все шлифованные наконечники стрел изготовлены из серого сланца.

Из других шлифованных изделий нужно отметить два шлифованных ножа. Один нож имеет прямоугольную форму размером 6,2 × 2,6 × 0,6 см. Изготовлен он из обломка шлифованного рубящего орудия (рис. 3, 14). Ударный бугорок отщепа уплощен шлифовкой. Второй нож также выполнен из обломка шлифованного рубящего орудия. Он имеет овальную форму размером 5,5 × 2,3 × 0,6 см.

Нешлифованный нож изготовлен из расколотой плитки кремнистого сланца размером  $4,7 \times 3,0 \times 0,8$  см. Оба продольных края обработаны ретушью краевой ретушью со спинки (рис. 3, 15).

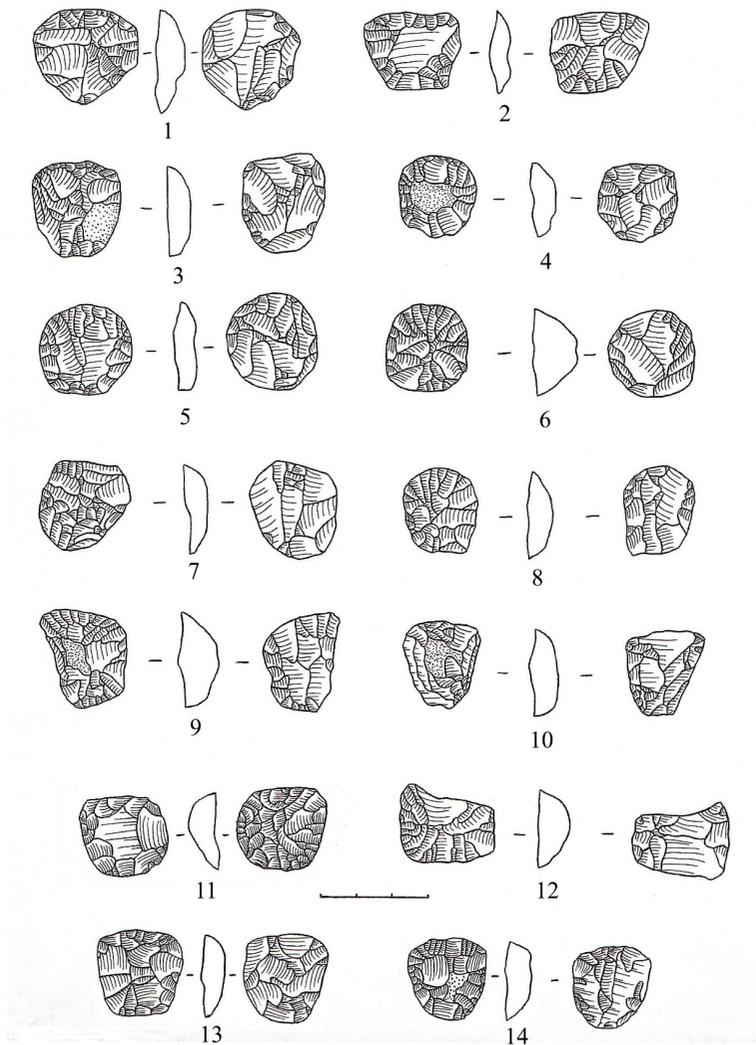


Рис. 4. Крутяки I. Скребки балакинского типа (1–14).

Скребки, как и шлифованные орудия, не просто разложить по эпохам. Но основания для этого имеются. Голоокаменное сырье (вулканомиктовые алевролиты) использовалось исключительно в эпоху мезолита. Поэтому все скребки на отщепе из алевролита отнесены к мезолиту. Скребки на широких пластинах в связи с полным отсутствием в раннем железном веке пластинчатой техники продатированы энеолитом. Оставшиеся скребки на отщепе можно отнести к раннему железному веку. Тем более что оставшиеся скребки имеют оригинальную форму и обработку (19 экз.). Среди них преобладают скребки круглой и овальной формы, но имеются скребки подквадратной и подтреугольной формы со скругленными углами. По всему периметру они обработаны ретушью. Причем плоская ретушь покрывает не только спинку изделий, но и брюшко (рис. 4, 1–14). Впервые они отмечены на стоянке позднего бронзового века Балакино I, расположенной вблизи г. Нижний Тагил. На территории Среднего Зауралья скребки балакинского типа широко известны в позднем бронзовом и раннем железном веках. В комплексах раннего железного века они присутствуют на памятниках Тагильский могильник, Исток II, Исток III, Мурино и др. Для изготовления скребков балакинского типа использовались кремнистый сланец, кремль, халцедон, яшмовидная порода, кварцит.

К скребкам балакинского типа примыкает крупное скребло длиной 6,3 см, шириной 5,0 см и толщиной 0,9 см. Выполнено оно из качественного кремня коричневого цвета. Спинка скребла обработана по всей поверхности плоскими сколами. Но на брюшке присутствует не полная обработка, а единичные плоские сколы. Рабочее лезвие скребла оформлено крутой ретушью со спинки (рис. 3, 16). Еще одно скребло изготовлено на массивном (4,9 × 3,3 × 1,1 см) отщепе зеленокаменной породы (рис. 3, 17).

Отщепы (556 экз.) описываются суммарно, разложить их по эпохам не представляется возможным. Больше всего отщепов изготовлено из халцедона – 334 экз. (60 %). На втором месте идут отщепы из вулканомиктового песчаника – 170 экз. (30,5 %). Небольшие серии образуют отщепы из кварца (35), сердолика (12) и углистого сланца.

Эпоха средневековья представлена всего 23 фрагментами керамики – 6 фрагментов венчиков и 17 фрагментов орнаментированных стенок. Венчики слабо изогнуты в профиле. На шейке присутствуют круглые наколы. Сосуды украшены струйчатым орнаментом и фигурными змейками (рис. 1, 10–12).

#### **4. Заключение**

На территории Тагильского края неплохо изучены памятники каменного века (палеолита, мезолита и неолита). Комплексы более поздних эпох исследованы и опубликованы недостаточно. Полная публикация поздних комплексов памятника Крутяки I расширяет наши знания по археологии Тагильского края.

## Список литературы

Сериков, Ю. Б. Микролитический комплекс стоянки Крутяки I / Ю. Б. Сериков. – Текст : непосредственный // Вопросы археологии Урала. Вып. 15 / под ред. В. Е. Стоянова. – Свердловск : Уральский государственный университет, 1981. – С. 52–57.

Сериков, Ю. Б. Мезолитические памятники полуострова Крутяки / Ю. Б. Сериков. – Текст : непосредственный // Северная Азия в эпоху камня / под ред. А. И. Мазина, С. А. Гладышева. – Новосибирск : б. и., 1987. – С. 127–151.

Сериков, Ю. Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья / Ю. Б. Сериков. – Нижний Тагил : Полиграфист, 2000. – 430 с. – Текст : непосредственный.

Сериков, Ю. Б. Очерки по первобытному искусству Урала / Ю. Б. Сериков. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2014. – 268 с. – Текст : непосредственный.

Сериков, Ю. Б. Зубчатые штампы Урала и некоторые аспекты их использования / Ю. Б. Сериков. – Текст : непосредственный // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2020. – Т. 20. – № 2. – С. 65–79.

Сериков, Ю. Б. Святилище на вершине горы Голый Камень (Нижний Тагил) / Ю. Б. Сериков, Л. В. Серикова. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2005. – 79 с. – Текст : непосредственный.

Чаиркина, Н. М. Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья (по материалам погребально-культовой площадки Скворцовская гора V) / Н. М. Чаиркина. – Екатеринбург : Уральское отделение РАН, 2011. – 224 с. – Текст : непосредственный.

Статья получена: 21.04.2021

Статья принята: 23.05.2021

## **NEW DATA ON THE ARCHEOLOGY OF THE TAGIL REGION (ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE KRUTIAKI I SITE)**

**Yu. B. Serikov**

Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch)  
of the Russian State Vocational Pedagogical University

Nizhny Tagil, Russia  
u.b.serikov@mail.ru

*Annotation.* The article presents new materials on the Eneolithic, Early Iron Age and Middle Ages, poorly covered in the history of the Tagil region. The complexes of ceramics and stone products underwent a typological analysis. Traceological and mineralogical methods were used in the analysis of stone products. All known types of the eneolithic stone tools are

represented: arrowheads, scrapers, knife-like blades, polished and retouched knives, abrasives, polished adzes, points, and pestles. Of the non-utilitarian items, a piece of an "iron", a bone pendant and an engraved talcum powder patch should be noted. Stone arrowheads, polished knives and arrowheads, and scrapers were still used in the early Iron Age. The Balakino-type scrapers are of particular interest. They have a rounded, sub-square or triangular shape and are processed with flat retouch around the entire perimeter. Moreover, retouching covers not only the reverse, but also the obverse of the items. Such scrapers are typical products of the Late Bronze and Early Iron Ages. The local population made extensive use of the raw material base of the Tagil region. Products made of siliceous shale, chalcedony and sandstone prevail at the site. Flint, various jaspers, milky quartz, gray quartzite, and carbonaceous shale were less widely used. In isolated cases, granodiorite and talc were used. New materials expand our knowledge of the archeology of the Tagil region.

*Key words:* Tagil region, Eneolithic, Early Iron Age, Middle Ages, types of stone tools, raw material base of the site.

## References

Chairkina, N. M. (2011). *Pogrebal'nye komplekсы epokhi eneolita i rannego zhelezного века Zaural'ia (po materialam pogrebal'no-kul'tovoi ploshchadki Skvortsovskaiа gora V)* [Funerary complexes of Neolith and Early Bronze age of Transural (by materials of funerary-cultic ground Skvortsovskaiа Mounting V)]. Ekaterinburg: Ural'skoe otделение RAN.

Serikov, Yu. B. (1981). Mikroliticheskiy kompleks stoianki Krutiaki I [Microlytic complex of the site Krutiaki]. In V. E. Stoianov (Ed.), *Voprosy arkheologii Urala. Vyp. 15* (pp. 52–57). Sverdlovsk: Ural'skii gosudarstvennyi universitet.

Serikov, Yu. B. (1987). Mezoliticheskie pamiatniki poluostrova Krutiaki [Mesolithic sites of the Krutiaki peninsula]. In A. I. Mazin, S. A. Gladyshev (Ed.), *Severnaia Aziia v epokhu kamnia* (pp. 127–151). Novosibirsk: n. d.

Serikov, Yu. B. (2000). *Paleolit i mezolit Srednego Zaural'ia* [Paleolithic and Mesolithic of the Middle Transural]. Nizhnii Tagil: Poligrafist.

Serikov, Yu. B. (2014). *Ocherki po pervobytnomu iskusstvu Urala* [Essays on the primitive art of the Urals]. Nizhnii Tagil: NTGSPA.

Serikov, Yu. B. (2020). Zubchatye shtampy Urala i nekotorye aspekty ikh ispol'zovaniia [Toothed stamps of the Urals and some aspects of their use]. *Vestnik YuRGU. Seriya "Sotsial'no-gumanitarnye nauki"*, 2 (20), 65–79.

Serikov, Yu. B. & Serikova, L. V. (2005). *Sviatilishche na vershine gory Golyi Kamen' (Nizhnii Tagil)* [Sanctuary on the top of the mountain Golyi Kamen' (Nizhny Tagil)]. Nizhnii Tagil: NTGSPA.

Submitted: 21.04.2021

Accepted: 23.05.2021

# ФИЛОЛОГИЯ

---

УДК 811.11-112

## СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ АНГЛИЙСКИХ БРЕНДОВ ЖЕНСКОЙ ОДЕЖДЫ

**Т. В. Аникина**

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)  
Российского государственного профессионально-педагогического университета  
Нижний Тагил, Россия  
*anikishna@mail.ru*

**М. И. Чижова**

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)  
Российского государственного профессионально-педагогического университета  
Нижний Тагил, Россия  
*chizhova\_mi@mail.ru*

*Аннотация.* В статье рассматриваются способы номинации английских брендов женской одежды. Целью работы является определение специфики номинации брендов женской одежды в английском языке. Для анализа номинаций было отобрано 70 наименований брендов. Научная новизна работы заключается в том, что впервые подвергнут лингвистическому анализу такой фрагмент языковой картины мира, как наименования брендов женской одежды в английском языке: рассмотрены способы номинации данной лексики, установлена степень их продуктивности. Результаты исследования показали, что самым продуктивным способом номинации английских брендов женской одежды является создание составных наименований. Второе место занимают однословные номинации, образованные в результате переноса наименований. Наименее распространенными оказываются однословные номинации, созданные путем словосложения и аббревиации. Среди составных наименований наиболее многочисленную группу образуют двухкомпонентные названия, которые выражены именами существительными. Большинство из них представляют собой имена собственные, сочетающие имя и фамилию основателя бренда.

*Ключевые слова:* номинация, бренд, рекламное имя, женская одежда, структура имени.

### **1. Введение**

На протяжении всей жизни человек находится в окружении предметов, изо дня в день он становится участником событий или свидетелем каких-либо явлений. Каждый объект действительности наделен определенными

признаками и качествами, которые помогают идентифицировать его в предметном многообразии и выделяют среди аналогичных образцов. Заметно упрощают процесс познания человеком окружающего мира номинативные аспекты речевой и языковой деятельности. Реализуя потребность в общении, человек становится активным субъектом когнитивной деятельности, в ходе которой познаваемые им жизненные реалии получают конкретные наименования.

Номинативная деятельность человека связана с его «способностью измерять все новое для него ... по своему образу и подобию» [Телия, 1988, с. 182]. С позиций современной антропоцентрической парадигмы, человек познает мир «через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем» [Маслова, 2001, с. 6–7]. С каждым днем он пополняет свой лексикон новыми понятиями, которые могут быть связаны как с его профессиональными устремлениями и повседневными потребностями, так и со сферой интересов и увлечений. Практически во всех этих сферах человек вовлекается в мир, насыщенный разнообразными товарными группами, каждая из которых имеет свое наименование – бренд [Бруцкая, Цыбенко, 2019; Глушкова, 2015; Данильчук, 2017; Новичихина, 2004; Сотникова, 2007; Zilg, 2011]. Однако бренд подразумевает не только имя товарной категории, он включает в себя комплекс представлений, ассоциаций и эмоциональных характеристик, влияющих на восприятие товара или услуги. Сочетая ценностные установки с номинативными характеристиками бренда, человек формирует определенное отношение к ассортименту продукции.

Известные маркетологи и представители рекламного бизнеса расходятся в четком и общепризнанном понимании термина «бренд». По наиболее известным формулировкам, «бренд» – это:

– имя, термин, знак, символ, дизайн или комбинация всего перечисленного, предназначенные для отличия товаров или услуг одного продавца или группы продавцов от товаров или услуг конкурентов (Американская ассоциация маркетинга) [Стратегия брендинга];

– комбинация функциональных и эмоциональных характеристик, которые формируют определенный образ, влияющий на уровень потребления. Основой бренда является марка, используемая компанией для идентификации ее товаров и услуг по отношению к конкурентам (Международная ассоциация владельцев торговых марок) [Экономическое понятие бренда];

– неосязаемая совокупность свойств продукта, его имени, упаковки, цены, истории, репутации и способа рекламирования. Бренд также является сочетанием впечатления, которое он производит на потребителей и результатом опыта потребителей в использовании бренда (основатель рекламных агентств «Ogilvy&Mather», «Ogilvy PR», известный копирайтер Дэвид Огилви) [Теоретические аспекты технологии ...];

– раскрученная торговая марка с атрибутами фирмы или товара, которые отражают их индивидуальность, привлекают концентрированное внимание клиентов и создают имидж фирме, способствуя достижению репутации и продвижению товара на рынок [Воронин, 2010, с. 10–11].

Понятие «бренд» практически не отличается от определения торговой марки, представляющей собой совокупность свойств, образов и ассоциаций, которые позволяют товару или услуге выделяться на фоне конкурентов [Бренд, торговая марка ...]. Но помимо того, что эти отличительные особенности обеспечивают конкурентное преимущество марки при выстраивании интегрированных маркетинговых коммуникаций, они также являются хорошо узнаваемыми и пользуются доверием у представителей целевой аудитории.

Основными характеристиками бренда являются:

- ключевое содержание (brandessence);
- ассоциации, которые вызывает товар у потребителей (brandattributes);
- словесная часть марки (brandname);
- визуальный образ товара, сформированный рекламой в сознании покупателей (brandimage);
- паблицити – степень известности торговой марки у потенциальных потребителей (brandpower);
- индивидуальность (brandidentity);
- ценность – функциональность, качество, надежность предлагаемой продукции (brandvalue);
- стоимость раскрученности бренда (branddevelopmentindex) [Бренд, методы создания ...].

Номинации брендов различных товаров представляют собой достаточно интересный фрагмент языковой картины мира, изучение которого позволяет выявить номинативные предпочтения их создателей. Бренд подразумевает совокупность различных характеристик, предназначенных для отличия товаров или услуг одного производителя от товаров или услуг конкурентов: свойств продукта, его имени, фирменного стиля, ценовой категории, истории, репутации и способа рекламирования.

Основой бренда является торговая марка, которая на определенном этапе своего развития получает широкое территориальное распространение, приобретает высокую степень узнаваемости и завоевывает доверие целевой аудитории. Лингвистическая составляющая бренда – рекламное имя – представляет собой имя рекламируемого объекта, коммерческое название, собственное имя любого товара в широком смысле слова.

Целью настоящей работы является анализ номинаций английских брендов женской одежды.

## **2. Материал и методика исследования.**

В иллюстративную базу были включены наименования брендов, которым отдают предпочтение представительницы королевской семьи. Как правило, для выхода в свет и посещения светских мероприятий они делают выбор в пользу современной классики, что не только подчеркивает их утонченный вкус, но и соответствует королевскому протоколу.

Помимо брендов класса люкс, для анализа также были выбраны бренды среднего ценового сегмента, ориентированные на широкие массы потребителей. Их основателями могут быть как коренные жители Великобритании и США, так и уроженцы других стран. Концептуальная направленность каждого бренда зависит от творческого замысла дизайнеров.

Источниками информации об истории английских брендов женской одежды послужили электронные ресурсы, предоставляющие подробный текстовый и визуальный материал, описывающий этапы становления и развития торговых марок (перечень ресурсов представлен в списке источников).

В работе отобраны известные английские бренды международного значения, популярные как среди знаменитостей, так и среди массовой аудитории. Всего было проанализировано 70 наименований.

В исследовании применяются следующие методы: описательный метод (наблюдение, сопоставление, систематизация материала), статистический метод, лингвокультурологическое описание.

## **3. Анализ названий брендов женской одежды.**

По структуре анализируемые наименования брендов можно разделить на две группы: составные и однословные.

Наиболее продуктивными являются составные наименования, они могут быть двух-, трех- и четырехкомпонентными. Самую многочисленную группу составляют двухкомпонентные образования. Наибольшее распространение получили наименования, образованные на базе имен собственных – антропонимов и топонимов.

Структурная классификация наименований представлена в Таблице 1.

Таблица 1– Структурная классификация наименований брендов

<b>составные номинации (65,72%)</b>	
двухкомпонентные наименования	52,86%
трехкомпонентные наименования	11,43%
четырёхкомпонентные наименования	1,43%
<b>однословные номинации (34,28%), образованные в результате:</b>	
переноса наименований	20%
словосложения	8,57%
аббревиации	5,71%

Рассмотрим основные группы номинаций брендов по критерию их структурной классификации.

### **3.1. Однословные названия**

Однословные названия торговых марок образуются как путем метонимического и метафорического переноса, так и в результате словосложения и аббревиации. Более распространены наименования первой группы, при этом преобладают имена собственные, в основе которых лежит метонимический перенос.

– по фамилии основателя:

*Burberry*. Британский бренд создан в 1856 году Томасом Берберри в Бейзингстоке. Компания начала свою деятельность как производитель верхней одежды, но через некоторое время дополнила линейку выпускаемой продукции классическими моделями и повседневной одеждой в стиле casual.

*Joules*. Британская торговая марка зарегистрирована в 1989 году. В 2011 году ее основатель Том Джоул описал свою бизнес-модель следующим образом: создание одежды с «цветом, весельем и развлечениями». Большую часть ассортимента составляет одежда в стиле кантри и рубашки поло.

*Reiss*. Британский модельер Дэвид Рейс основал бренд в Лондоне в 1971 году. Дизайнер выпускает уникальные светодиодные коллекции одежды. Женская линейка представлена платьями, блузками, деловыми костюмами и трикотажными изделиями.

*Wallis*. Рафаэль Нат Уоллис создал свой бренд в 1923 году в Лондоне. Его первый магазин приобрел популярность среди дам благодаря добротным пальто. Сегодня ассортимент одежды включает в себя практически все предметы женского гардероба. Коллекции выпускаются в классическом стиле и стиле casual.

Также некоторые дизайнеры используют в качестве названия своего бренда фамилию человека, вдохновившего их заниматься дизайном моделей одежды:

*Jaeger*. Британская марка одежды существует на рынке уже более 130 лет. В начале 1884 года бухгалтер Льюис Томалин задумал открыть магазин одежды из натуральной шерсти. На это его вдохновил труд немецкого специалиста по физиологии и зоологии Густава Йегера «Культура здоровья», в честь которого и был назван магазин. Неизменным атрибутом каждой коллекции дизайнера остается пальто.

– по имени основателя:

*Erdem*. Бренд основан в 2005 году выпускником лондонского Royal College of Art Эрдемом Моралиоглу. Его коллекции известны цветочными принтами, обилием парчи, атласа и кружев, женственными силуэтами платьев и юбок и разнообразием декоративных элементов.

*George*. Джордж Дэвис создал свой бренд в 1989 году в Великобритании. Кроме повседневной одежды, в ассортименте представлены трендовые

вещи, классические, спортивные предметы гардероба, а также линия свадебных нарядов. На моделях присутствуют изображения любимых героев Disney и авторские персонажи марки.

*Joseph.* Английский бренд зарегистрирован в 1983 году Джозефом Эттедги. Второе рождение марка пережила в 2005 году: руководствуясь идеей минимализма, четкой геометрии и чистоты линий, команда дизайнеров оживила вещи прежних коллекций выразительными принтами, увеличила пропорции и сделала ставку на свободный крой.

В эту же группу можно включить название бренда, образованное в результате переноса имени литературного героя:

*Boudicca.* Торговая марка появилась в 1997 году. Для коллекций характерен узнаваемый силуэт, стремление к монохромности и выверенный архитектурный крой.

Создатели бренда – Брайан Киркби и Зоуе Броач – заимствовали имя из древних легенд и мифов. Боудикка (Boudicca, кельт.) – героиня британского эпоса, легендарная королева бриттов, которая возглавила восстание против римских захватчиков в 61 г. н.э. Концепция марки основывается на идее своеобразного «традиционного бунта» или «восстания против тенденций», смешении моды и искусства.

– имена нарицательные:

Менее продуктивны метафорические и метонимические номинации, в основе которых лежат названия различных артефактов или реалий неживой и живой природы (время года, растение, отвлеченное понятие, местность):

Единичным примером метонимии представлено название бренда, которое образовано на основе существительного нарицательного, подвергнувшегося двойному метонимическому переносу (название места – люди, которые там находятся – название бренда, целевой аудиторией которого они являются):

*Bench.* Британский бренд одежды в урбанистическом стиле ведет свою историю с 1989 года. Философия марки заключается в сложном, но органичном сочетании стиля 80-х, современных технологий, клубной музыки и повседневной одежды.

Название переводится на русский язык как «Скамья (лавочка)», что ассоциируется с обыкновенными городскими скамейками, на которых проводят свой досуг девушки и юноши Манчестера, общаясь друг с другом. Именно они являются представителями целевой аудитории бренда.

В этой группе номинаций чаще обнаруживается метафорический перенос:

*Monsoon.* Английский бренд был основан в 1972 году и объединил под своим крылом две популярные во всем мире торговые марки – Monsoon и Accessorize. Monsoon, созданный Питером Саймоном, предлагает широкий выбор как повседневной, так и вечерней женской одежды, сочетающей этническую направленность, индивидуальные и эксклюзивные дизайнерские

разработки. Accessorize специализируется на ассортименте стильных женских аксессуаров.

Коллекции одежды с народными мотивами из натуральных тканей создаются под влиянием различных культур отдаленных уголков Мальты, Индии и Дальнего Востока, предположительно, поэтому для марки и было выбрано данное название Monsoon (в переводе с английского – «Сезон дождей»), связанное с особенностями географии посещаемых дизайнером регионов.

*Mulberry.* Английский бренд создан в 1971 году в графстве Сомерсет Джоан и Роджером Саулом, матерью и сыном. Основатели начали свою деятельность с кожаных аксессуаров. Женская линейка, представленная платьями, блузами и пальто, отличается высоким качеством и простотой дизайна [Малберри – BRANDSHOP ...].

В качестве логотипа и названия марки взято растение шелковица, или тутовое дерево, – мулберри, которое символизирует природу и семью.

*Next.* Бренд основан английским портным Джозефом Хепвортом в 1982 году. Он появился путем объединения компании JosephHepworthandSon, занимающейся пошивом женской одежды, с семейным предприятием Kendall&Sons, выпускающим зонтики и дождевики для женщин [История бренда: Next ...].

Первая женская коллекция, выпущенная новой маркой, получила название «Next», которое впоследствии стало использоваться и в качестве наименования бренда. Девиз компании, который в полной мере реализуется на практике, гласит: «Главное в жизни – быть неповторимой и уникальной личностью». Это находит отражение в рекламном имени, которое на русский язык переводится как «Следующий (будущий)». Оно предполагает совершенно новый, более высокий уровень моды, который способен подчеркнуть яркую индивидуальность каждой представительницы целевой аудитории [Next (Некст) ...].

*Oasis.* Британский бренд появился в 1991 году благодаря братьям Майклу и Морису Беннет. Изделия марки выполнены в стиле highstreet, фактически это модная одежда стиля casual. Особое внимание дизайнеры уделяют цветовой палитре и принтам на ткани – крупный и мелкий горошек, шкура леопарда, роскошные цветы в стиле Рококо.

Под оазисом понимают островок растительности в пустынной местности, расположенный около естественного водоема. Бренд Oasis – так называемый «островок цвета, узоров и принтов» среди аналогичных предложений других производителей дизайнерской одежды [Оазис – это ...].

Вторую группу составляют словообразовательные номинации, созданные на базе словосложения и аббревиации.

Названия, получившиеся в результате словосложения, образуются по различным моделям:

– существительное + существительное:

*Aquascutum* (aqua+scutum). История английской марки началась в 1851 году, когда талантливый предприниматель и портной Джон Эмери открыл свое ателье и изобрел добротный материал, который защищал жителей туманного Альбиона от холода и дождя. Ткань обладала удивительными водоотталкивающими свойствами, поэтому он оформил на нее патент и в 1870 году даже изменил название бренда в честь своего изобретения: *Aquascutum* является ничем иным, как сочетанием слов, обозначающих «воду» и «щит» и условно его можно перевести как «Щит от воды».

*Firetrap* (fire+trap). История бренда началась в 1993 году с линии «*CasualWear*», ассортимент которой состоял преимущественно из денима. Сегодня марка успешно осваивает новое направление «лондонизм» и укрепляет свои позиции в нише городского уличного стиля.

Дословно название переводится как «Ловушка, помещение, из которого сложно выбраться во время пожара», но в мире моды его трактовку можно объяснить несколько иначе, вложив в нее более позитивный смысл. Имеется в виду, что смелые дизайнерские разработки настолько удивляют и поражают женскую аудиторию своей неординарностью и утонченностью, что познакомившись с ассортиментом *Firetrap*, девушки уже не хотят рассматривать предложения других марок, попадая в модную ловушку, расставленную дизайнерами бренда.

*Warehouse* (ware+house). История английской марки началась в 1976 году в Лондоне на *Duke Street*, где Джефф Бэнкс, Морис и Майкл Беннет решили открыть свой первый магазин. Коллекции бренда отличаются удивительным сочетанием стильного индустриального минимализма и женственной нежности.

Название переводится на русский язык как «Склад». Можно предположить, что оно олицетворяет широкий ассортимент предлагаемой продукции, которая характеризуется неординарным подходом к дизайнерскому исполнению и предоставляет каждой покупательнице возможность выбрать тот образ, который будет ей по душе. Выбранное изделие будет считаться своеобразной «находкой» для представительницы прекрасного пола.

– существительное + прилагательное (возможно с перестановкой компонентов):

*Missguided* (miss+guided). Молодой британец Нитин Пасси основал марку в 2009 году. Основу коллекций составляют различные модели платьев. Практически любая девушка, живущая в ритме современности, сможет подобрать в разнообразном ассортименте бренда законченный образ и найти подходящую одежду на все случаи жизни в соответствии со своим темпераментом, вкусом и возможностями.

Основатель марки считает, что девушкам необходимо профессиональное руководство по миру моды, и это подчеркивается в созданном им названии, состоящем из двух слов: «девушка» и «управляемая /направляемая/ведомая».

*Topshop* (top+shop). Концепция популярного во всем мире британского бренда модной одежды заключается в гармоничном сочетании последних fashion-тенденций, креативности в разработке коллекций и качественного пошива изделий.

Выбор названия *Topshop* (в переводе с английского – «Лучший магазин») связан с тем, что модельеры бренда не копируют идеи именитых дизайнеров, а создают свой уникальный свежий стиль с учетом актуальных тенденций, предлагая одежду по доступным ценам.

– наречие + прилагательное:

*Superdry* (super+dry). В 2003 году после поездки в Токио два британских дизайнера Джулиан Даркентон и Джеймс Холдер решили создать коллекцию одежды, которая отражала бы ультрасовременный токийский стиль. Вскоре появился уникальный бренд «Очень сухой», дизайн которой сочетает в себе элементы японского уличного стиля и американский винтаж.

В интервью на вопрос: «Почему вы выбрали именно «Superdry» для названия бренда?» Джулиан Данкертон ответил: «На самом деле название бренда абсолютно ничего не означает. Мы просто придумывали разные слова, перебирали варианты, и в голову пришел Superdry. Джеймс, мой партнер, сделал вариант на японском, нам понравилось, как это выглядит. Вот и вся история. В общем, просто крутое слово» [«Бизнес не терпит ...»].

На основе аббревиации созданы наименования следующих брендов:

*ASOS*. Самый амбициозный британский бренд молодежной одежды. В июне 2000 года Ник Робертсон и Квентин Гриффитс официально зарегистрировали сайт «Asseenonscreen» (в переводе с английского – «Как показано на экране»). Проект задумывался как магазин мирового масштаба, предлагающий мультибрендовую одежду. Целевой аудиторией марки является молодежь от 20 лет, мечтающая выглядеть как их звездные кумиры на экране.

*BHS*. Британский дом впервые открыл свои двери в 1928 году в Лондоне. Одежда бренда отличается классическим кроем, все линейки лишены вычурности и ненужных деталей. Недавно в ассортименте появились свадебные коллекции, привлекающие внимание сочетанием простых форм и отделки с элегантностью и торжественностью.

Название представляет собой аббревиатуру, составленную из первых букв словосочетания *BritishHouse* в соединении с последней согласной буквой опорного существительного.

*DKNY*. Линия *DKNY* запущена дизайнером Донной Каран в 1989 году. Коллекции марки основаны на направлении casual. Особенность пошива заключается в сочетании структурного кроя и мягких струящихся тканей. Яркие цифровые принты и абстрактные полосы в моделях одежды стали настоящим хитом в мире моды.

*DKNY* расшифровывается как «Donna Karan New York». Вещи бренда шьются из приятных на ощупь тканей и отражают дух главного для Донны

Каран города – Нью-Йорка: «Я создаю вещи для космополитов – для творческих людей, которые не знают, где окажутся в то или иное время суток. Именно поэтому на моем лейбле написано «Нью-Йорк». Этот город задает темп и ритм, формирует определенное отношение к компании».

*GOAT*. Британский бренд создал дизайнер Джейн Льюис в 2001 году. Первоначально компания специализировалась на разработке коллекций из элитного кашемира для знатоков и ценителей моды. Позже узнаваемый фирменный трикотаж был дополнен такими же узнаваемыми костюмами, платьями и верхней одеждой.

Название *GOAT* (*GreatestOfAllTime*) – сокращение, которое означает «Величайший из всех времен», что подчеркивает престижность марки и ее элитарную направленность.

Особенности образования однословных наименований брендов представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Особенности образования однословных наименований брендов

<b>номинации, образованные в результате переноса наименований (58,33%):</b>	
метонимического переноса (41,66%)	
1. метонимический перенос существительного собственного	37,5%
- по фамилии основателя/вдохновителя	20,83%
- по имени основателя/литературного героя	16,67%
2. метонимический перенос существительного нарицательного	4,16%
метафорического переноса (16,67%)	
<b>словосложения (25%)</b>	
- существительное + существительное	12,5%
- существительное + прилагательное	8,33%
- наречие + прилагательное	4,17%
<b>аббревиации (16,67%)</b>	

### **3.2. Двухкомпонентные названия**

По структуре двухкомпонентные номинации брендов делятся на следующие группы:

– двухкомпонентное имя собственное (антропоним), представляющее собой сочетание имени и фамилии основателя бренда:

*Alexander McQueen*. Британский модный дом открыт в 1992 году дизайнером Александром МакКуином. За шокирующие коллекции модельера называют «хулиганом английской моды». В моделях присутствует многослойность, сочетаемость разных стилей и неординарность в оформлении.

*Amanda Wakeley*. Английский бренд знаменитого дизайнера Аманды Уэйкли появился в 1990 году. Легкие, воздушные наряды из шифона, стильные модели из кашемира и замши быстро покорили публику. Также марка выпускает коллекции свадебных платьев.

*Calvin Klein.* Американский Дом моды открылся в 1968 году. Его основатель Кельвин Кляйн адаптировал классический мужской костюм к женской моде: его женское двубортное пальто в мужском стиле стало настоящим хитом.

*Emma Cook.* Британский дизайнер Эмма Кук превратила высокую моду в настоящую игру, спектакль, где роль режиссера исполняет модельер. Одежда марки знаменита винтажным стилем: дизайнер умело сочетает последние достижения в области моделирования и ретро-элементы.

*Matthew Williamson.* Британский бренд основан в 1997 году дизайнером Мэтью Уильямсоном. Фирменный стиль марки отличают яркие цвета и этнические мотивы. Дополнительно изделия украшаются аппликациями, бисером, цветным металлом, драгоценными и полудрагоценными камнями, вышивкой.

*Neil Barrett.* Бренд создан в 1999 году британским дизайнером и телеведущим Нейлом Барреттом. Модельер отдает предпочтение классическим силуэтам и сдержанной цветовой гамме, при этом делая акцент на разрезах, необычных деталях и оригинальной отделке.

*Tom Ford.* Бренд создан в 2006 году Томом Фордом. В 2010 году запущена линейка женской одежды, в которой откровенные гламурные образы сочетаются с интеллектуальной составляющей.

*Victoria Beckham.* Бренд зарегистрирован в 2008 году англичанкой Викторией Бекхэм. В ее коллекциях присутствует вышивка, орнаменты, молнии и другие элементы декора. Однотонные коктейльные платья с четким зауженным силуэтом имеют преимущественно длину миди.

Условно в эту группу можно включить наименование, имеющее аналогичную структуру, но подвергшееся двойному переносу: имя внучки – название сорта розы – название бренда:

*Dorothy Perkins.* Английский бренд, основанный в 1909 году, изначально специализировался на дамском белье и чулочных изделиях. В 1939 году марка обрела свое нынешнее название – *Dorothy Perkins* – в честь любимой плетистой розы супруги директора компании. В свою очередь, «*DorothyPerkins*» – это один из старейших и очень красивых сортов роз, который носит имя внучки Чарлза Перкинса – основателя известного плодового питомника.

– имя собственное + имя собственное (антропоним + топоним):

*Issa London.* Британский бренд создан Даниэлой Исса Хелаель в 2003 году. Каждая коллекция включает в себя платья с яркими оттенками и принтами. Фирменным цветом марки можно считать синий, ведь именно он помог ей завоевать всемирную популярность.

*Temperley London.* Бренд из Великобритании появился в 2000 году благодаря молодому дизайнеру Эллис Темперли. Основную продукцию марки составляют оригинальные костюмы и изысканные струящиеся платья.

– имя нарицательное + имя собственное:

*Miss Selfridge*. Бренд, основанный в 1966 году в Лондоне, предлагает современное прочтение винтажного стиля. Изделия марки украшены различными декоративными элементами. В коллекциях используются различные виды отделки и зазорные атрибуты времен хиппи – вышивка, кружева, бахрома, плетение из кожи, яркий цветочный рисунок.

Во время одного из своих визитов в Нью-Йорк владелец лондонского универмага Чарльз Клор заинтересовался отделом одежды для подростков «Miss Bonwit» в универмаге «Bonwit Teller». Это навело его на мысль открыть и у себя в «Selfridges» подобный отдел, чтобы привлечь внимание молодежи. Название создано по аналогии с «Miss Bonwit»: обращение к незамужней (в данном контексте – молодой) девушке в англоязычных странах + название универмага [Miss Selfridge ...].

– имя нарицательное + имя нарицательное:

*Banana Republic*. В 1978 году журналист Мэл Цигер захотел приобрести пиджак из натуральных тканей. Из Австралии Мэл привез три разных пиджака, а его жена, художница Патриция, сшила из них один. К обыкновенному мужскому пиджаку она добавила деревянные пуговицы и элементы отделки из дерева. Благодаря этому получившаяся вещь стала ярким воплощением стиля сафари. Так появился бренд *Banana Republic* («Банановая республика»). При создании коллекций супружеская пара вдохновляется духом странствий и авантюризма. Стиль бренда совмещает в себе привычный casual и спортивный сафари, классику и авангард.

В данной номинации первый компонент – существительное *Banana* – выполняет функцию препозитивного определения перед вторым именем нарицательным *Republic*. Таким образом, на русский язык название бренда переводится как «Банановая Республика».

*People Tree*. Бренд создан супружеской парой Сафией и Джеймсом Миней в 2001 году. При производстве одежды используются экологически чистые материалы, преимущественно – хлопок. Изделия марки выполнены в спокойной, пастельной цветовой гамме. Концепция экобренда отражена в его названии «Люди Дерево»: первая часть обозначает общность людей – приверженцев экологичного подхода в создании одежды, а вторая символизирует натуральность, естественность происхождения используемых материалов.

– имя прилагательное + имя существительное:

*French Connection*. Компания, послужившая основой для French Connection, была создана в 1969 году Стефеном Марксом и представляла собой магазин по продаже модного женского платья. Несмотря на французское имя, марка чисто британская, прославившаяся эпатажной рекламной кампанией. Бренд назван в честь одноименного фильма «Французский связной», который вышел на экраны в 1972 году.

*New Look.* Британский бренд появился в 1969 году. Многие модели декорированы яркими стразами и ультрамодными камнями, что особенно нравится девушкам. В ассортименте марки также представлены строгие классические модели. Название «Новый образ» свидетельствует о том, что девушки смогут найти в коллекциях бренда свежие дизайнерские решения, примерить на себя новые образы и обновить гардероб.

*River Island.* Английский бренд ведет свою историю с 1948 года: именно тогда настоящий ценитель моды и красоты Бернанд Льюис открыл первый небольшой магазин одежды *Lewis Separates* (названный в честь создателя). Затем названия сменяли друг друга, что было связано с выпуском женских и мужских линеек одежды: *Chelsea Girl* (отсылка к фильму Энди Уорхола), *ConceptMan*. Сама же фирма *River Island* появилась позже – в 1988 году, после слияния *Chelsea Girl* и *Concept Man* в единую марку, в коллекциях которой часто можно встретить эпатажные варианты одежды и строгие классические костюмы [*River Island ...*].

Выбор названия «Речной остров» связан с тем, что после нескольких трансформаций все линейки одежды объединились под одним брендом, вследствие чего ассортимент значительно расширился в гендерном, численном и стилевом плане. Если учитывать, что речной остров представляет собой островной участок суши, окруженный речными потоками, то в данном случае этими потоками являются *Lewis Separates*, *ConceptMan* и *ChelseaGirl*, которые в конечном итоге привели к созданию *RiverIsland* [Речной остров ...].

### **3.3. Трехкомпонентные наименования**

Трехкомпонентные наименования отличаются структурным разнообразием:

–антропоним(двухкомпонентное имя собственное, представляющее собой сочетание имени и фамилии основателя бренда) + топоним:

*Jenny Packham London.* Бренд, основанный в 1988 году британским дизайнером Дженни Пэкхем, специализируется на выпуске вечерних и свадебных платьев. Многие модели шиты из дорогостоящих тканей – парчи с вышивкой, шелка, тафты, атласа.

*Katherine Hooker London.* Бренд создан в 2003 году модельером американского происхождения Кэтрин Хукер. Она выпускает коллекции пальто уникального дизайна, сочетая винтаж Восточного побережья Америки со стилем современной Англии, и делает акцент на вечную классику.

Условно сюда можно отнести название, в котором используется имя и фамилия придуманного автором персонажа:

*Ted Baker London.* Первый магазин торговой марки появился в городе Глазго в 1988 году благодаря Рэю Кельвину. Изделия бренда отличаются богатой палитрой красок, яркими принтами и обилием металлических де-

талей. Коллекции создаются на основе единой концепции: одежда выпускается в одном стиле и может отличаться только цветовым решением. По словам Кельвина, он не хотел становиться лицом бренда, поэтому решил создать вымышленного героя [TedBaker ...].

– имя собственное (антропоним) + имя нарицательное + имя собственное (топоним):

*Pepe Jeans London.* Марка основана братьями Шах в 1973 году в Лондоне. Визитной карточкой бренда являются комплекты из денима, также в ассортименте представлены изделия из трикотажа. Модели одежды, выполненные в урбанистическом стиле, отличаются оригинальным кроем, яркими принтами и использованием ретро-деталей.

Выходцы из Кении, Нитин, Арун и Милан, использовали в качестве первого компонента названия слово *Pepe*; они объясняют свой выбор тем, что оно простое и короткое, состоит из двух слогов, к тому же его можно очень быстро написать. В наименовании также представлено слово *jeans*, что указывает на основную специализацию марки – джинсовые изделия [PEPE JEANS ...].

– трехкомпонентное имя собственное (имена основателя в виде инициалов + фамилия):

*L. K. Bennett.* Бренд создала англичанка Линда Кристин Беннетт в 1990 году. При создании моделей одежды дизайнер опирается на неповторимое британское наследие, что находит отражение в сочетании английской элегантности и изысканности.

– имя собственное (антропоним – фамилия) + союз и + имя собственное (антропоним – фамилия):

*Hawes and Curtis.* Ральф Хэвис и Фредди Кертис зарегистрировали торговую марку в 1913 году. Сначала фирма занималась выпуском мужских рубашек, позже она дополнила ассортимент женской линейкой. Бренд меняет представление о безликом офисном дресс-коде и при этом не выходит за рамки исконно английского стиля.

*Marks & Spencer.* Компания открыта в 1884 году в Лондоне Майклом Марксом и Томасом Спенсером. Большая часть ассортимента представлена в стиле casual. Среди цветовых решений преобладают оттенки белого, голубого, синего, коричневого и черного.

Соединительный союз *и*, выступающий в качестве связующего элемента, представлен в данных названиях в буквенном и графическом обозначении.

– имя нарицательное + амперсанд + имя нарицательное:

*Rock & Republic.* Американский бренд основан в 2002 году рокером из Южной Калифорнии Майклом Боллом. Карьера Майкла в модном мире началась с создания спортивной формы для команды велогонщиков, позже основной акцент в коллекциях был сделан на деним.

Название Rock & Republic (в переводе с английского – «Рок и группа людей с общими интересами») подчеркивает «рок-н-ролльный» стиль марки, который обусловлен спецификой первоначальной деятельности дизайнера, и демонстрирует некое единство представителей целевой аудитории в их стремлении выглядеть «по-музыкальному» стильно.

Единичным примером четырехкомпонентного наименования является название бренда, которое содержит традиционную формулу: имя и фамилия основателя + союз и в графическом обозначении + усеченная форма *Co* как указание на его компаньонов:

Таблица 3 – Особенности составных наименований брендов.

<b>образование двухкомпонентных номинаций (80,43%)</b>	
1. имя существительное + имя существительное	69,56%
двухкомпонентное имя собственное, представляющее собой сочетание имени и фамилии основателя бренда	58,7%
имя собственное + имя собственное (антропоним + топоним)	6,52%
имя нарицательное + имя собственное	2,17%
имя нарицательное + имя нарицательное	2,17%
2. имя прилагательное + имя существительное	10,87%
<b>образование трехкомпонентных номинаций (17,4%)</b>	
двухкомпонентный антропоним (сочетание имени и фамилии основателя бренда/вымышленного героя) + топоним	6,52%
имя собственное (антропоним) + имя нарицательное + имя собственное (топоним)	2,17%
трехкомпонентное имя собственное (имена основателя в виде инициалов + фамилия)	2,17%
имя собственное (антропоним – фамилия) + союз и + имя собственное (антропоним – фамилия)	4,35%
имя нарицательное + союз и + имя нарицательное	2,17%
<b>образование четырехкомпонентных номинаций (2,17%)</b>	
двухкомпонентное имя собственное (имя и фамилия основателя) + амперсанд + имя нарицательное	2,17%

*Catherine Walker & Co.* Бренд появился в 1977 году в результате дизайнерского партнерства Кэтрин Уолкер и ее мужа Саида Сайруса. Карьера Кэтрин началась с линии детской одежды, впоследствии дизайнер изменила концепцию марки и начала выпускать вечерние и свадебные платья.

Статистические особенности составных наименований брендов представлены в таблице 3.

#### **4. Заключение**

Проанализированный материал показал, что основным способом создания рекламных имен является образование составных наименований, среди которых преобладают бинарные названия субстантивного типа, пред-

ставляющие собой имена собственные, сочетающие имя и фамилию основателя торговой марки. Трех- и четырехкомпонентные наименования брендов не проявляют продуктивности, это можно объяснить несоответствием их структуры критериям, предъявляемым к рекламному имени: хорошей запоминаемости и удобопроизносимости.

Второе место по продуктивности занимают однословные номинации, созданные путем переноса наименований, при этом среди английских рекламных имен преобладают образованные на основе метонимического переноса.

Менее распространены названия торговых марок, образованные с помощью словосложения и аббревиации; данные морфологические способы создания рекламных имен не востребованы дизайнерами женской одежды в силу их структурной невыразительности и информативной недостаточности.

В коммерческой сфере производства и реализации одежды номинация играет роль идентификатора конкретного человека и продукта его деятельности. Метонимический перенос имени человека на торговую марку становится ведущим элементом продвижения наименования бренда в широкие массы, так как номинативное единение автора и его изобретения способствует неизбежному взаимовлиянию имиджа дизайнера и его торговой марки.

Таким образом, тенденция наименования брендов по именам и фамилиям создателей соответствует идее антропоцентричности языка, которая является ключевой в современной лингвистике.

### **Список литературы**

Бренд, методы создания бренда и управления им. – URL: <http://pr.web-3.ru/mainpr/brand> (дата обращения: 14.10.2020). – Текст : электронный.

Бренд, торговая марка и товарный знак: значение и функции. – URL: <http://powerbranding.ru/brending/torgovaya-marka/> (дата обращения: 14.10.2020). – Текст : электронный.

Бруцкая, Н. И. Лингвистические факторы успешного нейминга торгового бренда / Н. И. Бруцкая, Н. В. Цыбенко. – Текст : непосредственный // Язык и межкультурная коммуникация: современные векторы развития. – Пинск : ПГУ, 2019. – С. 150–154.

Воронин, С. В. Формирование товарных знаков и брендов / С. В. Воронин. – Москва : Копиринг, 2010. – 168 с. – Текст : непосредственный.

Воронина, Е. Б. Способы словообразования имен международных брендов / Е. Б. Воронина. – Текст : непосредственный // Вестник ВятГУ. – 2009. – № 3 (2). – С. 65–68.

Глушкова, Т. С. Нейминг алкогольной продукции: лингвокогнитивный аспект / Т. С. Глушкова. – Текст : непосредственный // Коммуникативные исследования. – 2015. – № 4 (6). – С. 43–51.

Данильчук, М. В. Особенности перевода названий брендов и рекламных слоганов / М. В. Данильчук // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2017. – № 183. – С. 107–114.

Кунгушева, И. А. Рекламное имя: структура, семантика, прагматика : учебно-методическое пособие / И. А. Кунгушева. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2014. – 72 с. – Текст : непосредственный.

Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – Москва : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с. – Текст : непосредственный.

Новичихина, М. Е. Коммерческое название, рекламный текст, бренд, товарный знак, номен: разграничение понятий. – Текст : непосредственный / М. Е. Новичихина – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2004. – № 1. – С. 165–170.

Сотникова, Е. А. Литературные бренды в названиях парфюмерии и парфюмерные названия в литературе / Е. А. Сотникова. – Текст : непосредственный // Филологос. – 2007. – № 1–2 (3). – С. 97–102.

Стратегия брендинга. – URL: [http://www.adload.ru/page/mark2\\_775.htm](http://www.adload.ru/page/mark2_775.htm) (дата обращения: 15.10.2020). – Текст : электронный.

Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия. – Текст : непосредственный // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебrenников, Е. С. Кубрякова, В. И. Поставалова [и др.]. – Москва : Наука, 1988. – С. 173–204.

Теоретические аспекты технологии брендинга. – URL: [http://studme.org/36912/marketing/teoreticheskie\\_aspekty](http://studme.org/36912/marketing/teoreticheskie_aspekty) (дата обращения: 15.10.2020). – Текст : электронный.

Экономическое понятие бренда. – URL: [http://storage.piter.com/upload/contents/978549600170/978549600170\\_p.pdf](http://storage.piter.com/upload/contents/978549600170/978549600170_p.pdf) (дата обращения: 14.10.2020). – Текст : электронный.

Zilg, A. That's amore: brand names in the Italian food market / A. Zilg. – Текст : непосредственный // International Journal of Applied Linguistics. – 2011. – Vol. 21(1). – P. 1–25.

### **Список источников**

Английские марки одежды. – URL: <https://londonmania.ru/shopping-in-london/british-brands/english-clothes> (дата обращения: 14.10.2020). – Текст : электронный.

Английские бренды одежды: рейтинг, особенности и отзывы. – URL: <https://fb.ru/article/258026/angliyskie-brendyi-odejdyy-reyting-osobennosti-i-otzyivy> (дата обращения: 17.10.2020). – Текст : электронный.

Знаменитые английские бренды: список самых популярных брендов. – URL: <https://brandwiki.ru/brands/area/kingdom.html> (дата обращения: 14.10.2020). – Текст : электронный.

Великобритания в брендах одежды, обуви и аксессуаров. – URL: <https://styletopik.ru/brands/united-kingdom> (дата обращения: 12.11.2020). – Текст : электронный.

ЦУМ. – URL: <https://www.tsum.ru/brand> (дата обращения: 16.10.2020). – Текст : электронный.

Энциклопедия моды. – URL: <https://wiki.wildberries.ru/category/brands> (дата обращения: 18.11.2020). – Текст : электронный.

Brandpedia – история брендов и шедевры рекламы. – URL: <https://www.brandpedia.ru/brand.html> (дата обращения: 4.11.2020). – Текст : электронный.

Soberger – Fott. – URL: <https://soberger.ru/brands> (дата обращения: 29.10.2020). – Текст : электронный.

Статья получена: 07.04.2021

Статья принята: 18.05.2021

## **NOMINATION METHODS OF ENGLISH BRANDS OF WOMEN CLOTHING**

**T. V. Anikina**

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)  
of the Russian State Vocational Pedagogical University  
Nizhny Tagil, Russia  
*anikishna@mail.ru*

**M. I. Chizhova**

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)  
of the Russian State Vocational Pedagogical University  
Nizhny Tagil, Russia  
*chizhova\_mi@mail.ru*

*Abstract.* The article deals with the nomination methods of English brands of women clothing. The aim of the work is to determine the nomination peculiarities of women clothing brands in English. The material of the study includes 70 brand names. The article touches such fragment of the linguistic picture of the world as the brand names of women clothing in English. The research covers the ways of nomination in this vocabulary and the degree of their productivity. The results of the study show that the most productive way to nominate English brands of women clothing is to create compound names. The second place is taken by one-word nominations formed as a result of the names' transferring. The least common are one-word nomina-

tions created by compounding and abbreviation. Among the compound names the most numerous group is formed by two-component names expressed by nouns. Most of them are proper names combining the name and surname of the brand creator.

*Key words:* nomination, brand, advertising name, women clothing, name structure.

## References

*Brend, metody sozdaniya Brenda i upravleniya im* [Brand, ways to create and manage it]. Retrieved from <http://pr.web-3.ru/mainpr/brand>.

*Brend, trgovaya marka i tovarnyy znak: znachenie i funktsii* [Brand, trade mark and brand mark: meaning and functions]. Retrieved from <http://powerbranding.ru/branding/trgovaya-marka>.

Brutskaya, N. I. (2019). Lingvisticheskie factory uspehnogo nejminga trgovogo brenda [Linguistic factors of successful naming of a trade brand]. In *Language and intercultural communication: modern vectors of development*, (pp. 150–154). Pinsk: PGU.

Danilchuk, M. V. (2017). Osobennosti perevoda nazvanij brendov i reklamnyh sloganov [Features of the translation of brand names and advertising slogans]. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 183, 107–114.

*Ekonomicheskoe ponyatie brenda* [Economical notion of brand]. Retrieved from [http://storage.piter.com/upload/contents/978549600170/978549600170\\_p.pdf](http://storage.piter.com/upload/contents/978549600170/978549600170_p.pdf)

Kungusheva, I. A. (2014). *Reklamnoe imya: struktura, semantika, pragmatika* [Advertising name: structure, semantics, pragmatics]. Blagoveshchensk: Amursky State University.

Maslova, V. A. (2001). *Lingvokul'turologiya* [Cultural linguistics]. Moscow: Akademiya.

Novichikhina, M. E. (2004). Kommercheskoe nazvanie, reklamnyy tekst, brend, tovarnyy znak, nomen: razgranichenie ponyatij [Commercial name, advertising text, brand, trademark, nomen: differentiation of concepts]. *Bulletin of the Voronezh State University*, 1, 165–170.

Sotnikova, E. A. (2007). Literaturnye brendy v nazvaniyakh parfyumerii i parfyumernye nazvaniya v literature [Literary brands in the names of perfumery and perfume names in literature]. *Philologos*, 1–2 (3), 97–102.

*Strategiya brendinga* [Branding strategies]. Retrieved from [http://www.ad-load.ru/page/mark2\\_775.htm](http://www.ad-load.ru/page/mark2_775.htm).

Teliya, V. N. (1988). Metaforizatsiya i ee rol' v sozdanii yazykovoy kartiny mira [Metaphorization and its role in worldview formation]. In B. A. Serebrennikov, E. S. Kubryakova, V. I. Postovalova (eds.), *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* [The role of the human factor in language: Language and worldview] (pp. 173–204). Moscow: Nauka.

*Teoreticheskie aspekty tekhnologii brendinga* [Theoretical aspects of brand technology]. Retrieved from [http://studme.org/36912/marketing/teoreticheskie\\_aspekty](http://studme.org/36912/marketing/teoreticheskie_aspekty).

Voronin, S. V. (2010). *Formirovanie tovarnykh znakov i brendov* [The formation of trade mark and brand mark]. Moscow: Koping.

Voronina, E. B. (2009). Sposoby slovoobrazovaniya imen mezhdunarodnykh brendov [Ways of wordformation of international brand names ]. *Vestnik VyatGU*, 3, 65–68.

Zilg, A. (2011). That's amore: brand names in the Italian food market. *International Journal of Applied Linguistics*, 21(1), 1–25.

Submitted: 07.04.2021

Accepted: 18.05.2021

УДК 81'373.612.2

**ПРАГМАТИЧЕСКАЯ АМБИВАЛЕНТНОСТЬ МЕТАФОР  
В ПОЛИТИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ  
«ЖИЗНИ ЧЕРНЫХ ИМЕЮТ ЗНАЧЕНИЕ»  
(НА ПРИМЕРЕ «СИЭТЛ ТАЙМС»)**

**Э. В. Будаев**

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)  
Российского государственного профессионально-педагогического университета  
Нижний Тагил, Россия  
*aedw@mail.ru*

**К. В. Пологова**

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)  
Российского государственного профессионально-педагогического университета  
Нижний Тагил, Россия  
*ksnww@mail.ru*

*Аннотация.* В статье рассматривается прагматическая амбивалентность метафор в политическом нарративе «Движение BLM» по материалам газеты The Seattle Times. В качестве материала для настоящего исследования послужил корпус из 150 метафор (сферы-источники «Спорт», «Игра», «Театр»), актуализированных при описании протестов движения BLM в текстах газеты The Seattle Times в период с мая по сентябрь 2020 г. включительно. Методология настоящего исследования основывается на когнитивно-дискурсивном подходе к анализу метафор. Для изучения материала использовалась комплексная методика анализа, подразумевающая выборку примеров, объединяемых сферой-мишенью метафорической экспансии «Движение BLM», и анализ противоположных смыслов метафорических выражений из определённых сфер-источников, задействованных при концептуализации политических агентов в СМИ США в преддверии президентских выборов. Анализ показал, что прагматический потенциал метафоры в политическом нарративе зависит не только от когнитивных структур, но и от дискурсивных факторов. При этом в политическом нарративе «BLM MOVEMENT» проявляется выраженная прагматическая амбивалентность метафор, т. е. востребованность одних и тех же метафор для актуализации диаметрально противоположных оценок политических агентов в разных дискурсивных условиях.

*Ключевые слова:* политический дискурс, движение BLM, прагматическая амбивалентность метафоры, концептуальная метафора, спортивно-игровая метафора, театральная метафора.

## **1. Введение**

Исследования концептуальной метафоры в сфере политической коммуникации получили широкое распространение в современном языкознании. Усиленный интерес исследователей к этой теме связан с тем, что метафора

не только отражает когнитивные структуры, но и является значимым инструментом манипуляции общественным сознанием в политическом дискурсе.

Подходы к когнитивному анализу метафоры основываются на классической работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона «*Metaphors We Live by*» [Lakoff, Johnson, 1980], в которой авторы изложили теорию концептуальной метафоры и продемонстрировали большой эвристический потенциал применения теории в практическом исследовании. Когнитивная метафора — это не только и не столько образное средство языка, сколько феномен мышления и культуры. Метафоры как языковые выражения возможны именно благодаря тому, что они заложены в понятийной системе человека. Другими словами, «метафорично прежде всего мышление, а языковые метафоры являются не более чем внешней манифестацией этого феномена» [Скребцова, 2011, с. 34].

В данной работе рассматривается политический нарратив, связанный с движением BLM и антирасистскими выступлениями летом 2020 г. в США по материалам газеты *The Seattle Times*. Методология исследования основывается на когнитивно-дискурсивном подходе, получившем широкое распространение в современных российских исследованиях. В основе этого подхода лежит тезис о невозможности четкого разграничения когнитивного и дискурсивного измерения метафоры, которая рассматривается «одновременно как ментальный и лингвосоциальный феномен» [Будаев, 2020, с. 130].

Специальный обзор современных публикаций в области политической метафорологии показывает, что исследование протестов не относится к темам, востребованным специалистами [Будаев, Чудинов, 2012]. Это обстоятельство обуславливает новизну и актуальность заявленной темы.

## **2. Политический нарратив «BLM Movement»**

В современной лингвистике повысился интерес к исследованию политического дискурс-анализа (Т. ван Дейк, О. Иссерс, О. А. Солопова, А. П. Чудинов). Одним из популярных объектов дискурс-анализа является политический нарратив, оказавшийся в центре внимания не только лингвистов, но и многих исследователей из других областей. Термин «политический нарратив» (от лат. *narrare* – рассказывать, повествовать) означает «множество текстов, посвященных одному политическому событию» [Чудинов, 2003, с. 162]. В современной лингвистике значительное внимание привлекает изучение метафор в политических нарративах. В последние годы исследователи проанализировали особенности использования метафор в нарративах «Политический кризис на Украине» [Антонова, 2017; Кондратьева, 2017], «Присоединение Крыма» [Сегал, 2017; Серегина, Чудинов, 2014], «Инцидент в Солсбери» [Вахмянина, 2021], «Война в Сирии» [Будаев, Тихонов, 2016], «Экономический кризис» [Argese, 2015] и др.

Значительное увеличение исследований, связанных с нарративом, возможно, объяснить смещением фокуса исследовательского интереса с объективного анализа явлений на исследование субъективности человека и переживаемых им событий. В нарративе могут существовать множество повествователей, каждый из которых нацелен на свой определенный круг адресатов. Также для политического нарратива характерны локализованность во времени и пространстве (чаще всего политический нарратив существует в определенной политической ситуации и заканчивается вместе с ней). При этом каждый повествователь, выделяя в своем тексте те или иные события, может опустить какие-то факты и по-своему структурировать событийную канву и, таким образом, создать в своем тексте оригинальную политическую картину мира. Обычно сюжет нарратива – последовательность основных событий.

Возникновение нарратива «BLM Movement» в СМИ США связано с цепочкой драматических событий. 25 мая 2020 года в Миннеаполисе, штат Миннесота, во время полицейского ареста погиб афроамериканец Джордж Флойд. Видеозапись задержания Дж. Флойда, опубликованная в социальных сетях, спровоцировала антирасистские протесты в Миннеаполисе. Вскоре протесты распространились на другие города и продолжались весь июнь. Продолжение протестов в июле привело к реформам полиции на федеральном и местном уровнях, однако демонстрации продолжались до октября 2020 года.

Особую известность получили протесты в Сиэтле. В этом городе произошли жесткие столкновения с полицией, в ходе которых получили ранения десятки участников протеста и полицейских. Протестующие выдвигали требования ликвидировать департамент полиции Сиэтла и прекратить финансирование полиции США. 11 июня протестующие взяли под контроль Восточный участок городской полиции, заменив надпись «Seattle Police Department» на «Seattle People Department». Президент США Дональд Трамп направил в Сиэтл подразделения федеральных силовых структур. Мэр города Дженни Дуркан, член Демократической партии, фактически поддержала протесты, описывая события в Сиэтле как «лето любви». Такую же позицию занял губернатор штата Вашингтон, демократ Джей Инсли. Таким образом, протесты превратились в очередной повод для борьбы между сторонниками Республиканской и Демократической партиями США в преддверии президентских выборов.

Нарратив «Движение BLM» представляет собой пример разделения политических субъектов на своих и чужих. Важно также отметить, что вопрос антирасистских выступлений стал одним из самых обсуждаемых проблем на международной повестке дня. Это дает основание утверждать, что изучение данного нарратива в СМИ является актуальной проблемой.

### **3. Материал и методика исследования.**

В качестве материала для настоящего исследования послужил корпус из 150 метафор, использованных при описании протестов движения BLM в текстах газеты The Seattle Times. Корпус собирался методом сплошной выборки из всех номеров газеты, опубликованных в период с мая по сентябрь 2020 г. включительно. Хронологические рамки выборки обусловлены периодом массовых протестов движения «Черные жизни важны».

Методология настоящего исследования основывается на теории метафорического моделирования, получившей широкое применение в практике исследования метафор в дискурсе СМИ по всему миру (А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, Дж. Лакофф, А. Мусолфф, А. Дж. Чартерис-Блэк, А. П. Чудинов и др.).

Подходы к когнитивному анализу метафоры основываются на классической работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors We Live by» [Lakoff, Johnson, 1980], в которой авторы изложили теорию концептуальной метафоры. Согласно данной теории метафора представляет собой одну из форм мышления, особенно эффективную в условиях осмысления каких-то новых реалий, стремления по-новому взглянуть на что-то, казалось бы, хорошо известное, преобразовать свойственную адресату картину мира.

Особенно характерно для современной политической метафорологии использование дискурсивного анализа, одним из направлений которого является когнитивно-дискурсивный подход, т.е. исследование политической метафоры «в тесной взаимосвязи с национальными, историческими, личностными, институциональными и иными факторами» [Будаев, 2020, с. 129]. Как отмечает Е. С. Кубрякова, «в когнитивно-дискурсивной парадигме возникает задача реалистического отражения функционирования языка и отдельных его категорий, единиц или конструкций, и усилия исследователя направляются прежде всего на то, чтобы выяснить, как и каким образом может удовлетворять изучаемое явление и когнитивным, и дискурсивным требованиям» [Кубрякова, 2004, с. 520].

В настоящем исследовании используется комплексная методика анализа. С одной стороны, выборка примеров ограничена политическим нарративом («BLM Movement»), с другой – цель анализа сводится не к инвентаризации фреймов и слотов понятийных сфер, а к изучению роли метафор в реализации положительных и отрицательных стратегий в преддверии президентских выборов в США.

Существующие методики ориентированы на когнитивно-семантический анализ метафоры, в то время как прагматические аспекты использования метафор остаются на периферии исследования. Как отмечает Э. В. Будаев, «прагматика когнитивной метафоры в политической коммуникации значительно менее разработанный вопрос, нежели ее семантика.

Большинство исследований политической метафоры семантически ориентированы, и если речь идет о прагматическом измерении рассматриваемого феномена, то специалисты предпочитают писать о прагматическом потенциале метафоры, но не ее прагматическом эффекте» [Будаев, 2006, с. 67]. Как следствие, исследование метафор в аспекте инвентаризации компонентов структуры метафорической модели оттеняет функциональные аспекты их использования в СМИ.

В наших предыдущих исследованиях изучались метафоры в нарративе «BLM Movement» с помощью методики когнитивно-семантического анализа сфер-источников метафорической экспансии (сферы-источники «DESEASE» [Пологова, 2020] и «ANIMALS» [Пологова, 2021]). В настоящем исследовании используется описание метафор не с точки зрения востребованности метафор из определенной понятийной сферы, а с точки зрения прагматической амбивалентности метафор, т. е. востребованности одних и тех же метафор для актуализации диаметрально противоположных оценок политических агентов в разных дискурсивных условиях.

#### **4. Анализ прагматической амбивалентности метафор в политическом нарративе «BLM MOVEMENT»**

Прагматическую амбивалентность метафор целесообразно рассмотреть на примере метафор, привносящих в политический нарратив схожие смыслы, что позволит отчетливее увидеть контраст в дискурсивной реализации метафорических смыслов. Такими смыслами обладают метафоры из сфер-источников «Игра», «Спорт», «Театр», актуализирующих концептуальный вектор искусственной организации описываемых событий.

##### **4.1. Игровая метафорическая модель**

Метафорическая проекция из сфер-источников «Спорт» и «Игра» в сферу-мишень «Black Lives Matter Movement» позволяет авторам политических текстов представлять кампанию протеста как состязание, в котором протестная активность концептуализируется как соревнование или шахматная партия, а разногласия политических агентов как соперничество.

Изучение функционирования метафор сфер-источников «Спорт» и «Игра» позволило выявить два варианта использования спортивно-игровых образов. Первый вариант подразумевает активизацию концептуальной метафоры PROTESTS ARE A GAME. Данная метафора эксплицирует нейтральную или положительную оценку протестной кампании, оттеняя отрицательные смыслы, связанные с демонстрациями.

Как показывает материал, степень негативной окраски спортивных и игровых метафор зачастую не активизируется при концептуализации сторонников движения BLM. Образы «притворства» и «неискренности», характерные для спортивно-игровой метафорики, сменяются образами «честного соперничества» и «интеллектуальной игры». Ср.:

*“These kids are angry, and they are not sure exactly what to do with that anger, and actually what the endgame may be other than they want to be heard*

*and they want justice and they want it today,” Cooke said (The Seattle Times. 05.06.2020).*

Использование образов азартной игры, обычно несущих отрицательные смыслы, также приносит положительные смыслы в осмысление протестов. Лидеры движения за гражданские права, служащие эталоном для современных активистов, представляются как отважные игроки, делающие ставку на свою жизнь в борьбе с насилием и несправедливостью. Ср.:

*“John was only 20 years old. But he pushed all 20 of those years to the center of the table, betting everything – all of it – that his example could challenge centuries of convention and generations of brutal violence.” (The Seattle Times. 30.07.2020).*

Во многих спортивных состязаниях успех соревнующихся сторон зависит от количества набранных очков. Участники протеста приписывают очки активистам из различных штатов за «выдающиеся» проявления гражданской позиции. Согласно метафорической логике сферы-источника, чем больше очков наберет протестное движение, тем выше вероятность победы в борьбе против республиканской власти. Ср.:

*“What Washington, D.C., did was cool, but North Carolina took it up a notch with murals in each letter,” explained the organizer (The Seattle Times. 11.06.2020).*

Использование метафорических образов той же сферы-источника для концептуализации противников движения характеризуются противоположными оценочными смыслами. Авторы политических текстов задействуют концептуальную метафору PROTESTS ARE NOT A GAME, которая представляет собой второй вариант реализации спортивно-игровой метафоры в нарративе «Движение BLM». Странники движения акцентируют внимание адресата на серьезности намерений протестующих, противопоставляя их действия беспечности властей и полиции.

Осуждение виновников уличных беспорядков распространено среди участников протеста, которые стремятся отделить свои мирные шествия от уличного мародерства. Авторы статей и интервьюируемые протестующие указывают на то, что нельзя воспринимать происходящее как игру. Ср.:

*“I was extremely upset because unfortunately with some of the vandals, they thought this was a game, they thought this was funny,” Breed said (The Seattle Times. 31.05.2020).*

Применение нелетального оружия против участников движения, несмотря на обещания шерифа полиции запретить распыление слезоточивого газа, представляется как «игра смыслов», что подчеркивает равнодушие представителей закона к требованиям протестующих. Ср.:

*“... weapons used against our community and it doesn’t build trust with our community to play what in my mind are semantic games,” she added, referring to Best promising that tear gas wouldn’t be used and then allowing officers to use pepper spray in a similar way... (The Seattle Times. 27.06.2020).*

Особое негативное отношение у читателя формируются по отношению к тем политическим агентам, которые нарушают правила состязания. «Нарушителями» в этой политической игре становятся правоохранительные органы. Обвинения полиции в превышении полномочий концептуализируются самой полицией как нарушения правил в баскетболе. Обращение к метафорам из данного вида спорта вполне закономерно, если учитывать, что баскетбол – одна из самых популярных игр в США. Ср.:

*She said that in a 2015 meeting after a fatal police shooting, Kroll told her that he views community complaints like fouls in basketball. “He told me, ‘If you’re not getting any fouls, you’re not working hard enough,’” she said (The Seattle Times. 30.05.2020).*

Игровые образы создают в сознании адресата образ несерьезного отношения представителей закона к возникшему кризису, воспринимающих протесты как игру, в которой нельзя не нарушать правила, если стараешься выполнять свою работу хорошо.

Как показывает материал, метафорическая амбивалентность спортивно-игровых образов в нарративе «Движение BLM» проявляется в способности метафор одной сферы-источника приносить прямо противоположные смыслы в зависимости от концепта сферы-мишени. Изменение эмотивных характеристик одних и тех же метафорических образов при осмыслении протестующих и их противников связано с интенциями авторов политических текстов, использующих одни и те же образные средства для достижения различных коммуникативных целей.

При концептуализации кампании протеста спортивно-игровые образы приобретают мелиоративные оценки, изображая движение как своего рода забаву или спортивное состязание, что оказывает положительное воздействие на адресата, активизируя в его сознании концепты «честной борьбы», «азарта», «шахматной тактики».

При концептуализации полиции и зачинщиков уличных беспорядков также задействуются метафоры рассматриваемых сфер-источников. Однако с помощью метафор игры и спорта создаются смыслы «неискренности» и «несерьезности» политических агентов, а отрицательное отношение к игрокам, несоблюдающим правила спортивного состязания, переносится на действия полиции и мародеров, присоединившихся к протесту.

Апелляция к спортивно-игровым метафорам с яркими положительными смыслами при концептуализации участников движения объясняется тем, что газета и власти Сиэтла поддерживают Демократическую партию, которая, в свою очередь, с 2015 года является непосредственным союзником движения BLM. Изменение эмотивных характеристик метафорических образов при концептуализации противников движения используется с целью усиления антиреспубликанских настроений читателей в преддверии президентских выборов в США.

## **4.2. Метафоры зрелищных представлений**

Активное использование метафор зрелищных представлений является отличительной чертой современного политического дискурса. Широкая востребованность метафор из данной сферы-источника в СМИ связана с тем, что современные политические реалии во многом схожи с миром театра. «Театрализация» политической действительности характеризуется стремлением коммуникантов завоевать аудиторию посредством развлекательных образов, что способствует важности «символической политики», «политики театра», «имиджей» политических агентов, которые, играя свою роль, должны угодить публике [Гаджиев, 1994].

Как показано в монографии А. П. Чудинова [2001], посвященной анализу политических метафор в российских СМИ, прагматический потенциал этой метафорической модели определяется ярким концептуальным вектором неискренности, искусственности, ненатуральности, имитации реальности.

Вместе с тем метафоры зрелищных представлений также характеризуются прагматической амбивалентностью. Как показал анализ материала, в политическом нарративе «Движение BLM» функционирует два варианта концептуальной метафоры, описывающей протесты как зрелищное представление. Согласно первому варианту, функцию «актеров» выполняют политики (POLITICIANS ARE PERFORMERS). Согласно второму варианту, исполнителями представления являются протестующие (PROTESTERS ARE PERFORMERS).

Концептуальная метафора POLITICIANS ARE PERFORMERS используется при описании действующей республиканской власти и полиции и акцентирует внимание на неискренности политиков и безразличии правоохранительных органов.

В данной сфере-источнике театральная метафорика зачастую граничит с метафорой зрелищного представления в целом. В глазах демократов противодействия правоохранительных органов протестам представляются как «уродливые трюки». Ср.:

*Senate Democratic Leader Chuck Schumer called on Defense Secretary Mark Esper and Army Gen. Mark Milley, the chairman of the Joint Chiefs of Staff, to refuse the use of military helicopters and tear gas for “ugly stunts” like the one Monday (The Seattle Times. 02.06.2020).*

Использование подобных образов формирует представление об абсурдности действий полиции и направлено на дискредитацию представителей закона.

Концептуализация политического субъекта посредством театральных метафор вредит его имиджу, создавая в сознании электората образы «наигранности» и «притворства». На страницах The Seattle Times действующий президент описывается как политик, который «неуклюже демонстрирует свою силу» и «неубедительно играет на сцене». Ср.:

*The scenes have been disturbingly familiar to CIA analysts accustomed to monitoring scenes of societal unraveling abroad: the massing of protesters, the ensuing crackdowns and the awkwardly staged displays of strength by a leader determined to project authority (The Seattle Times. 02.06.2020).*

*President Donald Trump continues to portray himself as a disrupter, with a wrecking-ball agenda that is rooted in nationalism and roils racial divisions — taking the stage over the July Fourth weekend to warn of “new far-left fascism” that would tear down “our national heritage” (The Seattle Times. 06.07.2020).*

Послание президента протестующим с Библией в руках представляется политическими оппонентами Д. Трампа «постановочной фотосессией», в которой президент позирует перед камерой, используя Библию как театральный реквизит. Ср.:

*When police disperse “peaceful protesters ... from the doorstep of the people’s house, the White House — using tear gas and flash grenades — in order to stage a photo op at one of the most historic churches in the country, or at least in Washington D.C., we can be forgiven for believing that the president is more interested in power than in principle,” Biden said (The Seattle Times. 02.06.2020).*

*Asked if it were his Bible, he replied, “It’s a Bible,” as if any prop would do (The Seattle Times. 04.06.2020).*

При концептуализации реакции властей на протестную компанию распространено использование номинации ‘performative’. Подобный образ подчеркивает недостаточную вовлеченность федеральной власти в ситуацию, требующую принятия радикальных решений, а не символических жестов. Ср.:

*Much of what we saw in response to protests amounted to performative gestures, symbolism that cost nothing and shifted no power (The Seattle Times. 09.08.2020).*

Следует отметить, что активизация метафорической модели POLITICIANS ARE PERFORMERS по отношению к представителям Демократической партии распространена в политических текстах гораздо меньше. Случаи употребления театральной метафоры при концептуализации демократов активизируют смыслы «неискренности». В глазах организаторов движения «показные» действия политиков, направленные на поддержку протестующих, отвлекают внимание от главного: уменьшения финансирования полиции. Та же номинация «performative» используется для выражения подобных смыслов. Ср.:

*“This is performative and a distraction from her active counter organizing to our demands to decrease the police budget and invest in the community,” it said on Twitter (The Seattle Times. 05.06.2020).*

Апеллируя к данным образам, авторы политических текстов показывают, что поддержка движения членами Демократической партии зачастую недостаточна. Политикам и сторонникам партии необходимо проявлять

больше участия, чтобы завоевать доверие протестующих – потенциального электората.

Активизация концептуальной метафоры **PROTESTERS ARE PERFORMERS**, которая представляет собой второй вариант реализации театральной метафоры в нарративе «Движение BLM», связана со стремлением авторов политических текстов выразить недовольство протестной активностью. Репрезентация участников протеста посредством концептов, ассоциирующихся со смежными с театром видами представлений, активизирует образ «поверхностного активизма». Союзничество концептуализируется как «шоу», которое не воспринимается в качестве осознанной политической активности. Ср.:

*While the diverse crowds have made for good television, some activists are skeptical that the show of support will produce long-term commitment among many white people, and they question whether surface-level activism and how it plays out on social media does more harm than good* (The Seattle Times. 13.06.2020).

Подобные образы востребованы для метафоризации белых участников движения, протестная активность которых зачастую подвержена критике со стороны авторов политических текстов.

Метафоры театра содержат в себе яркие смыслы «неискренности» и «игры напоказ», что коррелирует с взглядами тех, кто разочарован прошедшей протестной кампанией. Для сторонников движения, ожидавших более радикальных изменений, прогресс остался иллюзорным, а активность протестующих воспринимается как костюмированная игра. Ср.:

*Some of what we saw was people cosplaying consciousness, immersing themselves in the issue of the moment* (The Seattle Times. 09.08.2020).

Кампания протеста метафорически представляется как игра на сцене. Прожекторы, освещающие сцену, ассоциируются с общественным интересом, а сторонники движения – с аудиторией. Использование подобных образов в негативном смысле подчёркивает несерьезное отношение к вопросу, требующему более широкого общественного резонанса. Согласно метафорической логике понятийной сферы, представление закончится, софиты погаснут, а зрители разойдутся по домам. Ср.:

*But in my 60 years of social activism, I've heard these gospel songs before, and my fear is that once the spotlights go down, the sympathetic audience — now moved to tears by the chorus — simply goes home, the words to the songs quickly forgotten* (The Seattle Times. 07.07.2020).

Используя подобные образы, авторы политических текстов стремятся создать в сознании адресата чувство вины, сподвигнуть потенциального участника протеста к более осознанному проявлению гражданской позиции.

Концептуальная метафора **PROTESTERS ARE PERFORMERS** также распространена в риторике сторонников Республиканской партии. Однако

представление протестов с помощью театральных образов используется республиканцами с иной целью. На страницах The Seattle Times авторы политических текстов регулярно цитируют действующего президента и противников движения, представляющих протесты как постановочные мероприятия. Ср.:

*When an angry crowd arrived at the White House on Friday, he described them as “so-called ‘protesters,’” using scare-quotes to suggest the concerns being expressed were insincere and that their attendance was somehow stage-managed (The Seattle Times. 31.05.2020).*

*The photo was shared with #falseflag hashtags, which has been used by conspiracy theorists to say that events or protests are staged, and an #AgentProvocateur hashtag (The Seattle Times. 29.05.2020).*

Подобные ассоциации активизируют смыслы «несамостоятельности» и «неискренности», протестующие лишь притворяются, играют на сцене согласно приписываемым им ролям, а не выступают за свои убеждения.

Аналогичными смыслами обладает использование номинации staged по отношению к смерти Дж. Флойда. Внимание реципиентов акцентируется при этом на недостоверности информации и на необоснованности данных утверждений. Ср.:

*Some speculated, without evidence, that Floyd’s death was staged or that protesters had been paid to stir up trouble, in tweets collectively shared thousands of times (The Seattle Times. 29.05.2020).*

Развертывание концептуальной метафоры PROTESTERS ARE PERFORMERS на страницах The Seattle Times также призвано для создания нейтральных и позитивных образов, связанных с движением и его сторонниками. Например, апелляция к той же номинации «staged» используется журналистами для создания нейтрального образа при осмыслении протестной кампании, в отличие от ярких отрицательных ассоциаций, которые применяются к противникам протестов в примерах выше. Ср.:

*Detroit was one of a number of U.S. cities where protests were staged, but didn’t see the levels of violence, damage or altercations with law enforcement that occurred elsewhere. There seemed to be at least two protests going on Saturday afternoon. One, taking the stage at Westlake, was purposefully nonviolent (The Seattle Times. 29.05.2020).*

Репрезентация движения BLM посредством театральных образов эксплицитно исключительно положительные ассоциации. Движение BLM «освещает прожекторами» проблему полицейского насилия, привлекает внимание публики к произволу полиции. Ср.:

*Today, as the Black Lives Matter movement shines a spotlight on police brutality and as the COVID-19 pandemic puts health disparities caused by systemic racism into ever-sharper relief, we have a once-in-a-generation opportunity to get both policing reform and community empowerment right (The Seattle Times. 18.08.2020).*

Как показывает материал, метафорическая амбивалентность театральных метафор в нарративе «Движение BLM» проявляется не только в актуализации противоположных эмотивных смыслов одних и тех же метафорических выражений, но и в двойственности инференций, которые выводятся из использования театральных образов.

Концептуальная метафора **POLITICIANS ARE PERFORMERS** акцентирует внимание читателя на неискренности и лицемерии действующего президента и полиции. Пейоративно окрашенные смыслы, заложенные в театральную метафорику, используются журналистами с целью усиления антиреспубликанских настроений читателей в преддверии президентских выборов в США.

Те же театральные метафоры используются и для репрезентации членов Демократической партии. Несмотря на тенденцию поддерживать демократов на страницах *The Seattle Times*, все же не стоит говорить о партийной предвзятости данного СМИ. Актуализация пейоративно окрашенных театральных образов при осмыслении членов Демократической партии является этому подтверждением. Развертывание метафорической модели **POLITICIANS ARE PERFORMERS** используется для оказания давления на политических агентов, чья поддержка протестующих, по мнению авторов политических текстов, недостаточна.

Активизация концептуальной метафоры **PROTESTERS ARE PERFORMERS** эксплицирует разочарование в протестной кампании. Апелляция к театральным метафорам при создании отрицательного образа протестующих используется авторами политических текстов для активизации императива более осознанной поддержки движения. Являясь союзниками движения BLM, сторонники Демократической партии акцентируют внимание адресата на необходимости более ответственного отношения к участию в протестах.

Многочисленное цитирование противников протестов, ассоциирующих движение с театрализованным действием, подчеркивает склонность представителей действующей республиканской власти обесценивать деятельность протестующих, представить их в качестве «актеров» на политической «сцене». Подобные образы фокусируют внимание реципиентов на враждебности действующей власти по отношению к единомышленникам движения BLM и используются для усиления антиреспубликанских настроений читателей.

Апелляция к театральным образам с положительной или нейтральной эмоциональной окраской востребована только при репрезентации движения BLM и его сторонников. В то время как аналогичные театральные образы с противоположными эмотивными смыслами востребованы для осмысления полиции и властей. Следовательно, изменение оценочной характеристики одних и тех же метафор связано с изменением концепта сферы-мишени «Движения BLM».

### **Заключение**

Как показывает анализ метафор, в нарративе «Жизни черных имеют значение» проявляется прагматическая амбивалентность метафор. С одной стороны, метафоры из определённой сферы-источника направлены на критику политики Д. Трампа и действий полиции. С другой стороны, те же метафорические образы используются для мелиоративной оценки протестующих. Амбивалентность метафор также проявляется в инференциях метафорических выражений. Использование одних и тех же метафорических образов направлено либо на дискредитацию противников протестов, либо на осуждение недостаточной поддержки движения политиками и рядовыми гражданами. Последнее отражает интенцию журналистов активизировать императив более активного содействия протестующим. Таким образом, прагматический потенциал метафоры в политическом нарративе зависит не только от когнитивных структур определённой понятийной области, но и от дискурсивных условий их реализации и востребованности прагматической функции когнитивных метафор для достижения определённых целей в политической борьбе.

### **Список литературы**

Антонова, Т. Г. Метафорическое моделирование конфликта на Украине в издании «Гардиан»: ключевые дискурсивные метафоры / Т. Г. Антонова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2017. – № 30. – С. 673–676.

Будаев, Э. В. Зооморфные метафоры как инструмент концептуализации сирийского конфликта в СМИ России и США / Э. В. Будаев, В. В. Тихонов // Политическая лингвистика. – 2016. – № 2. – С. 43–49.

Будаев, Э. В. «Могут ли метафоры убивать?»: прагматический аспект политической метафорики / Э. В. Будаев. – Текст: непосредственный // Политическая лингвистика. – 2006. – № 20. – С. 67–75.

Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология / Э. В. Будаев. – Санкт-Петербург : Научно-технологические исследования, 2020. – 464 с. – Текст : непосредственный.

Вахмянина, Е. А. Метафоры из сферы-источника «Механизм» как способ концептуализации инцидента в Солсбери в СМИ России и Великобритании / Е. А. Вахмянина. – Текст : непосредственный // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. – 2021. – № 1. – С. 46–58.

Гаджиев, К. С. Политическая наука / К. С. Гаджиев. – Москва : Сорос — Международные отношения, 1994. – 400 с. – Текст : непосредственный.

Кондратьева, О. Н. Майдан в метафорическом зеркале российских масмедиа / О. Н. Кондратьева. – Текст: непосредственный // Политическая лингвистика. – 2017. – № 5 (65). – С. 80–84.

Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с. – Текст: непосредственный.

Пологова, К. В. Зооморфные метафоры как средство концептуализации движения BLM в СМИ США (на примере The Seattle Times) / К. В. Пологова. – Текст: непосредственный // Лингвистика, перевод, межкультурная коммуникация»: Материалы XXII научно-практической конференции 20 ноября 2020 г. / Отв. ред. И. А. Вылегжанина. – Екатеринбург : Альфа Принт, 2021. – С. 257–262.

Пологова, К. В. Метафоры болезни как средство концептуализации движения Black lives matter в СМИ США (на примере материалов газеты The Seattle Times) / К. В. Пологова. – Текст : непосредственный // Studia Humanitatis. – 2020. – № 4. – С. 17–26.

Сегал, Н. А. Политический текст: метафорическое моделирование / Н. А. Сегал. – Москва : Флинта, 2017. – 248 с. – Текст : непосредственный.

Серегина, И. А. Метафорическая интерпретация событий в Крыму (2014) / И. А. Серегина, А. П. Чудинов. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2014. – № 16. – С. 252–255.

Скребцова, Т. Г. Когнитивная лингвистика / Т. Г. Скребцова. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 256 с. – Текст : непосредственный.

Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2003. – 248 с. – Текст : непосредственный.

Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2001. – 238 с. – Текст : непосредственный.

Arrese, A. Euro crisis metaphors in the Spanish press / A. Arrese. – Текст : непосредственный // Communication & Society – 2015. – Vol. 28 (2). – P. 19–38.

Lakoff, G. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 1980. – 237 p. – Текст : непосредственный.

Статья получена: 02.04.2021

Статья принята: 12.05.2021

**PRAGMATIC AMBIVALENCE OF METAPHORS  
IN THE POLITICAL NARRATIVE "BLACK LIVES MATTER"  
(CASE STUDY OF THE SEATTLE TIMES)**

**E. V. Budaev**

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)  
of the Russian State Vocational Pedagogical University  
Nizhny Tagil, Russia  
*aedw@mail.ru*

**K. V. Pologova**

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)  
of the Russian State Vocational Pedagogical University  
Nizhny Tagil, Russia  
*ksnww@mail.ru*

*Abstract.* This article deals with the pragmatic ambivalence of sport, game and theatrical metaphors used in the political narrative "Black Lives Matter" based on The Seattle Times data (May-September 2020). The research methodology is based on the theory of metaphorical modelling. A corpus of 150 metaphors used to describe BLM protesters by the Seattle Times journalists served as the material for our research. To study the material a complex analysis method is used which implies a selection of examples united by the «BLM Movement» target domain of metaphorical expansion, and an analysis of the opposite meanings of metaphorical expressions applied to conceptualize political agents in the US media in the run-up to the presidential election. The analysis showed that the pragmatic potential of metaphors depends not only on cognitive but also on discursive factors. In addition, the political narrative «BLM MOVEMENT» shows a distinctive pragmatic ambivalence of metaphors, which implies the usage of the same metaphors for actualizing diametrically opposed assessments of political agents in different discursive conditions.

*Keywords:* political narrative, BLM movement, pragmatic ambivalence of metaphors, conceptual metaphor, sport metaphor, games metaphor, theatrical metaphor.

## **References**

Antonova, T. G. (2017). Metaforicheskoe modelirovanie konflikta na Ukraine v izdanii «Gardian»: klyucheveye diskursivnye metafory [Metaphorical modeling of social conflicts in Ukraine in the Guardian edition: key discursive metaphors]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 30, 673–676.

Arrese, A. (2015). Euro crisis metaphors in the Spanish press. *Communication & Society*, 28 (2), 19–38.

Budaev, E. V. (2006). «Mogut li metafory ubivat'?»: pragmaticheskij aspekt politicheskoy metaforiki [Can metaphors kill?: The pragmatic aspects of political metaphors]. *Politicheskaya lingvistika*, 20, 67–75.

Budaev, E. V. (2020). *Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya* [Comparative political metaphorology]. Saint-Petersburg: Naukoemkie tekhnologii.

Budaev, E. V. (2016). Zoomorfnyye metafory kak instrument kontseptualizatsii siriyskogo konflikta v SMI Rossii i SSHA [Zoomorphic metaphors as a tool for conceptualization of conflict in Syria in US and Russian mass media]. *Politicheskaya lingvistika*, 2, 43–49.

Chudinov, A. P. (2003). *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoj politicheskoy kommunikacii* [Metaphorical mosaic in modern political communication]. Ekaterinburg: UrGPU.

Chudinov, A. P. (2001). *Rossija v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory* (1991–2000) [Russia in the metaphorical mirror: cognitive study of political metaphor (1991–2000)]. Ekaterinburg: UrGPU.

Gadzhiev, K. S. (1994). *Politicheskaya nauka* [Political Science]. Moscow : Soros – Mezhdunarodnye otnosheniya.

Kondratyeva, O. N. (2017). Majdan v metaforicheskom zerkale rossijskih massmedia [Maidan in the metaphorical mirror of the Russian mass media]. *Politicheskaya lingvistika*, 5 (65), 80–84.

Kubryakova, E. S. (2004). *Yazyk i znaniye: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge: Towards learning the language. Parts of speech with cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury

Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press.

Pologova, K. V. (2020). Metafory bolezni kak sredstvo kontseptualizatsii dvizheniya Black lives matter v SMI SSHA [Metaphors of disease as a means of conceptualizing the Black lives matter movement in the US media (the case of The Seattle Times)]. *Studia Humanitatis*, 4, 17–26.

Pologova, K. V. (2021). Zoomorfnyye metafory kak sredstvo kontseptualizatsii dvizheniya BLM v SMI SSHA (na primere The Seattle Times) [Zoomorphic metaphor as a tool for conceptualization of BLM movement in the US media (the case of the Seattle Times)]. In I. A. Vylegzhanina (Ed.). *Lingvistika, perevod, mezhkul'turnaya kommunikaciya* (pp. 257-262). Ekaterinburg: Alpha Print.

Segal, N. A. (2017). Politicheskij tekst: metaforicheskoe modelirovanie [Political text: metaphorical modelling]. Moscow: Flinta.

Seregina, I. A., Chudinov, A. P. (2014). Metaforicheskaya interpretaciya sobytij v Krymu (2014) [Metaphorical interpretation of events in Crimea (2014)]. *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, 16, 252–255.

Skrebtsova, T.G. (2011). *Kognitivnaya lingvistika*. [Cognitive linguistics]. Saint-Petersburg: Filologicheskij fakultet SPbGU.

Vakhmyanina, E. A. (2021). Metafory iz sfery-istochnika «Mekhanizm» kak sposob kontseptualizatsii insidenta v Solsberi v SMI Rossii i Velikobritanii [Metaphors from the source domain «Mechanism» as tools for conceptualizing the incident in Salisbury in the Russian and Great Britain media]. *Uchenye zapiski NTGSPi*, 1, 46–58.

Submitted: 02.04.2021

Accepted: 12.05.2021

УДК 811.111'42

## **МЕТАФОРЫ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «МЕХАНИЗМ» В ДИСКУРСЕ БРИТАНСКОГО ПОЛИТИКА Д. КЭМЕРОНА**

**Н. В. Зиновьев**

Сургутский государственный университет,  
Сургут, Россия  
*nikolas\_dark@mail.ru*

*Аннотация.* Проведен анализ метафор, задействованных в выступлениях британского политика Дэвида Кэмерона. Как показал анализ, одной из доминантных метафорических моделей в дискурсе Д. Кэмерона является метафорическая модель со сферой-источником «Механизм». Представлен разбор фреймов и составляющих их типовых слов данной метафорической модели. Обнаружена высокая частотность актуализации Д. Кэмероном следующих фреймов: «Устройство и детали механизмов», «Повреждение и ремонт механизма», «Функционирование и обслуживание механизма». Также выявлено, что метафорическая модель со сферой-источником «Механизм» чаще задействовала Д. Кэмероном до того момента, как он вступил в должность премьер-министра Великобритании. Это объясняется рядом политических, экономических и социальных причин, а также прагматическими целями адресанта. Изменение политической ситуации в стране закономерно ведет к трансформации риторики Д. Кэмерона в целом и репертуара метафор в частности. В статье представлены статистические данные подтверждающие результаты проведенной работы.

*Ключевые слова:* метафорическое моделирование; политические метафоры; метафорические модели; политическая метафорология; политические деятели; премьер-министр Великобритании; политический дискурс.

### **1. Введение**

В XXI веке благодаря процессам глобализации, развитию телекоммуникационных технологий, а также усиливающейся роли международной политики в жизни современных граждан возрастает интерес к политическому дискурсу лидеров государств. Дискурс политического лидера имеет большое количество особенностей, представляющих интерес для целого ряда наук, в том числе и политической лингвистики [Вершинина, 2002; Ворошилова, 2014; Демьянков, 2008; Теория и методика, 2016; Филинский, 2002]. Выбор гражданами политического лидера во многом зависит от его коммуникативного таланта. Благодаря средствам массовой информации первые лица могут оказывать влияние на аудиторию в странах с самыми различными политическими режимами. С каждым годом исследования политического дискурса пользуется все большей популярностью в лингвистике. В силу своей экспрессивности политический дискурс является объектом пристального внимания со стороны лингвоперсоналогии [Базылев, 2005; Богин, 1984; Гаврилова, 2012; Китайгородская, Розанова, 1995] и метафорологии

[Чудинов, 2001; Эргашев, 2015]. В то же время политический дискурс лидеров государства на данный момент не изучен в достаточной степени.

Сегодня главным образом исследованию подлежит коммуникативный портрет говорящего. В ходе исследований можно выяснить в какой мере риторика политика обусловлена теми или иными факторами, а именно должностью политического лица в государственной системе, его прагматическими, а также морально-нравственными установками. Применение тех или иных средств выразительности, центральное место среди которых занимают метафоры, зависит от множества различных факторов. На примере речи политика можно обнаружить большое количество особенностей, связанных как с индивидуальной, так и национальной картиной мира [Баранов, 2003; Иванова, 2003; Кобозева, 2001; Сусов, 2012].

Прежде чем приступить к анализу практического материала, отметим, что метафоры механизма уже становились предметом лингвистического исследования. Так, в статье В. В. Глебкина [2012] был проведен исторический анализ эволюции метафоры механизма. Как показал автор, такие метафоры как «мир – это машина», «социум – это машина», «тело – это машина» возникли еще в Раннем Средневековье, т. е. задолго до того, как машины начали играть заметную роль в социально-экономической жизни. Причиной их появления являются кардинальные трансформации в представлениях о мире и человеке, произошедшие при переходе от Античности к Средним Векам.

В монографии Р. Д. Керимова [2015] было показано, что артефактная метафора занимает важное место в немецком политическом дискурсе. Автор описал такие фреймы артефактной модели, как «Транспорт», «Архитектура», «Техногенная сфера». В монографии А. П. Чудинова [2001] была подробно рассмотрена артефактная метафора в российском политическом дискурсе последнего десятилетия XX в.

В настоящем исследовании впервые анализируются механистические метафоры в дискурсе британского политика Д. Кэмерона.

## **2. Материал и методика исследования**

Предметом нашего исследования стала одна из доминантных метафорических моделей со сферой-источником «МЕХАНИЗМ» в рамках коммуникативной практики британского политического деятеля Дэвида Кэмерона. Было проведено сопоставление структуры метафорической модели и особенностей метафорического моделирования политического дискурса двух разных периодов карьеры британского политика.

Методологическую основу сопоставительного анализа составила методика фреймо-слотового контрастивного анализа [Чудинов 2006; Будаев 2008].

Материалом для исследования послужили метафоры, зафиксированные в текстах официальных выступлений Д. Кэмерона. Суммарный объем проанализированных статей составил 255968 знаков без пробелов. В данных

текстах были обнаружены метафорические единицы из которых были отобраны 100 метафор со сферой-источником «Механизм». Анализируемые тексты были разделены на группы, отражающие два периода карьеры политика: период до вступления в должность премьер-министра Великобритании, который мы будем для краткости называть период I, когда Д. Кэмерон занимал должность лидера Консервативной партии, но еще не был премьер-министром страны, и период II, когда Д. Кэмерон занимал пост премьер-министра Великобритании.

Рассмотрим структуру метафорической модели «МЕХАНИЗМ».

### **3.1 Анализ метафорической модели со сферой-источником «МЕХАНИЗМ» в период I**

Как показал анализ, многие социально-политические процессы концептуализируются Д. Кэмероном посредством механистических метафор, представляющих действительность в виде неких технических устройств, либо их компонентов. Наиболее типичный пример – сравнение государства с огромной машиной, состоящей из большого количества деталей и механизмов, обеспечивающих стабильную работу.

Метафоры данного вида имеют высокую частотность и охватывают достаточно широкую денотативную зону. Центральными компонентами в данном случае являются такие понятия как государство и социум. Подобные метафоры обладают значимым прагматическим потенциалом.

Структура метафорической модели:

1. Фрейм Устройство и детали механизмов (Слот 1.1. Устройство, Слот 1.2. Деталь механизма);
2. Фрейм Повреждение и ремонт механизма (Слот 2.1 Неисправность. Слот 2.2. Ремонт).
3. Фрейм Функционирование и обслуживание механизма (Слот 3.1. Работа, Слот 3.2. Обслуживание механизма).

Основные понятия сфер-мишеней: государство, система здравоохранения, реформы, культура, экономика, политика, общество и др.

Фрейм «Устройство и детали механизмов»

Слот «Устройство»

По мнению Д. Кэмерона, лейбористы пытались использовать государственную службу здравоохранения (National Health Service), как машину, которую постоянно перенастраивали и реформировали без явной необходимости. По мнению лидера консерваторов, такая политика не может привести к эффективной работе государственной системы. Ср.:

*The fault lies with big government. With their endless targets and reorganisations, Labour have tried to run the NHS like a machine. But it's not a machine full of cogs (Cameron. Leader's speech. 2009).*

В тоже время система, с которой сравнивается государственная политика, не может нормально функционировать, когда в ней имеются явные

нарушения. К таким «нарушениям» Д. Кэмерон относит незаконную миграцию. В результате политика Великобритании описывается как устаревшая система, которая функционально себя не оправдывает. Ср.:

*When the Government admits it has handed out over 10,000 passports on fraudulent applications, some of them to terrorists, you know the system won't work* (Cameron. A liberal Conservative consensus to restore trust in politics. 2007).

*Experience means you're implicated in the old system that's failed* (Cameron. Fixing our Broken Society. 2008).

Слот «Деталь механизма»

Рычаг – это один из самых простых и понятных элементов механизма. В дискурсе Д. Кэмерона «дерганье» рычага сравнивается с необязательными, а порой ненужными реформами, обусловленными бесконечным таргетированием со стороны правительства. Д. Кэмерон считает, что подобное бездумное использование механизма необходимо прекратить. В роли механизма выступает государственная служба здравоохранения, работу которой необходимо организовать должным образом, отстранив от рычагов управления лейбористов. Ср.:

*This lever-pulling from above – it has got to stop. With Andrew Lansley's reform plans, we're going to give the NHS back to people* (Cameron. Leader's speech. 2009).

В речи 2008 года Д. Кэмерон часто возвращался к таким вопросам как мультирасовый состав современной Британии, различия культур и национальных обычаев, проблема терроризма. Изменение культуры — это долгий и сложный процесс. Следуя метафорической логике модели, нельзя просто «потянуть рычаг» и поставить все на свои места. В следующем примере метафора рычага служит средством опровержения представлений о возможности быстро и легко достичь изменений в культурном плане. Ср.:

*Changing our culture is not easy or quick. You cannot pull a lever* (Cameron. Fixing our Broken Society. 2008).

Фрейм «Повреждение механизма и ремонт»

Слот «Неисправность»

В картине мира Д. Кэмерона государство – это огромная машина. И как в любом механизме детали рано или поздно выходят из строя. Экономика, социальная структура и политика – вот основные элементы механизма под названием государство. Основная причина поломки заключается в том, что госаппарат чрезмерно увеличен, при этом эффективность аппарата снижается, что в свою очередь ведёт к провальной политике, социальному разладу и дестабилизации экономики. Метафора поломки используется британским политиком по отношению ко многим сферам жизни: экономики, политики, общества в целом. Ср.:

*Why is our economy broken? Not just because Labour wrongly thought they'd abolished boom and bust. But because government got too big, spent too much and doubled the national debt.*

*Why is our society broken? Because government got too big, did too much and undermined responsibility.*

*Why are our politics broken? Because government got too big, promised too much and pretended it had all the answers (Cameron. Leader's speech. 2009).*

Как видно из приведённых примеров, основная причина «поломок» заключается не в изъянах механизмов, а в некомпетентности тех, кто ими управляет, а именно лейбористов, которые находились у власти до прихода Д. Кэмерона.

Нарушения на уровне функционирования политической системы требуют, по мнению Д. Кэмерона, скорейшего вмешательства. Разобраться в провальной политике важно также и для дальнейшего обретения доверия граждан к правительству страны, потому что, по мнению лидера консерваторов, никто не станет прислушиваться к политическим деятелям, чье государство находится в «неисправном состоянии». Ср.:

*But no-one will ever take lectures from politicians about responsibility unless we put our own house in order. That means sorting out our broken politics (Cameron. Leader's speech. 2008).*

Слот «Ремонт»

Процесс восстановления потребует в первую очередь действий от государства, а государственные программы должны будут являться вспомогательными факторами. В XX веке такие меры имели настоящий успех в борьбе с бедностью и укреплением общества в Британии. Ср.:

*There are those who say that all of this - mending the broken society - will require state action, state programmes and state money... (Cameron. Leader's speech. 2008).*

Реформирование школьной системы, решение вопросов с выдачей пособий и поддержка браков – все это важные элементы восстановления общества, но этого по мнению Д. Кэмерона, недостаточно. Ср.:

*"This is a bold, reforming policy agenda. But there is more to Repairing our broken society (Cameron. Leader's speech. 2008).*

Восстановление общества, может быть достигнуто только путем радикальных реформ в первую очередь системы школьного образования и социальной сфере. Ср.:

*That will achieve those great and noble progressive ends of fighting poverty, extending opportunity, and repairing our broken society (Cameron. Leader's speech. 2008).*

Радикализм в социальном реформировании относительно современных проблем с точки зрения Кэмерона представляется единственным выходом

дом из сложившейся ситуации. Ориентируясь на радикализм Маргарет Тетчер в экономическом реформировании, Д. Кэмерон надеется исправить ситуацию. Ср.:

*The central task I have set myself and this Party is to be as radical in social reform as Margaret Thatcher was in economic reform. That's how we plan to repair our broken society* (Cameron. Leader's speech. 2008).

### **3.2. Анализ метафорической модели со сферой-источником «МЕХАНИЗМ» в период II**

Если в период I чаще возникали образы поломки механизма и его ремонта, то в период II преобладают метафоры, связанные с принципом работы некоего механизма, особенностями его функционирования. Это можно наблюдать на примере возникновения таких новых слотов как «Работа» и «Обслуживание механизма».

Структура метафорической модели:

1. Фрейм «Устройство и детали механизмов» (Слот 1.1. «Устройство», Слот 1.2. Детали механизма);

2. Фрейм «Повреждение и ремонт механизма» (Слот 2.1. Неисправность. Слот 2.2. Ремонт).

3. Фрейм «Функционирование механизма и его обслуживание механизма» (Слот 3.1. Работа, Слот 3.2. Обслуживание механизма).

Основные понятия сфер-мишеней: планирование, голосование, субсидирование, экономика, политика, государство, общество, образование.

Фрейм «Устройство и детали механизмов»

Слот «Устройство»

В дискурсе Д. Кэмерона различные механизмы политического контроля (например, система планирования) регулярно сравниваются с разными устройствами. Ведущую задачу своей политики Д. Кэмерон видел в наладке качественного функционирования государственной машины, что постоянно становилась центральной темой на повестке дня в дискурсе главы британского правительства. Ср.:

*There are businesses out there desperate to expand, to hire thousands of people - but they're stuck in the mud of our planning system* (Cameron. Leader's speech. 2011).

*The planning system was stuck in the mud – so we reformed it...and last year, nearly a quarter of a million houses were given planning permission* (Cameron. Leader's speech. 2014).

В картине мира Д. Кэмерона государство представляется сложным устройством, состоящим из нескольких систем, каждая из которых должна хорошо работать как сама по себе, так и в связи с другими системами. Если выходит из строя одна система, то становятся бесполезными и другие элементы государственной машины (например, избирательная система, механизм выделения пособий, система здравоохранения, пенсионная система, система опеки над детьми и т.д.). Ср.:

*In the AV referendum, you did Britain a service and kicked that useless voting system off the political agenda for decades to come* (Cameron. Leader's speech. 2011).

*A welfare system that trapped millions in dependency* (Cameron. Leader's speech. 2011).

*How can we have let this happen: we've got people flying all over the world to adopt babies, while the care system at home agonises about placing black children with white families* (Cameron. Leader's speech. 2011).

*One very important value should sit at the heart of our pension system* (Cameron. Speech on welfare. 2012).

Слот «Детали механизма»

В следующем примере Д. Кэмерон сравнивает индустриальный потенциал Британии с работающим на полную мощность двигателем внутреннего сгорания, все поршни которого задействованы в работе. Максимальный уровень реализации индустриального потенциала страны, подобно работающему механизму, должен послужить причиной технологического развития, то есть превращения локальных промышленных центров в технологические агломерации которые в дальнейшем приведут Британию к лидерству в целой группе различных направлений промышленности. *Ср.:*

*Think of what more we could do with the pistons firing in all parts of our country* (Cameron. Leader's speech. 2013).

Фрейм «Повреждение и ремонт механизма»

Слот «Неисправность»

Затрагивая комплекс проблем, порожденных предыдущим правительством под руководством лейбористов, Д. Кэмерон сравнивает их с неисправным устройством. Среди этих проблем упоминаются сложности, связанные со спорными симпатиями к противоречивым лидерам, таким как Каддафи; нестабильной регуляцией банковской сферы; разрушением гражданских прав; неудачами в устранении трудностей, связанные с загрязнением окружающей среды; строительством недостаточного количества жилья; инфляцией и т.д. *Ср.:*

*Sorry for sucking up to Qadhafi. For not regulating the banks properly. For crushing civil liberties. For failing to go green. For not building enough homes. For the infighting that made them the most dysfunctional government ever* (Cameron. Leader's speech 2011).

Старые проблемы, связанные с нарушениями в обществе или системе образования, также фигурируют в дискурсе Д. Кэмерона и в периоды пребывания в должности главы правительства что свидетельствует о том, что в полной мере их решить не удалось.

*To mend a broken society* (Cameron. Leader's speech. 2012).

*The casino economy meets the welfare society meets the broken education system* (Cameron. Leader's speech. 2013).

По мнению Д. Кэмерона система выдачи пособий послужила причиной «разрушения» культуры коллективной ответственности в Британии. Ср.:

*But as I've argued for years, the welfare system has helped to erode that culture* (Cameron. Speech on welfare. 2012).

Слот «Ремонт»

В дискурсе Д. Кэмерона часто фигурируют упоминания различных проблемных отраслей в жизни современной Британии, определенное количество которых также можно заметить в его дискурсе в период управления правительством. Реформирование в различных сферах как правило сравнивается с ремонтом. Ср.:

*Is it enough to just fix what went wrong* (Cameron. Leader's speech. 2013)?

*I didn't come into politics just to fix what went wrong, but to build something right* (Cameron. Leader's speech. 2013).

С быстрой починкой сравниваются различные обещания и идеи, выдвигаемые в первую очередь со стороны лейбористов. Быстрой починкой, по мнению Д. Кэмерона, обойтись не получится – процесс восстановления будет длительным и зачастую сложным. Ср.:

*It's all sticking plasters and quick fixes... cobbled together for the TV cameras* (Cameron. Leader's speech. 2013).

*There is no shortcut to a land of opportunity. No quick fix. No easy way to do it* (Cameron. Leader's speech. 2013).

Среди востребованных контекстов для метафор данного слота находится проблема реформирования образовательной системы. Так как на системе образования лежит ответственность за появление специалистов, способных квалифицировано выполнять работу, отсутствие адекватного образования приводит к возникновению большого числа нетрудоустроенных людей. Образы ремонта призваны убедить адресата в том, что Д. Кэмерон осознает проблему и знает, как с ней бороться. Ср.:

*Fixing welfare – so a life on the dole is not an option. Fixing education – so we turn out young people with skills to do the jobs we are creating* (Cameron. Leader's speech. 2014).

Еще одной значительной проблемой, по мнению Д. Кэмерона, является отсутствие социальной мобильности. В первую очередь, как многократно заявлял политик, данная проблема связана с ксенофобией, что также описывается как поломка, требующая ремонта. Ср.:

*But there's another big social problem we need to fix. In politicians' speak: a "lack of social mobility"* (Cameron. Leader's speech. 2015).

Фрейм «Функционирование и обслуживание механизма»

Слот «Работа механизма»

В следующих примерах под работой подразумевается функционирование определенного механизма на уровне политической, экономической,

социальной или другой системы. Важным фактором для функционирования новой экономической системы является необходимость придерживаться определенных правил. Ср.:

*But this is the crucial point: it will only work if we stick with it* (Cameron. Leader's speech 2011).

Согласно дискурсу Д. Кэмерона, в государственном «механизме» необходимо наладить такую экономику, которая не просто работала бы, но и была полезной для всех слоев общества. Подобное определение справедливо и для системы субсидирования. Важным фактором так же является общественная ответственность. Ср.:

*But the job we have set ourselves, of building a welfare system that truly works – that supports the responsible society – that job is not yet complete* (Cameron. Speech on welfare. 2012).

*The new economy we're building must work for everyone* (Cameron. Leader's speech. 2011).

*It will be us, the Conservatives who finally build an economy that works for everyone and gives hope to everyone in our country* (Cameron. Leader's speech. 2011).

Образы механизма позволяют Д. Кэмерону описывать систему выделения пособий как плохо функционирующий механизм. Действительно, большая часть детей в современной Британии живут в семьях, где родители являются безработными, и этот показатель самый высокий в Европе. Ср.:

*Welfare isn't working. And this is a tragedy* (Cameron. Leader's speech. 2012).

Слот «Обслуживание механизма»

На конференции в Мюнхене посвященной безопасности в дискурсе Д. Кэмерона исламофобия сравнивается с машиной, работающей на топливе ксенофобии. Ср.:

*These people fuel Islamophobia, and I completely reject their argument* (Cameron. Speech at Munich Security Conference. 2011).

В данном случае сообщение обращено к тем, кто считает невозможным слияние восточной и западной культур. По мнению Д. Кэмерона, это ошибочная точка зрения. Для аргументации он приводит в качестве примера случаи в Тунисе и Каире, когда сотни тысяч людей выступили в качестве сторонников демократии и потребовали права на свободные выборы для всех.

#### **4. Заключение**

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы о функционировании метафор механизма в идиолекте Д. Кэмерона.

1. Метафорическая модель со сферой-источником «Механизм» имеет структуру, состоящую из трех фреймов (1. Устройство и детали механизмов, 2. Повреждение и ремонт механизма, 3. Функционирование и обслуживание механизма).

2. В период I доминируют слоты «Неисправность» (34.8%) и «Ремонт» (30.2%).

3. В период II структура метафорической модели «МЕХАНИЗМ» меняется и возникает новый фрейм – «Функционирование и обслуживание механизма».

4. Статистически количество метафорических единиц в период I больше (65 %), чем в период II (32 %).

5. К основным понятиям сфер-мишеней относятся: планирование, голосование, субсидирование, экономика, политика, государство, общество, образование, система здравоохранения, культурная трансформация.

Прагматический смысл использования механистических метафор связан со стремлением Д. Кэмерона объединить британское общество для стабильной работы и своевременного решения текущих проблем. Объединение и совместная работа различных социальных групп сравнивается со стабильной работой компонентов механизма, которые просто не могут эффективно функционировать при наличии поломки или рассогласованной работы.

Как показывает материал, набор слотов в механистической метафоре согласуется с экстралингвистическими особенностями политической жизни Д. Кэмерона. В период активной политической борьбы за власть политик отдает предпочтение метафорам поломки государственного механизма, за которую несут ответственность его политические противники, в то время как в бытность премьер-министром страны, Д. Кэмерон предпочитает использовать образы ремонта и наладки эффективной работы.

### **Список литературы**

Базылев, В. Н. Лингвистическая персонология: Ирина Хакамада (к определению статуса дисциплины) / В. Н. Базылев. – Текст : непосредственный // Известия УрГПУ. Лингвистика. – 2005. – № 15. – С. 163–167.

Баранов, А. Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга / А. Н. Баранов. – Текст : электронный. – URL: <http://evartist.narod.ru/text12/09.htm> (дата обращения 09.05.2021).

Богин, Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: специальность 10.02.19. «Общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика» : автореферат на соискание ученой степени доктора филологических наук / Богин Георгий Исаевич ; Педагогический институт им. Герцена. – Ленинград, 1984. – 31 с. – Текст : непосредственный.

Будаев, Э. В. Методики сопоставительного анализа политической метафоры / Э. В. Будаев. – Текст : непосредственный // Известия Уральского государственного университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2008. – Т. 56, № 23. – С. 210–216.

Вершинина, Т. С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе: специальность 10.02.01 – «русский язык»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Вершинина Татьяна Станиславовна; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2002. – 226 с. – Текст : непосредственный.

Гаврилова, М. В. Некоторые черты речевого портрета первого президента России Б. Н. Ельцина / М. В. Гаврилова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2012. – № 4. – С. 17–22.

Глебкин, В. В. Метафора механизма и теория концептуальной метафоры Лакоффа – Джонсона / В. В. Глебкин. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 2012. – № 3. – С. 51–68.

Демьянков, В. З. Интерпретация политического дискурса / В. З. Демьянков. – Текст : непосредственный // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / Отв. ред. М. Н. Володина. – Москва : Академический проект, 2008. – С. 374–393.

Иванова, Ю. М. Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Иванова Юлия Михайловна; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2003. – 138 с. – Текст : непосредственный.

Керимов, Р. Д. Метафорический антропоморфизм в социально-политической коммуникации / Р. Д. Керимов. – Кемерово : КемГУ, 2015. – 339 с. – Текст : непосредственный.

Китайгородская, М. В. Русский речевой портрет / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – Москва : Наука, 1995. – 114 с. – Текст : непосредственный.

Кобозева, И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры / И. М. Кобозева. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2001. – № 6. – С. 132–149.

Сусов, И. П. Семиотика и лингвистическая прагматика / И. П. Сусов. – Текст : непосредственный // Язык, дискурс и личность / Отв. ред. И. П. Сусов. – Тверь : ТГУ, 1990. – С. 125–133.

Теория и методика лингвистического анализа политического текста / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, Е. В. Дзюба [и др.]. – Екатеринбург : УрГПУ, 2016. – 308 с. – Текст : непосредственный.

Филинский, А. А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999–2000 гг. : специальность 10.02.19 «Теория

языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Филинский Алексей Анатольевич ; Тверской государственный университет. – Тверь, 2002. – 163 с. – Текст : непосредственный.

Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. – Москва : Флинта : Наука, 2007. – 256 с. – Текст : непосредственный.

Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2001. – 238 с. – Текст : непосредственный.

Эргашев, А. А. Отражение общественных и политических процессов в США в военных метафорах Барака Обамы / А. А. Эргашев. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 393. – С. 48–54.

### **Список источников**

Cameron, Speech on welfare 2012. – Текст : электронный. – URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=350>

Cameron. A liberal Conservative consensus to restore trust in politics, 2007. – Текст : электронный. – URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=349>.

Cameron. Fixing our Broken Society speech 2008. – Текст : электронный. – URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=348>

Cameron. Leader's speech 2008. – Текст : электронный. – URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=301>.

Cameron. Leader's speech 2009. – Текст : электронный. – URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=67>.

Cameron. Leader's speech 2009. – Текст : электронный. – URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=67>.

Cameron. Leader's speech 2011. – Текст : электронный. – URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=313>

Cameron. Leader's speech 2013. – Текст : электронный. – URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=354>

Cameron. Leader's speech 2014. – Текст : электронный. – URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=356>

Cameron. Leader's speech 2015. – Текст : электронный. – URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=360>

Cameron. Speech at Munich Security Conference 2011. – Текст : электронный. – URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=329>

Статья получена: 21.04.2021

Статья принята: 08.06.2022

## **METAPHORS FROM A SOURCE DOMAIN «MECHANISM» IN THE DISCOURSE OF THE BRITISH POLITICIAN D. CAMERON**

**N. V. Zinov'yev**

Surgut State University,  
Surgut, Russia  
*nikolas\_dark@mail.ru*

*Abstract:* The article discloses an analysis of metaphorical model «MECHANISM» in the discourse of the British politician David Cameron. The author carry's out metaphorical modeling of the political discourse of David Cameron, first, during his election campaign and, second, during the period when he held office of the Prime Minister of Great Britain. The analysis of frames and their typical slots is presented. The following frames are used: "Device and the parts of the mechanism", "Damage and reparation of the mechanism", "Operation and maintenance of the mechanism". It is also revealed that D. Cameron more often used the metaphorical model with the source domain «Mechanism» before he took office as Prime Minister of Great Britain. This is due to a number of political, economic and social reasons, as well as the pragmatic goals of the addressee. The change of the political situation gradually leads to the transformation of D. Cameron's rhetoric and the repertoire of metaphors. The article presents statistical data confirming the results of the carried out work.

*Keywords:* metaphorical modeling; political metaphors; metaphorical models; political metaphorology; political figures; British Prime Minister; political discourse.

### **References**

Baranov, A.N. (2003). *Politicheskaja metaforika publicisticheskogo teksta: vozmozhnosti lingvisticheskogo monitoringa* [Political Metaphor of Publicistic Text: Possibilities of Linguistic Monitoring]. Retrieved from <http://evartist.narod.ru/text12/09.htm>

Bazylev, V.N. (2005). *Lingvisticheskaja personologija: Irina Hakamada (k opredeleniju statusa discipliny)* [Linguistic personology: Irina Khakamada (by definition of the status of the discipline)]. *Izvestija UrGPU. Lingvistika*, 15, 163–167.

Bogin, G.I. (1984). *Model' jazykovej lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostjam tekstov* [The model of a linguistic personality in its relation to the varieties of texts]. [Candidate dissertation, Herzen University].

Budaev, E.V. (2008). *Metodiki sopostavitel'nogo analiza politicheskoy metaforiki* [Methods of comparative analysis of political metaphor]. *Proceedings of Ural State University*, 56(23), 210–216.

Chudinov, A. P. (2001). *Rossija v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991—2000)* [Russia in a Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991-2000)]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.

Chudinov, A.P. (2007). *Politicheskaja lingvistika* [Political Linguistics]. Moscow: Flinta.

Dem'jankov, V.Z. (2008). Interpretacija politicheskogo diskursa [Political Discourse interpretation]. In M.N. Volodina (Ed.), *Jazyk SMI kak obekt mezhdisciplinarnogo issledovanija* (pp. 116–133). Moscow: Akademicheskij proekt.

Ergashev, A.A. (2015). Otrazhenie obshhestvennyh i politicheskikh processov v SShA v voennyh metaforah Baraka Obamy [Reflection of social and political processes in the United States in military metaphors of Barack Obama]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 393, 48–54.

Filinskij, A.A. (2002). *Kriticheskij analiz politicheskogo diskursa predvybornykh kampanij 1999-2000 gg.* [A critical analysis of the political discourse of the 1999-2000 election campaigns]. [Candidate dissertation, Tver State University].

Gavrilova, M.V. (2012). *Nekotorye cherty rechevogo portreta pervogo prezidenta Rossii B. El'cina* [Some features of the speech portrait of the first president of Russia B. N. Yeltsin]. *Politicheskaja lingvistika*, 4, 17–22.

Glebkin, V.V. (2012). Metafora mekhanizma i teoriya kontseptual'noy metafory Lakoffa – Dzhonsona [Metaphor of the mechanism and the theory of conceptual metaphor of Lakoff–Johnson]. *Voprosy Jazykoznanija*, 3, 51–68.

Ivanova, Yu. M. (2003). *Strategii rechevogo vozdejstvija v zhanre predvybornykh teledbatov* [Strategies of speech influence in the genre of pre-election TV debates]. [Candidate dissertation, Volgograd State University].

Kerimov, R.D. (2015). *Metaforicheskij antropomorfizm v sotsial'no-politicheskoy kommunikatsii* [Metaphorical anthropomorphism in socio-political communication]. Kemerovo: KemSU.

Kitajgorodskaja, M.V. & Rozanova, N.N. (1995). *Russkij rechevoj portret* [Russian speech portrait]. Moscow: Nauka.

Kobozeva, I.M. (2001). Semanticheskie problemy analiza politicheskoy metafory [Semantic problems of political metaphor analysis]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, 6, 132–149.

Susov, I.P. (1990). *Semiotika i lingvisticheskaja pragmatika* [Semiotics and linguistic pragmatics]. In I.P. Susov (Ed.), *Jazyk, diskurs i lichnost* (pp. 125–133). Tver: Tver State University.

Vershinina, T.S. (2002). *Zoomorfnaia, fitomorfnaia i antropomorfnaia metafora v sovremennom politicheskom diskurse* [Zoomorphic, phytomorphic and anthropomorphic metaphor in modern political discourse]. [Candidate dissertation, Ural State Pedagogical University].

Submitted: 21.04.2021

Accepted: 08.06.2021

УДК 821.161.1.0

**ВОПРОС О ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ В РОМАНЕ  
ФЕДОРА СОЛОГУБА «ТВОРИМАЯ ЛЕГЕНДА»:  
ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО  
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОСМЫСЛЕНИЯ**

**И. В. Клыпина**

Поморский государственный университет имени М. В. Ломоносова,  
Северодвинск, Россия  
*clypinairina@yandex.ru*

**Е. Ю. Шестакова**

Центральная библиотека имени Н. В. Гоголя,  
Северодвинск, Россия  
*shestackova.lena2013@yandex.ru*

*Аннотация.* Статья посвящена проблеме системы воспитания, ставшей центральным предметом обсуждения и изображения в публицистике и художественных произведениях отечественных мыслителей XIX в. Острая социально-критическая направленность художественно-публицистических текстов апеллирует к тематике страданий и унижений ребенка. В отечественной публицистическо-литературной традиции XIX в. утверждаются представления о счастливом детстве как предустановленной норме, необходимости исправления источников «зла» – несовершенного семейного и школьного воспитания и образования. Писателю конца XIX – начала XX в. Федору Сологубу оказались близки тема детства и воспитательная проблематика. Рассмотрение гуманистической направленности темы детских страданий и связанной с ней проблемы школьного воспитания, поднятых писателем в романе «Творимая легенда», определило основную цель и новизну предпринятого исследования. Используемые в работе методы интерпретации, наблюдения, сопоставления и обобщения позволили показать, что проблема школьного воспитания и образования, которая является ведущей в романе «Творимая легенда», встраивается в контекст ключевых эстетических направлений эпохи – символизма и декаданса, что составляет оригинальность авторского осмысления обозначенной проблематики на фоне предшествующей художественно-публицистической традиции.

*Ключевые слова:* воспитательная система; образ ребенка; образ учителя; образ семьи; тема страданий ребенка; школьное образование; Федор Сологуб; роман «Творимая легенда»; традиции; новаторство

## **1. Введение**

Для русской литературы второй половины XIX в. характерен нарастающий интерес к проблеме школьного воспитания и образования, образу учителя, допустимости физических наказаний в рамках педагогической системы, влиянию воспитания и обучения на духовно-нравственное развитие детей. Как правило, данное направление литературы характеризовала ост-

рая критическая направленность, призыв к необходимости исправления существующего положения вещей. Писатель конца XIX – начала XX в. Федор Сологуб, получивший педагогическое образование и занимавшийся обучением детей, подхватил и продолжил тему школьного образования в своем творчестве, наполнив ее «самобытным» [Дворяшина, 2009, с. 5] звучанием.

## **2. Материал и методика исследования**

Материалом предпринятого исследования послужили тексты художественного и публицистического жанра: цикл «Очерки бурсы» (1862–1863) Н. Г. Помяловского, цикл очерков М. Е. Салтыкова-Щедрина «Пошехонская старина» (1887–1889), статьи из «Дневника писателя» (1876–1881) Ф. М. Достоевского, критические заметки Д. И. Писарева, роман Ф. Сологуба «Творимая легенда» (1907–1913).

Для достижения поставленной цели использовались методы интерпретации, наблюдения, сопоставления и обобщения.

### **3.1. Вопрос о воспитательной системе в художественных и публицистических текстах XIX в.**

Тема детства, обезображенного и изломанного в стенах учебного заведения, раскрывается в цикле «Очерки бурсы» Н. Г. Помяловского. Героев произведения развратила система общественного воспитания и образования, которая сформировала «такие дикие характеры, как Гороблагодатский», «пошлую, гнилую и развратную натуру Тавли», «хищного Хоря» [Помяловский, 1980, с. 335–336, 347]. В «Очерках» источником страданий детей становится сама образовательная система, представляющая собой «долбню ужасающую и мертвящую», а также учителя, у которых «было положено за священнейшую обязанность в продолжение курса непременно пересечь всех – и прилежных, и скромных, так чтобы ни один не ушел от лозы» [Помяловский, 1980, с. 362, 393].

Повествование в произведении строится с использованием системы оппозиций, «контраста между домашним и училищным бытом», где «семейная жизнь кажется полным блаженством, выше которого нет на свете, бурсацкая – царством бесконечных мучений» [Помяловский, 1980, с. 435]. При чем «родное селение, дом с садом, домашние товарищи, игры» [Помяловский, 1980, с. 440], любовь и тепло, исходящие от семьи, явно восходят к традициям русских произведений о «счастлимом детстве» («Сон Обломова», 1849, романа И. А. Гончарова «Обломов», «Детство», 1852, Л. Н. Толстого, «Детские годы Багрова-внука», 1854, С. Т. Аксакова) и упоминания о них даются в тексте в качестве предустановленной жизненной нормы, преступаемой в бурсе: «Был когда-то рай на земле, но теперь все гадко на свете» [Помяловский, 1980, с. 448]. «Черные педагоги, лишённые деторождения», «ужасающая система нашего воспитания» превращают «райское существование» ребенка в ад: «Ирсе был дух того ада, которому имя бурса» [Помяловский, 1980, с. 375]. Бурса изображается как «перевернутый мир», абсолютно

противоположный естественному его состоянию, где обязательно счастливое гармоничное детства, протекающее в уюте и тепле родного дома, в окружении любящей семьи. В «адском» учебном заведении «привязанность к родному дому ставится в преступление», и даже атмосфера в бурсе «носит характер казенщины, выражающей полное отсутствие домовитости и уюта» [Помяловский, 1980, с. 330, 441].

Намеренное, нарочитое изображение «перевернутого мира» детства Никанора Затрапезного, которое по определению должно быть счастливым, гармоничным и безмятежным, представлено в цикле очерков М. Е. Салтыкова-Щедрина «Пошехонская старина». Модель мира «счастливого детства», описанная в повести «Детские годы Багрова-внука» С. Т. Аксакова, прямо входит в текст щедринских очерков в качестве своеобразной смысловой доминанты: «Мне было уже за тридцать лет, когда я прочитал “Детские годы Багрова-внука”, и, признаюсь откровенно, прочитал почти с завистью» [Салтыков-Щедрин, 1975, с. 35]. Только на этом фоне, в логике контрастов, представлен родной дом (родовая усадьба) «неудобным и некрасивым», а в саду, окружающему дом, детям «гулять охоты не было» [Салтыков-Щедрин, 1975, с. 13–14].

Мотив природного изобилия, столь актуальный для аксаковской повести о детстве, в щедринских очерках наполняется совершенно иным, по сути, противоположным смыслом, не ощущением счастья от полноты бытия и красоты окружающего мира, а желанием потреблять, «эксплуатировать», приносить доход: «Обилие фруктов и в особенности ягод было такое, что с конца июня до половины августа господский дом положительно превращался в фабрику, в которой с утра до вечера производилась ягодная эксплуатация» [Салтыков-Щедрин, 1975, с. 14].

Огромный «воскресный пирог», символизирующий в главе IX «Сон Обломова» романа И. А. Гончарова «Обломов» изобильную и благодатную жизнь, в «Пошехонской старине» являет собой символ жадности и скупости хозяев: «Начинка этого пирога представляла смешение всевозможных отбросов, накопившихся в течение недели, и наполняла столовую своеобразным запахом лежалой солонины» [Салтыков-Щедрин, 1975, с. 22].

Семья, призванная давать ребенку ощущение «блаженства», «душевного равновесия», «создавать то стихийное общение, которое, захватив человека с колыбели, наполняет все его существо и проходит потом через всю его жизнь», в щедринских очерках постулируется в качестве предустановленной нормы, на фоне которой семья Затрапезных, где «ни отец, ни мать не занимались детьми», а дети «не знали родительской ласки», однозначно определяется взрослым рассказчиком как «неестественная» [Салтыков-Щедрин, 1975, с. 21, 35, 26]. Даже семейные трапезы, должны объединять всех ее членов, в доме Затрапезных сопровождаются «настоящим погромом», «бранью», «баталиями», «непристойными словами» [Салтыков-Щедрин, 1975, с. 26], что обостряет отчуждение близких людей друг от друга.

Все вместе это определяет статус близких (семьи) как преступников, отнимающих счастливое детство у своих детей.

И, наконец, рассуждения о педагогической «системе» в щедринских очерках дополняют картину «преступлений» против детства. «Педагоги, служащие ей не только за страх, но и за совесть», делают ребенка «злосчастливым» [Салтыков-Щедрин, 1975, с. 79], отнимая у него детство. Вся система отношений людей выстроена в очерке сознательно противоположной тому, что уже сложилось в произведениях Л. Н. Толстого, С. Т. Аксакова, И. А. Гончарова в качестве модели «счастливого детства».

Несостоявшееся счастье ребенка рождает протест и жажду наказания того, кто встал на его пути. Счастье, безмятежность, радость, наслаждение красотой природы – все это предназначено приходящему в земной мир ребенку. Лишают ребенка предначертанного счастливого и гармоничного детства конкретные носители зла (семья, школьные воспитатели и педагоги). Нравственная установка русской литературы, посвященной теме страданий и унижений ребенка, состоит в открытом призыве устранить источник страданий, унижений и оскорблений. И тогда «будут родиться детки в Саду <...> под золотым солнцем и виноградниками, <...> и выправятся, и не будут уже десятилетние девочки сивуху с фабричными по кабакам пить» [Достоевский, 1981, с. 99].

Этот призыв к поиску и устранению источников зла, конкретных его носителей, пренебрегающих естественную норму человеческой жизни, жизни ребенка еще более откровенно звучит в русской публицистике XIX в. В критических заметках Д. И. Писарева в качестве нормы демонстрируется образ счастливого и безмятежного ребенка, которому «хочется конфет, игрушек, беготни, забав», он заботится лишь о «том, что доставляет непосредственное приятное ощущение» [Писарев, 1981, с. 159].

В его представлениях счастливое детство как норма – это прежде всего свобода, заключающаяся в отсутствии «тщательного (воспитательного, педагогического) надзора, «который душит в ребенке живые движения» [Писарев, 1981, с. 201]. «Педагогически тиски» «мнут» детей, воспитание сравнивается с «уродованием», когда ребенка «втискивают в одну и ту же готовую форму» [Писарев, 1981, с. 338]. Из этого с неизбежностью следует, что именно педагоги, воспитатели как конкретные, персонализированные представители общественного зла отнимают счастливое, свободное детство ребенка, не дают ему жить и развиваться в согласии со своей природой, способностями, потребностями. И, наконец, разоблачающий вердикт: «Общество виновато во всем том, что совершается в его пределах. Вор не мог родиться вором, потому что новорожденный ребенок не имеет никакого понятия о том, что такое собственность. Его испортило воспитание. Если воспитание плохо в каком бы то ни было отношении, в этом прямо виновато общество» [Писарев, 1981, с. 167].

В «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского рассуждения о детстве выстраиваются в уже знакомые логические конструкции. Причем предваряется все утверждением естественности и обязательности «счастливого детства»: «Без святого и драгоценного, унесенного в жизнь из воспоминаний детства, не может и жить человек. <...> Без зачатков положительного и прекрасного нельзя выходить человеку в жизнь из детства, без зачатков положительного и прекрасного нельзя пускать поколение в путь» [Достоевский, 1981, с. 179–181].

Неизбежно возникающий на этом фоне у Ф. М. Достоевского-публициста вопрос об «оскорбленных детях», превращается в выяснение: «Кем оскорбленные?», «Как и чем и кто виноват?» [Достоевский, 1981, с. 17] Писатель стремится выявить конкретный источник зла и указать на него. В его суждениях главным виновником страданий и унижений ребенка является семья, нарушающая норму, отнимающая у ребенка счастливое и безмятежное детство. Ф. М. Достоевский называет ее «случайное семейство», то есть «расшатанное, разложенное, нерассортированное и неоформленное» [Достоевский, 1981, с. 173].

Далее в ряду виновников страданий детей – система образования и воспитания, которая извращает природную натуру ребенка, «крадет» его счастливое детство: «Ему говорили до сих пор, что лгать и обижать страшно и позорно, а вот они здесь все лгут, обманывают, обижают, да еще смеются над его ужасом» [Достоевский, 1981, с. 42]. Школа для Ф. М. Достоевского является местом, где царит беззаконие и преступность в отношении детей: «Какие преступления совершаются иногда в наших воспитательных заведениях, всех разрядов и наименований, – именно преступления!» [Достоевский, 1981, с. 42]

### **3.2. Проблема воспитания в романе Ф. Сологуба «Творимая легенда»**

В романе Федора Сологуба «Творимая легенда» проблемам, существующим в современной автору педагогической системе, уделено достаточно большое внимание. Критика школьной системы воспитания и образования в романе начинается с руководства. Косность, ограниченность педагогических взглядов воплощается в образе местного инспектора народных училищ Леонтия Андреевича Шабалова, откровенно заявляющего:

*– Мне, батенька (или “голубушка”, если перед ним была учительница), не надобно выдающихся учителей. Я умников да умниц не люблю, модницам и щеголям не потатчик. Главное, батенька, в жизни и в службе – не заноситься. У меня, батенька, выполняй казенную программу и сиди себе смирно, и благо тебе будет. Программу-то учебную составляли люди не глупее нас с вами, так нам с вами о программах мудрствовать не приходится [Сологуб, 1991, с. 170].*

Введенный в художественный текст «документ», созданный Шабаловым и адресованный учителям Скородожа, призван показать и подтвердить

уюсть взглядов инспектора на образование детей: «При посещении мною школ вверенного мне района обнаружилось, что некоторые учителя и учительницы, в том числе и Вы, Милостивый Государь, выходят из пределов утвержденной для начальных училищ программы, сообщая учащимся сведения из истории и географии, народу не нужные, а потому, в подтверждение сделанных мною лично Вам словесных указаний, прошу Вас на будущее время строго придерживаться установленных программ, предупреждая Вас, что в противном случае Вы будете уволены от службы» [Сологуб, 1991, с. 171–172]. Безусловно, данному «документу» автором придан остросатирический характер, а образ Шабалова наделяется обобщенно-типическими чертами.

Директор народных училищ Дулебов предстает человеком, всегда руководствующимся принципом: «Необходимо культивировать связи и отношения» [Сологуб, 1991, с. 174]. Все свои должности он получал не благодаря талантам и способностям, но «умелой заботе», «чтобы вставить в наилучшие отношения со всеми, кто стоял по службе выше его или вровень с ним» [Сологуб, 1991, с. 174]. Также «старался он не портить отношений и с младшими, – на всякий случай: младшие становятся иногда старше старших; да и в младших оставаясь, могут повредить при случае или оказать пользу» [Сологуб, 1991, с. 174].

Дулебов выстраивает иерархию отношений с подчиненными согласно со своими взглядами: «Тем, кто был почтителен к нему и к его жене, он покровительствовал, старался устроить получше. В случае неприятностей таких он защищал, хотя и очень осторожно, чтобы не повредить своему собственному положению. Непочтительных же и независимых Дулебов недолюбливал и ходу им не давал» [Сологуб, 1991, с. 175].

Отталкивающее впечатление производит «учитель-инспектор» Михаил Прокопьевич Потерин, который «держал себя как лакей» с начальством, «брал взятки, поколачивал учеников, сильно выпивал, – все ему с рук сходило» [Сологуб, 1991, с. 177]. Невежество учителя («Потерин языков не знал»), грубость («Но он сидел тут же и злобно шипел на отвечавших небойко или вовсе молчавших на вопросы: – Этакий пень! Остолоп! Дубина!») [Сологуб, 1991, с. 177] создают образ человека, мало соответствующего своей высокой профессии.

Учителя Зинаида Григорьевна Дулебова и Кербих наделены склонностью к сплетням и «язвительным разговорам» [Сологуб, 1991, с. 182], свободное от своих прямых обязанностей время они проводят в сладостном «перемывании косточек всем знакомым»: «Госпожа Дулебова рассказывала о перчатках Потерина. Потом рассказала о самоубийстве свояченицы другого инспектора. Она утопилась будто бы потому, что боялась, как бы у нее от него не родился ребенок. Потом рассказала, как третий инспектор напился в бане и там подрался с городским головою» [Сологуб, 1991, с. 182].

Отдельно обратим внимание на семантику фамилий учителей. О. П. Моисеева, обратившись к исследованию этого вопроса, пишет о «говорящести» фамилий педагогов: «Ф. Федосюк в книге “Русские фамилии” приводит следующий вариант фамилии Дулебов (как вариант возможно также Дулепов): “Нарицательное отрицательное: бестолковый, связывает этимологию фамилии с древним славянским племенем дулебов, очевидно, бывшим более диким, чем окружавшие его соседние племена”. В романе этой фамилией наделены Григорий Владимирович и Зинаида Григорьевна Дулебовы, чьи образы даны в негативном ключе и обрисованы средствами сатиры. С помощью фамилий обыгрывается в тексте и сущность некоторых эпизодичных персонажей, например, инспектора Потерина» [Моисеева, 1999, с. 77].

Особенно остро несовершенство педагогической системы проявляется в вопросе о физических наказаниях учеников. По словам исследователя, «детский вопрос: “А пороть будут?” – постоянен в прозе Сологуба» [Павлова, 1990, с. 5]. Все без исключения учителя выступают горячими сторонниками необходимости такого рода наказаний. Чувство умиления вызывают в них «воспоминания о добром старом времени» [Сологуб, 1991, с. 180], когда секли много и разнообразно. Шабалов искренне радуется тому, что «секут и нонче» [Сологуб, 1991, с. 180].

Представители власти Скородожа (вице-губернатор) поддерживают учителей: «– Конечно, надо пороть. Что же об этом спорить! Не по головке же гладить всяких негодяев. Вот у нас на днях на пароходе какой-то гимназистика подсел к пианино да и давай “Марсельезу” отжаривать. И ничего с ним нельзя было сделать. Исключили из гимназии, только и всего. А он и рад на собаках шерсть бить» [Сологуб, 1991, с. 492].

Помимо светской педагогической системы писатель подвергает критике воспитательные методы религиозных учебных организаций, заведений, общин. В ходе разговора Триродова с певчими архиерейского хора выясняется, что их регент Геннадий Иваныч Гулянкин «малолетних певчих страх как бьет»: «<...> то ремнем начнет лупцевать, – снимет с себя пояс ременный да пряжкой и зажаривает. А то ногою двинет. А побольше вина – розгами секут» [Сологуб, 1991, с. 488]. Распущенность воспитателя принимает чудовищные масштабы: он может «пряжкой руку до крови рассечь», «так хватить кулаком, что (ребенок – И. К., Е. Ш.) падает на пол», «да еще такую матерщинку загнуть, что уши затыкай» [Сологуб, 1991, с. 488].

Гулянкин так поступает, зная о беззащитности воспитанников и своей полной безнаказанности, жалоба мальчиков на его поведение привела к тому, что «жалобщиков всех высекли да еще заставили у регента прошенья просить, на коленках стоя», «кому не нравится, те вон поди. <...> А куда пойдешь? У родителей – бедность непокрытая, а есть и вовсе сироты» [Сологуб, 1991, с. 488]. Викарный епископ Евпраксий во времена, когда был

ректором и учителем семинарии, славился своим деспотизмом и жестокостью, «вызывавшими к нему ненависть семинаристов» такой силы, что те «подложили в его квартире бомбу» [Сологуб, 1991, с. 488].

Физические наказания учеников поддерживаются не только светским, но и религиозным начальством. Так, епископ Пелагий твердо наставляет: «– Детей следует сечь. Весьма похваляю телесные наказания, весьма» [Сологуб, 1991, с. 492]. Он считает, что физические наказания необходимы в деле нравственного воспитания подрастающего поколения: «– Жизнь для детей и подростков так еще легка и беззаботна, что они были бы не приготовлены к суровому подвигу жизни, если бы иногда не претерпевали приличествующих этому возрасту мучений. Притом же молодости свойственна опасная склонность заноситься и мнить о себе высоко. Даже о Боге забывает легкомысленная юность. В телесном же наказании дана человеку разумительная мера его сил. Указывается, что не все ты можешь, что хочешь» [Сологуб, 1991, с. 492]. По мнению епископа, розги помогают в деле формирования христианских добродетелей: «– Гордыня обуевает иного подростка. А высечь его – розги сломят его гордыню и укажут подростку его место» [Сологуб, 1991, с. 493]. Так автор последовательно проводит «нравоописательную линию, <...> представленную в координатах социально-бытового повествования», проводя «мысль о тотальной мертвенности жизни в земных пределах» [Глинкина, 2003, с. 11].

Решение болезненного и острого вопроса писатель видит в людях, которые непосредственно занимаются образовательной деятельностью. Главный герой романа, Георгий Триродов, относящийся к «типу героя-гения» [Циттель, 2001, 5], предстает активной личностью, идеальным педагогом, стремящимся не сломать существующую педагогическую систему, но создать новую, основанную на совершенно иных ценностных принципах, ориентированную на гуманное отношение к ребенку, сохранение его внутренней свободы. Он бросает прямой вызов педагогическому начальству Скородожа: «Ваша казенная трижды проклятая школа – вот истинный образец порнографии» [Сологуб, 1991, с. 187].

Главная задача Триродова – воспитать и обучить детей, из которых будет составлено «общество свободных людей», где никто «не захочет быть ни господином, ни рабом», не будет «приносить жертв ни власти, ни собственности», не пожелает «ограничивать своей и чужой свободы» [Сологуб, 1991, с. 439]. Для достижения этой цели необходимо прекратить любые физические наказания, формирующие в ребенке страх перед обществом и чувство униженности, создающие ситуацию невозможности проявления собственных талантов и возможностей. Примечательно, что послушник архиерейского хора отмечает «бойкость» воспитанников колонии, то, что они «не заколочены» [Сологуб, 1991, с. 489]. По мнению Триродова, никакие детские шалости и проступки не заслуживают розог, «на все это есть совсем другие (воспитательные – И. К., Е. Ш.) способы» [Сологуб, 1991, с. 439].

Основной проблемой современной школы, на его взгляд, являются «низкие» цели, так как «чем выше взята жизненная цель, тем легче достигнуть хоть чего-нибудь» [Сологуб, 1991, с. 439].

Обозначив конкретных носителей зла, виновников несовершенства педагогической системы, а значит, страданий и унижений ребенка, Ф. Сологуб с горечью констатирует, что Триродов не сможет изменить существующую ситуацию и победить шабаловых, дулебовых, потеринных и им подобных. Для героя «единственной возможностью избавиться от неустрашимого на земле зла является путь ухода от него», «и дело в таком случае остается только за выбором: смерть, греза, блаженная страна инобытия Ойле, Луна, Королевство Объединенных Островов» [Михайлов, 1991, с. 14]. Триродов размышляет о разных путях спасения детей от косной и жестокой воспитательной системы, понимая, что закрытие колонии обрекает их стать учениками городского училища или другого учебного заведения, попасть в воспитательные дома для сирот. Помимо того, что дети получают серьезную психологическую травму, они утратят чувство внутренней свободы и собственного достоинства, которые прививали им в колонии.

С точки зрения Триродова, одним из путей выхода становится полет на Луну, для чего он готов совершить невозможное, нарушающее естественный ход вещей, – «изменить время обращения Луны вокруг оси» и «таким способом <...> снова оживить эту мертвую планету» [Сологуб, 1991, с. 465–466]. Ученый-мечтатель детально, используя знания науки, обрисовывает то, как он достигнет желаемого: «Чтобы победить притяжение земли, мне представляются два пути. Я еще не решил окончательно, который из них выбрать. Первый путь – разложить молекулярные силы на поверхности стеклянных стен. Второй – воспользоваться психическими силами отживших. Эти силы не уничтожаются смертью. Они непрерывно одухотворяют природу, превращая материю в энергию. Природа, вначале грубая и безжизненная, из века в век становится все более одухотворенною и тонкою» [Сологуб, 1991, с. 465–466]. На Луне Триродов предполагает «получить <...> очень далекую колонию, более далекую, чем Новая Зеландия, и на этой новой земле построить новый мир» [Сологуб, 1991, с. 465–466].

Еще один путь выхода из «тесного, несносного нашего мира», «где люди сами на себя куют оковы», в представлении Триродова, – путешествие в землю Ойле. Примечательно, что течение временных потоков Ойле и Земли не совпадают: «В земных пределах – одна секунда, а там проживем целый век» [Сологуб, 1991, с. 459–460]. Границу между двумя пространствами герои могут пересечь, крепко и глубоко уснув.

Мотивы первозданности пространства, наполненности его светом и радостью, цветовая символика неба («как язык первозданного рая», «благое солнце радостной земли», «были свежи и сладки вновь все впечатления бытия», «жизнь была светла и полна», «сладкий, голубой свет изливал на них

дивный Маир», «полноту блаженства познали прекрасные существа, населявшие землю Ойле») [Сологуб, 1991, с. 459–460] уподобляют образ Ойле христианскому раю, где человек возвращается в детство, испытывая ощущения безмятежности и наслаждения, свойственные ребенку.

Обретая внутреннюю чистоту и невинность, Георгий Триродов и Елизавета начинают иначе говорить, их речь обретает свойства детского лепета – «нового и милого наречия» [Сологуб, 1991, с. 460]. «Простая жизнь и открытость стихиям, телесная нагота, невинное, по-детски наивное восприятие бытия» – все это является «составляющими» авторского представления о рае [Глинкина, 2003, с. 19]. На земле Ойле человек пребывает в совершенном, гармоничном состоянии («все в этом мире было созвучно и стройно») [Сологуб, 1991, с. 459–460], получает возможность свободно, плодотворно творить, создавать и мыслить. Образы-символы Лирики, Иронии и Смерти определяют способы «освоения (этого – И. К., Е. Ш.) мира» [Глинкина, 2003, с. 17]. Ойле является «символом благословенной обители свободного духа, которая освобождает Елисавету и Триродова “от ужасных земных оков смерти и времени”» [Глинкина, 2003, с. 19].

Полет на Луну и путешествие в землю Ойле не состоялись, остались несбывшимися проектами Триродова. Однако ученому удалось победить в выборах и стать правителем Королевства Объединенных Островов – «иной страны, далекого края» [Сологуб, 1991, с. 195]. Изображение «страны, где царствовала Ортруда», вбирает черты сказочного-легендарного хронотопа («где синее море, голубое небо, изумрудные травы, черные волосы, знойные глаза», «в счастливом <...> далеком краю, под лазурным небом, на островах среди лазурных волн»), утопического («в этой яркой стране <...> к воплощениям стремятся утопии») и рыцарского романов («мир Ортруды <...> наполнен рыцарскими подвигами и кровавыми легендами рода») [Глинкина, 2003, с. 19].

Королевство то возникает как потаенная греза-мечта Елизаветы, то обретает конкретные пространственные очертания, которые вполне применимы к земной действительности. Бурные политические события, разворачивающиеся в Королевстве, напоминают пути исторического развития европейских держав, наполненные «политическими провокациями, заказными убийствами, корыстным расчетом, народными волнениями» [Глинкина, 2003, с. 10]. Иными словами, «в этой яркой стране сочетается фантазия с обычностью» [Глинкина, 2003, с. 10].

Как отмечает исследователь, в романе «Творимая легенда» «Ф. Сологуб создал свой определенный стиль, понимание которого осложнялось <...> наложением друг на друга разных планов бытия: социально-бытового и условно-фантастического» [Глинкина, 2003, с. 7]. В ходе повествования вторая часть романа, посвященная описанию Королевства Ортруды, все больше обнаруживает «черты социально-бытового и политического рома-

нов», что «позволяет увидеть в катастрофической атмосфере условного королевства черты знакомой автору российской действительности» [Глинкина, 2003, с. 10].

Установка на жизнеподобие постепенно начинает «разрушать иллюзию идеальности», он становится в большей степени социально-бытовым и политическим, чем сказочно-легендарным. Триродов призван столкнуться с проблемами, требующими от него качества мудрого, дальновидного политика и исторического деятеля. Школа в Королевстве Объединенных Островов уподобляется колонии Триродова, с вполне узнаваемыми чертами: открытость миру («распахнув широко все окна»), свежесть воздуха, близость природе («веселая роща зеленела около школы», «в заливе купались дети перед тем, как опять идти в школу»), радость детей-учеников («слышны еще издали их голоса и серебряно-звонкие смехи»), любовь к ним окружающих людей [Сологуб, 1991, с. 219]. Осуществив «перенос» школы Триродова в сказочно-легендарное пространство Королевства, автор подчеркивает, что такая идеальная школа существовать в земном мире не может.

Триродов – избранный Король Георгий Первый – появляется в Королевстве в «хрустальном шаре, подобном планете», который, коснувшись земли, «обращается в громадное, полушаровидное хрустальное здание» [Сологуб, 1991, с. 564]. Этот финальный образ романа соединяет в себе христианские мотивы, отсылающие к представлению о чудесном явлении Спасителя с небес, сказочные сюжеты об идеальном правителе из народа, драматургические традиции античных пьес («бог на машине»), тему технического прогресса и научных достижений ученых начала XX в.

Герой словно спускается из небесного храма, на него, являющегося центром пересечения небесного и земного пространств, возлагается миссия гармонизации «бурного» Королевства, приведения в порядок нарушенного мироустройства. Образ «оранжереи-шара», в котором предстает Триродов перед жителями «Королевства Ортруды», претендует на воплощение им в пространстве этой земли «райского города будущего» [Глинкина, 2003, с. 19]. Однако читатель понимает, что это останется таким же утопическим проектом Триродова, как и детская колония на Земле. По замечанию исследователя, «Сологуб вполне подчеркивает мысль об извечной предопределенности человека вращаться между несовершенной действительностью и прекрасной, но тщетной мечтой ее пересоздать» [Михайлов, 1991, с. 14].

**4. Заключение.** Сопоставительный анализ прозы и публицистического наследия Федора Сологуба с художественными произведениями и критическими работами отечественных мыслителей XIX в. позволяет утверждать, что писателю оказалась близка тема страданий и унижений ребенка. В пределах художественного осмысления Ф. Сологуба, как и русских писателей и публицистов XIX в., оказались проблемы воспитания и образования в учебном заведении, физического наказания. В центре внимания писателя

– образ ребенка-жертвы, устоявшийся в отечественной литературной традиции. Для Ф. Сологуба, как и для русской художественно-публицистической мысли XIX в., представление о счастливом и безмятежном детстве является общепринятой, устоявшейся нормой, нарушение которой влечет за собой неизбежное осуждение. Источник зла здесь четко локализован, однозначно назван и персонифицирован. Ситуация укладывается в понятие «преступление против детства», где есть потерпевший (ребенок), обвинитель (автор) и обвиняемый (семья, учителя). На этом фоне все страдания и унижения ребенка могут быть оценены как отнятое, «украденное детство». Вместе с тем вопрос о педагогическом воспитании и образовании в романе Ф. Сологуба «Творимая легенда» обретает новые черты. Обличительная критика художественно-публицистического направления XIX в. в большей степени преследовала цель обозначения «язв» общества и необходимости исправления существующих проблем. Глубокий пессимизм Ф. Сологуба выразился в полном неверии в возможность социально-экономических и духовно-нравственных изменений общества. Обозначенные в его романе проблемы, мешающие состояться безмятежному детству ребенка, провоцируют появление мистико-символического художественного плана. И в этом смысле символизм и декаданс оказались теми эстетическими направлениями, которые позволили писателю наиболее полно выразить собственное видение путей выхода из сложившейся трагической ситуации.

### Список литературы

Глинкина, Н. А. Роман Ф. Сологуба «Творимая легенда» : Проблема художественного синтеза жизнеподобия и условности : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Глинкина Наталья Алексеевна ; Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова. – Ульяновск, 2003. – 21 с. – Текст : непосредственный.

Дворяшина, Н. А. Феномен детства в творчестве русских символистов: Ф. Сологуб, З. Гиппиус, К. Бальмонт : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Дворяшина Нина Алексеевна ; Сургутский государственный педагогический университет. – Сургут, 2009. – 49 с. – Текст : непосредственный.

Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : В 30 т. Т. 23. Дневник писателя за 1876 год. Май-октябрь / Ф. М. Достоевский. – Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1981. – 424 с. – Текст : непосредственный.

Михайлов, А. И. Два мира Федора Сологуба / А. И. Михайлов. – Текст : непосредственный // Ф. Сологуб. Творимая легенда. – Москва : Современник, 1991. – С. 5–14.

Моисеева, О. П. Имя и жанр в романе Ф. Сологуба «Творимая легенда» / О. П. Моисеева. – Текст : непосредственный // Записки об ономастике : 36. Наук, прац. Вып. 3. – Одесса : АстроПринт, 1999. – С. 74–82.

Павлова, М. М. Между светом и тенью / М. М. Павлова. – Текст : непосредственный // Ф. Сологуб. Тяжелые сны : роман. Рассказы. – Ленинград : Художественная литература, 1990. – С. 3–16.

Писарев, Д. И. Литературная критика: В 3 т. Т. 1. Статьи 1859–1864 гг. – Ленинград : Художественная литература, 1981. – С. 159.

Помяловский, Н. Г. Сочинения / Н. Г. Помяловский. – Ленинград : Художественная литература, 1980. – 632 с. – Текст : непосредственный.

Салтыков-Щедрин, М. Е. Собрание сочинений : В 20 т. Т. 17. Пошехонская старина / М. Е. Салтыков-Щедрин. – Москва : Художественная литература, 1975. – 624 с. – Текст : непосредственный.

Сологуб, Ф. Творимая легенда / Ф. Сологуб. – Москва : Современник, 1991. – 573 с. – Текст : непосредственный.

Циттель, В. В. Художественная вселенная Ф. К. Сологуба : проблема творимого «творящего» : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Циттель Василий Викторович ; Магнитогорский государственный университет. – Магнитогорск, 2001. – 20 с. – Текст : непосредственный.

Статья получена: 26.04.2021

Статья принята: 06.06.2021

## **THE QUESTION OF THE EDUCATIONAL SYSTEM IN FYODOR SOLOGUB'S NOVEL «THE CREATED LEGEND»: TRADITIONS AND INNOVATION OF ARTISTIC UNDER- STANDING**

**I. V. Klypina**

Pomeranian State University  
named after M. V. Lomonosov, Severodvinsk, Russia  
*klypinairina@yandex.ru*

**E. Y. Shestakova**

N. V. Gogol Central Library,  
Severodvinsk, Russia  
*shestakova.lena2013@yandex.ru*

*Abstract.* The article is devoted to the problem of the system of upbringing and education, which became the central subject of discussion and representation in the journalism and artistic works of Russian thinkers of the XIX century. The acute socio-critical orientation of artistic and journalistic texts appeals to the theme of suffering and humiliation of the child. In the Russian journalistic and literary tradition of the XIX century, the ideas of a happy childhood are

confirmed as a pre-established norm, the need to correct the sources of «evil» – imperfect family and school education and education. The writer of the late XIX –early XX century. Fyodor Sologub was close to the theme of childhood and educational problems. The consideration of the humanistic orientation of the topic of childhood suffering and the related problem of school education, raised by the writer in the novel «The Created Legend», determined the main purpose and novelty of the research undertaken. The methods of interpretation, observation, comparison, and generalization allowed us to achieve this goal and its accompanying tasks. The results obtained showed that the problem of school education and education, which leads to the novel «The Created Legend», is embedded in the context of the key aesthetic trends of the era – symbolism and decadence, which makes the author's original understanding of the designated issues against the background of the previous artistic and journalistic tradition.

*Keywords:* educational system; the image of the child; the image of the teacher; the image of the family; the theme of the suffering of the child; school education; Fyodor Sologub; the novel «The Created Legend»; traditions; innovation

## References

Glinkina, N. A. (2003). *Roman F. Sologuba «Tvorimaja legenda»: Problema hudozhestvennogo sinteza zhiznepodobija i uslovnosti* [Roman F. Sologub «The Created Legend»: The problem of artistic synthesis of life-likeness and conventionality]. [Candidate dissertation, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov].

Dvorjashina, N. A. (2009). *Fenomen detstva v tvorcestve russkikh simbolistov: F. Sologub, Z. Gippius, K. Bal'mont* [The Phenomenon of Childhood in the Works of Russian Symbolists: F. Sologub, Z. Gippius, K. Balmont]. [Candidate dissertation, Surgut State Pedagogical University].

Dostoevskij, F. M. (1981). *Polnoe sobranie sochinenij : V 30 t. T. 23. Dnevnik pisatelja za 1876 god. Maj-oktjabr'* [The complete collection of works: In 30 vols. t. 23. The writer's diary for 1876. May-October]. Leningrad : Nauka.

Mihajlov, A. I. (1991). The Two Worlds of Fyodor Sologub. *F. Sologub. Tvorimaja legenda*. Moscow : Sovremennik, 5–1.

Moiseeva, O. P. (1999). Name and genre in F. Sologub's novel «The Created Legend». *Zapiski ob onomastike*, 36, Nauk, prac., Vyp. 3, Odessa : AstroPrint, 74–82.

Pavlova, M. M. (1990). Between light and shadow. *F. Sologub. Tjazhelye sny: roman. Rasskazy*. Leningrad : Hudozhestvennaja literatura, 3–16.

Pisarev, D. I. (1981). *Literaturnaja kritika: V 3 t. T. 1. Stat'i 1859–1864 gg.* [Literary criticism: In 3 vols. Vol. 1. Articles of 1859–1864]. Leningrad : Hudozhestvennaja literatura.

Pomjalovskij, N. G. (1980). *Sochinenija* [Essays]. Leningrad : Hudozhestvennaja literatura.

Saltykov-Shhedrin, M. E. (1975). *Sobranie sochinenij : V 20 t. T. 17. Poshekonskaja starina* [Collected works : In 20 vols. t. 17. Poshekonskaya starina]. Moskva : Hudozhestvennaja literatura.

Sologub, F. (1991). *Tvorimaja legenda* [Creating a legend]. Moskva : Sovremennik.

Cittel', V. V. (2001). *Hudozhestvennaja vseennaja F.K. Sologuba: problema tvorimogo «tvorjashhego»* [The Artistic Universe of F.K. Sologub: the problem of the created «Creator»]. [Candidate dissertation, Magnitogorsk State University].

Submitted: 26.04.2021

Accepted: 06.06.2021

УДК 811.111

## **МЕТАФОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЛЮБВИ В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕСНЯХ**

**Д. Т. Рахманова**

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)  
Российского государственного профессионально-педагогического университета  
Нижний Тагил, Россия  
*dr17052000@mail.ru*

*Аннотация.* В статье рассматриваются концептуальные метафоры, актуализированные в современном англоязычном песенном дискурсе для осмысления концепта LOVE. Исследование выполнено на материале англоязычных песен XXI в., с целью выявить особенности метафорической репрезентации концепта LOVE. Методология исследования основывается на когнитивно-дискурсивном подходе к изучению метафоры. В работе используются следующие методы: классификация, метафорическое моделирование, лингвокультурологическое описание. Анализ метафор в современных англоязычных песнях показал большое разнообразие сфер-источников метафорической экспансии, задействованных для осмысления концепта LOVE. Среди них наиболее востребованы 9 сфер-источников, использованных в процессе структурной метафоризации изучаемого концепта: «WAY», «DESEASE», «RELIGION», «WAR», «ANIMATE NATURE», «INANIMATE NATURE», «ARTIFACTS», «ART», «HUMAN». Востребованность данных понятийных сфер основывается на регулярности метафорических аналогий, возникающих в сознании адресанта песенного дискурса.

*Ключевые слова:* англоязычные песни, концептуальная метафора, концепт LOVE, когнитивный анализ, метафорическое моделирование.

### **1. Введение**

В современной лингвистике отмечается повышенный интерес исследователей к анализу когнитивных метафор. Этот интерес во многом связан с разработкой теории концептуальной метафоры, утверждающей, что метафора является важнейшим инструментом осмысления мира. Согласно данной теории, метафора – это не только стилистическое средство украшения речи, но и неотъемлемый механизм человеческого мышления, способ концептуализации одной понятийной области в понятиях другой семантической области. Наша понятийная система метафорична по самой своей сути, поэтому метафоры в нашем мышлении находят отражение в языке.

В когнитивной лингвистике метафора рассматривается как основная ментальная операция, как способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира [Баранов, 2014; Чудинов, 2020; Lakoff, Johnson, 1980]. Человек не столько выражает свои мысли при помощи метафор, сколько мыслит метафорами, познает при помощи метафор тот мир, в котором он живет, а также стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразо-

вать существующую в сознании адресата картину мира. Соответственно метафоричность — это естественный способ мышления, а не просто прием украшения речи.

В лингвистических исследованиях широкое распространение получил анализ когнитивных метафор в экономическом [Бородулина, Макеева, Гливенкова, 2019; Мельничук, Осипова, 2015; Alejo, 2010; Domaradzki, 2016], педагогическом [Будаев, Чудинов, 2017; Гудзовская, 2017; Blau, Grinberg, Shamir-Inbal, 2018; Budaev, Chudinov, Trubina, 2015], рекламном [Ковальчук, 2019; Рябых, 2019; Фадеева, Корепанов, 2019], политическом [Будаев, 2020; Вахмянина, 2021; Зиновьев, 2019; Пологова, 2020; Ли, Солопова, 2021] дискурсах. На этом фоне недостаточно изученным остается вопрос об использовании когнитивных метафор в современном англоязычном песенном дискурсе, особенно если учитывать, что англоязычные песни направлены на огромную по численности аудиторию.

Концепт любви уже стал предметом исследования. Так, С. Г. Воркачев посвятил специальную монографию анализу данного концепта на примере русского языка [2007]. Метафоры, репрезентирующие данный концепт в венгерских народных песнях, изучены в книге Й. Коши [Koczy 2018]. А. Н. Владимирова рассмотрела метафорическую концептуализацию любви в произведениях английских поэтов XVIII века [2013], а О. В. Ланская проанализировала концепт ЛЮБОВЬ в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» [2008]. Лингвокультурологический анализ примеров вербализации рассматриваемого концепта в русском языке проведен в диссертациях Л. Э. Кузнецовой [2005] и Е. В. Лобковой [2005].

С одной стороны, исследователи подчеркивают, что концепт LOVE/ЛЮБОВЬ относится к универсальным концептам человечества. С другой стороны, обнаруживаются межкультурные различия в осмыслении данного феномена. Как показано в диссертации Е. Ю. Балашовой [2004], у носителей русского языка наблюдается стойкое преобладание эмоциональной характеристики концепта ЛЮБОВЬ, тогда как в ответах американских информантов обнаруживается доминирование рациональной характеристики. Носители английского языка ориентированы на примеры, заимствованные из собственного жизненного опыта, т. е. склонны обращаться к конкретным ситуациям, имевшим место в реальной жизни, в то время как русские стремятся представить абстрактный идеал отношений между людьми. Другими словами, американцы осмысливают данный концепт с прагматических позиций собственного «Я», тогда как концептуализация любви среди русскоговорящих в большей степени основывается на сравнении с неким идеалом, воплощение которого они хотели бы видеть в жизни.

Указанные исследования фокусируют преобладающее внимание на лексикографических источниках и художественной литературе, что служит дополнительным фактором актуальности изучения метафорического осмысления любви в песенном дискурсе. Также очевидна необходимость

продолжения лингвокультурологического анализа данных, полученных с помощью когнитивных методов исследования метафоры.

## **2. Материал и методика исследования**

Источником материала для исследования послужили англоязычные песни XXI в., содержащие употребления лексемы *love*. Из данного корпуса текстов методом сплошной выборки было отобрано 162 контекста, содержащих примеры метафорической репрезентации концепта LOVE.

Методология исследования основывается на теории концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон), которая далее развивалась в теории метафорического моделирования на основе когнитивно-дискурсивной парадигмы (А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, А. П. Чудинов).

## **3. Анализ сфер-источников метафорической репрезентации любви в англоязычных песнях**

Как показывает материал, в англоязычных песнях рассматриваемого периода востребованы 9 сфер-источников метафорической экспансии для концептуализации любви. Статистические данные, отражающие распределение метафор по данным сферам-источникам метафорической экспансии, представлены на рис. 1.

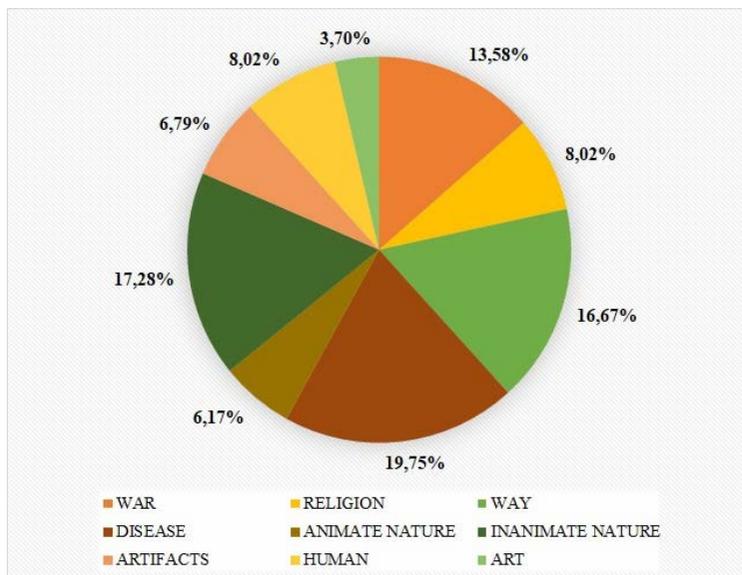


Рис. 1. Распределение метафор по сферам-источникам метафорической экспансии.

Рассмотрим фреймо-словотворческую структуру выявленных метафорических моделей.

### **3.1. Сфера-источник DISEASE**

Самой распространённой сферой-источником репрезентации концепта LOVE в англоязычных песнях является сфера DISEASE (болезнь).

Любовь может приносить не только радостные эмоции, но и причинять влюбленному боль и страдания, что находит отражение в многочисленных морбиальных метафорах. В основе таких метафор лежит сравнение данного концепта с организмом нездорового человека, который нужно лечить.

Фрейм «Болезнь».

В основе данного фрейма лежат концептуальные метафоры LOVE IS DISEASE, LOVE IS SICKNESS, LOVE IS ILLNESS. В реальной медицинской практике о серьезности заболевания судят по его симптомам, метафорическое использование симптомов болезней становится основой для подтверждения заболевания. Соответственно, метафорические единицы, относящиеся к данному фрейму, обладают ярко выраженной отрицательной оценочностью. Этот фрейм был разделен на несколько слотов:

- Слот «Диагноз и симптомы».

Любовь оказывает на душу человека влияние, которое схоже с эффектом, вызываемым болезнью в теле человека. Ср.:

*But now it's my disease* (Alicia Keys. Love Is)

*Love is a sickness & life of man* (Millionaire. Love Is A Sickness)

*I feel it all as it sickens me* (A Treyu. Love Is Illness)

*'Cause pain is love and love is pain* (Fergie. Love Is Pain)

- Слот «Физические заболевания».

Среди физических заболеваний наиболее востребованы образы слепоты и лихорадки. Ср.:

*Love is blindness* (Rock 'n' Rollers. Love is blindness)

*Love is color blind* (Sarah Connor. Love is color blind)

*My love is a fever* (Over the Rhine. My love is a fever)

- Слот «Психические болезни»

Влюбленный человек способен на нерациональные поступки, что служит основанием для метафорического осмысления состояния влюбленности в терминах психических болезней. Ср.:

*It feels like beautiful madness* (Michael Patrick Kelly. Beautiful madness)

*Cuz baby you got me so crazy* (Beyoncé. Crazy in love)

*Your love is possession* (The Melismatics. Your love is a poison)

*You are insane, my desire* (Thirty seconds to mars. Love is madness)

Фрейм «Причины заболеваний»

- Слот «Возбудители болезней».

Причиной многих болезней являются специфические возбудители (инфекции, паразиты, вирусы и т.п.). Это экстралингвистическое знание позволяет осмыслять любовь как такой возбудитель. Ср.:

*Love is a parasite* (Katie Melua. Love is a silent thief)

*Love is a virus* (Chris Turner. Love is a virus)

*Love is an infection* (Lzn02. Love is an infection)

•Слот «Вредные вещества».

Данный слот представлен концептами биологически активных веществ, способных нарушать физическое и психическое здоровье человека. В англоязычных песнях наиболее востребованы метафорические номинации *drug* (наркотик) и *poison* (яд). Авторы песен проводят аналогию между наркотиками и ядами, с одной стороны, и любовью, с другой стороны, потому что и любовь, и указанные вещества оказывают воздействие на физиологические процессы и психологическое состояние человека. Метафора *drug* также подчеркивает непреодолимую тягу к любимому человеку, сравнимую в тягой наркомана к наркотику. Ср.:

*Love is like a drug shot for me... ya I know...* (InS. Love is like a headshot)

*Your love is poison so no more I can't take it* (Young Boy Never Broke Again. Love Is Poison).

Как видно из примеров, данные метафоры привносят пейоративные оценки в концептуализацию любви. Как отравление, так и наркотическая зависимость традиционно несут в себе негативные смыслы.

Фрейм «Лечение».

Согласно фреймовому знанию, после постановки диагноза следует приступить к лечению заболевания.

•Слот «Лечение в целом»

В английских песнях регулярно используются общие номинации *remedy* (средство от болезни), *medicine* (лекарство), *cure* (лечение) для концептуализации противодействия «заболеванию». Как лекарство концептуализируется или сам любимый человек или любовь любимого человека. Ср.:

*Your love is my remedy* (Switchfoot. Your Love Is A Song)

*If you need love I'll be standing at your door*

*I'll be sick inside if baby you'd be my cure* (Taylor Swift. My cure).

При этом возлюбленный представляется как единственно возможное лекарство от любовного «недуга». Ср.:

*You are the only kind of medicine, that could've picked me up when I was down* (Roachford. Love Remedy)

*Just when I thought, I may never get by*

*You came and saved me, girl you're like a love remedy* (Roachford. Love Remedy)

•Слот «Способы лечения».

В некоторых контекстах востребованы номинации конкретных средств борьбы с болезнью. Ср.:

*Your love is the vaccine* (Govales. Your Love Is The Vaccine)

Таким образом, сфера – источник «DISEASE» представлена в рамках нашей выборки 3 фреймами. Любовь в сознании носителя английского языка может быть связана с болезнью, со страданиями, как душевными, так и физическими, и даже с сумасшествием. Рассматриваемый материал также свидетельствует о том, что в англоязычных текстах рассматриваемая метафорическая модель является детально структурированной и продуктивной.

### **3.2. Сфера-источник WAY**

Одной из самых распространённых сфер-источников репрезентации концепта LOVE в англоязычных песнях является сфера WAY (путь).

Многие англоязычные исполнители постоянно обращаются к данной семантической сфере, вкладывая в него философский и нравственный смысл. Любовь в данных песнях понимается как путь поиска второй половинки, путь влюблённых по дороге жизни и т.п.

Фрейм «Дорога».

Дорога является универсальной метафорой жизненного пути человека. В самом общем смысле дорога связывает различные пункты в пространстве, а в отношении любви, путь – это совместная дорога двух влюблённых. Это может быть только начало долгой дороги или же конечная точка. Рассмотрим составляющие фрейм слоты.

#### ●Слот «Типы пути»

Путь обычно имеет пункт назначения, но дорога, ведущая к конечной точке, бывает разной. Отношения одних людей походят на извилистую тропу, в то время как у других напоминают высокоскоростную магистраль. Ср.:

*Love is the way* (Key & Cleary. Love is the Way);

*But love is a long, long road* (Tom Petty. Love is a long road);

*Love is an endless road* (Matt Alexander. Love Is an Endless Road);

*Love is the highway* (Roger Clyne & The Peacemakers. Love Is the Road);

*Love is the runway* (Roger Clyne & The Peacemakers. Love Is the Road);

*Love is a winding road* (Jason Upton. Love Is a Winding Road);

*But love is a dead end road* (Tyler Braden. Love Is a Dead End Road).

#### ●Слот «Этапы пути»

Данный слот описывает разные стадии любви на примере этапов пути. Любовь (как и человек) может быть в пути (on it's way) или подойти к концу (to be gone). Ср.:

*Cause love is on it's way it's alright, you'll find* (Jonas Brothers. Love Is on It's Way)

*Don't tell me that your love is gone, that your love is gone* (Slander. Love Is Gone)

#### ●Слот «Движущийся объект»

Онтологические метафоры данного слота описывают любовь как движущийся объект, который может перемещаться между двумя людьми или выступать в качестве актора, способного вести влюблённых за собой. Ср.:

*Let love lead us, love is Christmas* (Sara Bareilles. Love Is Christmas)

*Love is the groove in which we move* (Cher. Love Is the Groove)

*Your love is moving*

*Moving among us* (Christy Nockels. Your Love Is Moving)

•Слот «Неподвижный объект»

Любовь может также концептуализироваться как неподвижный объект, который остается позади, если речь идет о прекращении чувств между людьми. Ср.:

*Are you leaving my love behind?* (Lewis Capaldi. Leaving My Love Behind)

Фрейм «Путешествие»

В классической монографии Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, Johnson, 1980] отмечено, что в английском языке любовь традиционно осмыслиется как путешествие. Как показывает материал настоящего исследования, эта концептуальная метафора далеко не единственная в англоязычном песенном дискурсе, однако в песенном дискурсе она столь же хорошо представлена, как и в обыденном языке. Ср.:

•Слот «Путь»

Основные лексемы данного слота *trip, journey*. Ср.:

*Love is a journey* (Sergio Mauri Feat. Mr. V. Love Is A Journey)

*Life is a journey but love, love, love, love is a trip* (Sarah Buxton. Love Is A Trip)

*Love is a journey*

*And I want to go, everywhere with you* (Robert Avellanet. Love Is a Journey)

•Слот «Транспорт»

Метафоры данного слота концептуализируют любовь как транспортное средство (rocket, train, plane, boat, car), в котором влюблённые могут добраться до пункта назначения. Также метафоры данного слота используются для привнесения смысла слишком большой скорости движения, которая может привести к катастрофе. Ср.:

*When you're with me I'm on track*

*We're riding on the crazy train* (Boyzone. Love Is A Hurricane)

*My love is like a rocket, watch it blast off*

*And I'm feeling so electric, dance my ass off* (Dua Lipa. Levitating)

*Love is a train we wait for it* (Katy Perry. Love Is A Train)

*If love was a plane, nobody'd get on.* (Brad Paisley. If Love Was A Plane)

*Love is the boat for the journey* (Ian Callanan. Love Is The Boat For The Journey)

*Love is a plane that flies away* (Double. Love Is a Plane)

*Your love is like a car crash*

*Babe, you're moving too fast* (Blue October. Your Love Is Like a Car Crash)

Таким образом, сфера-источник «WAY» представляется одной из наиболее продуктивных моделей, к которым обращаются авторы англоязычных песен, описывая любовь и воздействуя на эмоции и эстетические чувства слушателя. Несмотря на то что мы выделили всего 2 фрейма в данной метафорической модели, частотность метафор пути превышает частотность метафор из многих других сфер-источников.

### **3.3. Сфера-источник RELIGION**

Еще одной распространенной сферой-источником в англоязычных песнях является религия.

В мире существует множество религий, которые пытаются ответить на вопросы, интересующие человечество на протяжении всей его истории. Исполнители англоязычных песнях регулярно используют сферу-источник RELIGION в своих произведениях, чтобы описать любовь как неземное и возвышенное чувство или же выразить ненависть, пустоту, боль и душевные муки.

Фрейм «Религия в целом»

Религия в сознании людей предстает что-то священное и магическое. В религии человек ищет исцеления от грехов и страстей, высшей радости блаженства, а также успокоения. В англоязычных песнях можно часто встретить сравнение любви с концептами данного фрейма, ассоциирующих любовь с неземным чувством. Ср.:

*Love is mystical (Cold war kids. Love is mystical)*

*They say love is religion,*

*So say a prayer with me (Dua Lipa. Love is religion)*

*It's magic (Eddi Reader. It's Magic)*

Фрейм «Мир светлых и темных сил»

Человек верит в потусторонние силы с давних времен. Наряду с миром «светлых» сил, существует мир «темных» сил. Человек сам выбирает какую из двух сторон принять.

Слот «Божественное»

Метафоры данного слота представляют любовь с помощью концептов рая, бога, ангелов, храма. Ср.:

*Love is paradise (First Base. Love Is Paradise)*

*Love is an angel standing by your side (Sylver. Love Is An Angel)*

*Love is a temple (Mario Biondi. Love Is a Temple)*

*Love is a savior, Christ Jesus my King (Nathan Partain. Love Is a Gift)*

•Слот «Дьявольское»

Противоположные образы реализуются с помощью метафор слота «Дьявольское». Влюблённый человек испытывает от любви не только положительные эмоции, но отрицательные, ассоциируя их с адом, грехом и самим дьяволом. Ср.:

*Love is hell (Theory of a deadman. Love is hell)*

*Love is the devil like the crack in your heart* (Third Realm. Love Is The Devil)

*Love is hate in this world of sin* (Am. Love Is Hate)

*Ardent love is a sin* (Hatsune Miku. Love Is War)

### **3.4. Сфера-источник WAR**

Военные метафоры традиционно обладают негативным прагматическим потенциалом и не способствуют поиску компромисса, столь необходимых в сфере отношений между людьми. Вероятно, это объясняет невысокую востребованность подобных метафор в песенном дискурсе при концептуализации любви. Вместе с тем любовь – чувство противоречивое. Сравнивая любовь с войной, авторы англоязычных песен в своих текстах используют смыслы противостояния и противоборства двух людей, находящихся в отношениях.

Фрейм «Война»

Номинации войны приносят пейоративные ассоциативные признаки и служат преимущественно для негативной характеристики любви.

•Слот «Война и её разновидности»

Образы данного слота описывают любовь не только как войну (war), но и как катастрофу (catastrophe), революцию (revolution) или поле битвы (battlefield). Для исполнителей данных песен любовь ассоциируется с болью и страданиями. Ср.:

*Love is war* (Love Is War. Hatsune Miku)

*Love is a battlefield* (Pat Benatar. Love Is a Battlefield)

*Love is a revolution* (Switchfoot. Love Is the Movement)

*Love is a catastrophe* (Pet shop boys. Love is a catastrophe)

•Слот «Виды вооружений»

Для того чтобы выиграть в любой войне, требуется оружие. Англоязычные исполнители объясняют, что любовь в сознании людей интерпретируется как оружие, которое способно убить человека. В метафорической войне задействованы самые разнообразнейшие виды вооружения от устаревшего до современного. Ср.:

*Sometimes a cannon ball* (American Young. Love Is War)

*Love is our weapon of choice* (Remedy Drive. Love is Our Weapon)

*Love is a sharp knife* (Katie Melua. Love is a silent thief)

*Love is like a burning arrow, it can pierce the coldest heart* (Rod Stewart. Love Is)

*Love is like a headshot, my lover* (InS. Love is like a headshot)

•Слот «Участники военных действий»

В каждой войне есть участники военных действий и ими обычно являются солдаты. Ср.:

*Love is a soldier*

*Breaking your heart* (Jan Wayne. Love Is A Soldier)

### **3.5. Сфера-источник NATURE**

В многообразии метафорических моделей сфера-источник NATURE проявляет себя среди основных понятийных областей метафорической экспансии. Традиционно различают живую и неживую природу. Сравнивая любовь с природой, влюблённый человек описывает данное чувство как стихию, растение или животное.

### **3.5.1 Сфера источник ANIMATE NATURE**

Сфера – источник «ANIMATE NATURE» широко используются для сравнения всех аспектов влюблённости. Данная сфера представлена 2 фрейма: ANIMALS («Животные») и PLANTS («Растения»).

Фрейм «Животные».

Метафоры, сравнивающие любовь с животными, несут постоянные оценочные коннотации. Прагматическая функция метафор данного слота – приписать любви семантические признаки, ассоциативно связанные с концептами животных.

•Слот «Животные (млекопитающие)». Ср.:

*Love is a lion* (Citizen Way. Love Is a Lion)

*You know love is an animal* (Wes Carr. Love Is An Animal)

*Love is a big old lost dog* (Tinpan Orange. Love Is A Dog)

•Слот «Птицы».

Англоязычные исполнители различных музыкальных жанров сравнивают влюблённость со свободным полётом птиц, характеризуя ощущения лёгкости и окрылённости влюблённого человека. Вместе с тем в данном слоте нередки примеры, использования орнитологических метафор с целью привнесения негативных коннотаций. Ср.:

*Love flies like the crow* (Stephanie Lewis. Love Is the Only Way)

*Love is a bird* (Arctic Quest. Love Is A Bird)

*Love is a bird locked in a cage* (Variety Lab. Love Is A Bird)

*Sometimes love is a feather* (American Young. Love Is War)

Фрейм «Растения»

Метафора LOVE IS A PLANT высвечивает естественную перспективу концептуализации любви. Рассмотрим основные слоты этого фрейма.

•Слот «Цветы».

Данный слот характеризует любовь как уязвимое чувство, за которым нужен уход и забота. Чаще всего для сравнения используются образы цветка в целом (*flower*) и розы в частности (*rose*).

*My love is like a red, red rose* (Craig Duncan. Like a Red, Red Rose)

*My love is like a red rose* (David Poe. Love is Red)

*Love is a flower* (Laid Back. Love is a Flower)

•Слот «Трава»

Рассматриваемое чувство ассоциируют с символизирующим удачу четырёхлистным клевером, который сложно найти. Ср.:

*Love is like a four-leaf clover*

*Hard to find and hold onto* (Rod Stewart. Love Is)

### **3.5.2 Сфера источник INANIMATE NATURE**

Природа занимает важное место в системе знаний и представлений человека о мире эмоций и чувств. Природа – важнейший источник образов для концептуализации эмоциональной жизни человека. Рассмотрим фреймовую слотовую структуру этой модели.

Фрейм «Климат».

К данному фрейму относятся слоты «Погода» и «Времена года».

Слот «Погода»

Основу данного слота составляют метафоры, сравнивающие любовь с погодными явлениями. Ср.:

*Love is like the wind* (Juliana Hatfield. Love Is Like the Wind)

*Love is rain* (The Badlees. Love Is Rain)

*Darkness before the dawn* (Imagine Dragons. Love)

*Love is breezy* (Patricia. Love Is Breezy)

•Слот «Времена года»

В концептуальной картине мира времена года обладают конвенциональными признаками, востребованными для описания особенностей эмоциональных ощущений человека. Ср.:

*My love is winter* (The Smashing Pumpkins. My Love Is Winter)

*Love is cold when we act strange* (Georgi Kay. Love Is Cold)

*Love is like the first day of spring* (Shebby Smart. Love Is Like the First Day of Spring)

*Love is like summer* (Aline Maly. Love Is Like Summer)

Фрейм «Природные явления»

•Слот «Небесные светила».

К небесным светилам относят солнце, луну и звёзды. Исполнители англоязычных песен характеризуют любовь такими признаками как источник света и тепла, романтическая атмосфера, колористические характеристики и т. д. Ср.:

*My love's like a star, yeah* (Demi Lovato. My Love Is Like a Star)

*Love is the morning sun, shining so brightly* (Antartika feat. Barry Andrews. Love is the morning sun)

*Love is the moon and the stars and the sky* (Lydia Clark. Love Is the Moon, The Stars and the Sky)

*My love is red as sunset on the sea* (David Poe. Love is Red)

•Слот «Стихийные бедствия»

Метафоры, созданные на базе слота «Стихийные бедствия», представляют любовь в англоязычных песнях как непредсказуемое и разрушительное чувство. Ср.:

*But if love is fire, then I'll burn for you* (Freya Ridings. Love Is Fire)

*That love is an earthquake* (Shannon Curtis. Love Is an Earthquake)

*Love's like a flood, and it's pouring down* (Catty Noir. Love Is Like A Storm Tonight)

*Love is an avalanche* (The Autumn Film. Love Is an Avalanche)

*Just like a heatwave*

*Burning in my heart* (Phil Collins. Love Is Like a Heatwave)

Высокая продуктивность данного слота подчеркивает аналогии между интенсивностью концептуализируемого чувства и природных явлений. Ср.:

*It's the light that pierces through you* (Unspoken. Call It Grace)

*Love is like a hurricane* (Boyzone. Love Is A Hurricane)

*Love is tsunami* (Adult Noise. Love Is Tsunami)

*Love is thunder* (Weapons. Love Is Thunder)

*Love is like a storm tonight!* (Catty Noir. Love Is Like A Storm Tonight)

### **3.6. Сфера – источник ARTIFACTS**

Человек зачастую выстраивает концептуальную картину мира через создаваемые им вещи – артефакты. При помощи такой аналогии часто моделируется и любовь. Именно по аналогии с артефактами люди метафорически моделируют мир, представляя его как механизм, постройку, компьютер, инструмент или иные подобные предметы.

Фрейм «Дом»

Общеизвестно, что дом является одним из важнейших культурных концептов в системе человеческого опыта. «Любовь» в сравнении с домом представляется как своего рода убежище, где можно спрятаться от жизненных невзгод. Лексемы, связанные с домом, метафорически употребляются для привнесения смыслов уюта и теплых взаимоотношений между влюблёнными.

•Слот «Здание»

В англоязычных песенных текстах обычно метафорически используются лексемы *home, house, shelter*, формируя образ любви как дома или укрытия, где развиваются любовь и доверительные отношения. Ср.:

*Yes, I know your love, your love is my home* (Ryan Horne. Your Love Is My Home)

*Love is a place I have to hide away* (Cher. Love Is a Lonely Place without You)

*Cause love is home* (Quentin Sauvé. Love Is Home)

*Love is not a place*

*To come and go as we please*

*It's a house we enter in*

*Then commit to never leave* (Warren Barfield. Love Is Not A Fight)

*Love is a shelter in a raging storm* (Warren Barfield. Love Is Not A Fight)

•Слот «Ключ»

Среди компонентов рассматриваемого семантического поля зафиксированная повышенная частотность метафоры *key* (ключ). Данная метафора

актуализирует смысл отпирания замка, скрывающего гармонию отношений между людьми. Ср.:

*Love is the key (Charlatans. Love Is The Key)*

*Oh when they say love's the key (Girls Aloud. Love Is the Key)*

### **3.7. Сфера-источник ART**

Искусство окружает и вдохновляет человека, привнося гармонию в хаос жизненных событий. Подавляющее число метафор данной сферы отсылается к музыке (*symphony, melody, song, jazz, blues*). Ср.:

*Ooh, your love is a symphony*

*All around me, running to me*

*Ooh, your love is a melody*

*Underneath me, and into me (Switchfoot. Your love is a song)*

*But your love is my favourite song (The Vaccines. Your Love Is My Favourite Band)*

*My love is like a melody (Craig Herbertson. A Red Red Rose)*

*Your love is my favourite band (The Vaccines. Your Love Is My Favourite Band)*

При этом среди жанров музыки авторы отдают предпочтение метафорам джаза и блюза. Ср.:

*My love is jazz (Over the Rhine. My Love Is A Fever)*

*Love is these blues that I'm singing again, again (The Verve. Love Is Noise).*

### **3.8. Сфера-источник HUMAN**

Несмотря на то что антропоморфная метафора относится к базовым универсальным моделям осмысления мира, данная сфера-источник не очень востребована в англоязычном песенном дискурсе. Данная модель использует традиционные антропоморфные образы, которые были ассоциативно связаны с любовью еще до появления эстрады как феномена культуры.

Фрейм «Тело (организм) человека»

Данный фрейм характеризует любовь как организм человека и его физиологические процессы.

●Слот «Части тела»

Данный слот представлен единственным образом (*heart*), типичным при концептуализации любви. Этот образ восходит к наивной анатомии, согласно которой любовь помещается в сердце. Вместе с тем в песенном дискурсе востребованы не только стертые, но и свежие метафоры, актуализирующие потенциал исходного концепта. Ср.:

*Love is the heart of the universe (Di Leva. Love Is The Heart)*

●Слот «Физиологические процессы»

Метафорические употребления, соответствующие рассматриваемому слоту, описывают любовь посредством апелляции к понятиям физиологических процессов. Наиболее востребован образ сна, подчеркивающий иррациональный характер любви, а также ее преходящий характер. Ср.:

*Open my eyes it was only just a dream* (Johnny Clegg, Juluka, Spho Mchunu. Love Is Just A Dream).

#### **4. Заключение**

Анализ материала в англоязычных песнях показал разнообразие представленных метафорических моделей для осмысления и описания концепта LOVE. В процессе анализа метафорических единиц было обнаружено 9 основных сфер-источников, задействованных в процессе структурной метафоризации изучаемого концепта: «WAY» («Путь/дорога»), «DESEASE» («Болезнь»), «RELIGION» («Религия»), «WAR» («Война»), «ANIMATE NATURE» («Живая природа»), «INANIMATE NATURE» («Неживая природа»), «ARTIFACTS» («Артефакты»), «ART» («Искусство»), «HUMAN» («Человек»). Самыми распространенными сферами-источниками метафорической экспансии оказались «WAY» («Путь/дорога»), «DESEASE» («Болезнь»), «RELIGION» («Религия»), «INANIMATE NATURE» («Неживая природа») и «WAR» («Война»), что контрастирует с метафорической картиной концептуализации любви в обыденном языке.

К перспективам исследования относится сопоставительный анализ метафор, концептуализирующих любовь в песенном дискурсе на материале других языков.

#### **Список литературы**

Балашова, Е. Ю. Концепты любовь и ненависть в русском и американском языковых сознаниях : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Балашова Елена Юрьевна ; Саратовская государственная академия права. – Саратов, 2004. – 262 с. – Текст : непосредственный.

Баранов, А. Н. Дескрипторная теория метафоры / А. Н. Баранов. – Москва : Языки славянской культуры, 2014. – 632 с. – Текст : непосредственный.

Бородулина, Н. Ю. Метафорическая картина мира экономики / Н. Ю. Бородулина, М. Н. Макеева, О. А. Гливенкова. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2019. – № 3. – С. 14–25.

Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология / Э. В. Будаев. – Санкт-Петербург : Научное издание, 2020. – 472 с. – Текст : непосредственный.

Будаев, Э. В. Педагогическая метафорология / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2017. – № 4. – С. 60–65.

Вахмянина, Е. А. Метафоры из сферы-источника «Механизм» как способ концептуализации инцидента в Солсбери в СМИ России и Великобритании / Е. А. Вахмянина. – Текст : непосредственный // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. – 2021. – № 1. – С. 46–58.

Владимирова, А. Н. Метафорический концепт «Любовь» в произведениях английских поэтов XVIII века / А. Н. Владимирова. – Текст : непосредственный // Наука и школа. – 2013. – № 5. – С. 87–92.

Воркачев, С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – Москва : Гнозис, 2007. – 284 с. – Текст : непосредственный.

Гудзовская, А. А. Педагогическая метафора в образовательном процессе / А. А. Гудзовская. – Текст : непосредственный // Мир психологии. – 2017. – № 4. – С. 85–92.

Зиновьев, Н. В. Живые, мертвые и реанимированные метафоры в политическом дискурсе (на материале выступлений Д. Кэмерона и Б. Обамы) / Н. В. Зиновьев. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2019. – № 6. – С. 57–63.

Ковальчук, Л. П. Метафора в американской политической рекламе / Л. П. Ковальчук. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, № 5. – С. 284–288.

Кузнецова, Л. Э. Любовь как лингвокультурный эмоциональный концепт: ассоциативный и гендерный аспекты : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кузнецова Людмила Эдуардовна ; Кубанский государственный технологический университет. – Краснодар, 2005. – 206 с. – Текст : непосредственный.

Ланская, О. В. Концепт «любовь» в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» / О. В. Ланская. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 4 (17). – С. 74–77.

Ли, М. Китай как сфера-мишень метафорической экспансии в современном китайском политическом дискурсе / М. Ли, О. А. Солопова. – Текст : непосредственный // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. – 2021. – № 1. – С. 21–34.

Лобкова, Е. В. Образ-концепт «любовь» в русской языковой картине мира : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Лобкова Елена Владимировна ; Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского. – Омск, 2005. – 288 с. – Текст : непосредственный.

Мельничук, М. В. Метафора в англоязычном бизнес-дискурсе / М. В. Мельничук, В. М. Осипова. – Текст : непосредственный // Научный диалог. – 2015. – № 11 (47). – С. 31–41.

Пологова, К. В. Метафоры болезни как средство концептуализации движения Black lives matter в СМИ США (на примере материалов газеты The Seattle Times) / К. В. Пологова. – Текст : непосредственный // Studia Humanitatis. – 2020. – № 4. – С. 17–26.

Рябых, Е. Б. К вопросу о мультимодальной метафоре (на примере социальной рекламы) / Е. Б. Рябых. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2019. – № 38. – С. 162–169.

Фадеева, Г. М. Когнитивная ориентационная метафора «верх-низ» в рекламе вооруженных сил ФРГ / Г. М. Фадеева, Б. О. Корепанов. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2019. – № 38. – С. 580–586.

Чудинов, А. П. Когнитивно-дискурсивная парадигма в современной политической метафорологии. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 2 (41). – С. 142–145.

Alejo, R. Where does the money go? An analysis of the container metaphor in economics: The market and the economy / R. Alejo. – Текст : непосредственный // Journal of Pragmatics. – 2010. – Vol. 42 (4). – P. 1137–1150.

Blau, I. Pedagogical Perspectives and Practices Reflected in Metaphors of Learning and Digital Learning of ICT Leaders / I. Blau, R. Grinberg, T. Shamir-Inbal. – Текст : непосредственный // Interdisciplinary Journal of Practice, Theory, and Applied Research. – 2018. – Vol. 35(1). – P. 32–48.

Budaev, E. V. Conceptual Metaphor in Educational Discourse / E. V. Budaev, A. P. Chudinov, G. F. Trubina. – Текст : непосредственный // Biosciences Biotechnology Research Asia. – 2015. – Vol. 12 (1). – P. 561–567.

Domaradzki, M. Conceptualizing the economy as a living organism: vivification in Arab economic discourse / M. Domaradzki. – Текст : непосредственный // Text & Talk. – 2016. – Vol. 36(4). – P. 417–443.

Koczy, J. B. Nature, Metaphor, Culture. Cultural conceptualizations of Hungarian Folksongs / J. B. Koczy. – Singapore : Springer, 2018. – 232 p. – Текст : непосредственный.

Lakoff, G. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 1980. – 242 p. – Текст : непосредственный.

Получена: 16.04.2021

Принята: 19.05.2021

## **METAPHORICAL CONCEPTUALIZATION OF LOVE IN CONTEMPORARY ENGLISH LANGUAGE SONGS**

**Rakhmanova D. T.**

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)  
of the Russian State Vocational Pedagogical University  
Nizhny Tagil, Russia  
*dr17052000@mail.ru*

*Abstract.* The paper deals with the conceptual metaphors actualized in the modern English-language song discourse for comprehending the concept of LOVE. The research was carried out on the material of English-language songs, in order to identify the features of the metaphorical representation of the concept of LOVE. The methods of classification, metaphorical

modeling and linguoculturological description were used. The analysis of metaphors in modern English-language songs has shown a wide variety of source domains of metaphorical expansion, used to comprehend the concept of LOVE. According to the analysis, 9 source domains are in demand in English modern songs, used in the process of structural metaphorization of the studied concept: "WAY", "DESEASE", "RELIGION", "WAR", "ANIMATE NATURE", "INANIMATE NATURE", "ARTIFACTS", "ART", "HUMAN". The demand for these conceptual spheres is based on the regularity of metaphorical analogies that arise in the mind of the addressee of the song discourse.

*Key words:* English language songs, conceptual metaphor, concept LOVE, cognitive analysis, metaphorical modelling

## References

Alejo, R. (2010). Where does the money go? An analysis of the container metaphor in economics: The market and the economy. *Journal of Pragmatics*, 42 (4), 1137–1150.

Balashova, E. U. (2004). *Kontsepty ljubov` i nenavist` v russkom i amerikan-skom azykovykh soznaniyah* [Concepts of love and hate in Russian and American language consciousness]. [Candidate dissertation, Saratov State Law Academy].

Baranov, A. N. (2014) *Descriptornaya teoriya metafory* [Descriptor theory of metaphor]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul`tury.

Blau, I., Grinberg, R., & Shamir-Inbal, T. (2018). Pedagogical Perspectives and Practices Reflected in Metaphors of Learning and Digital Learning of ICT Leaders. *Interdisciplinary Journal of Practice, Theory, and Applied Research*, 35(1), 32–48.

Borodulina, N. U., Makeeva, O. A., & Glivenkova, O. A. (2019). Metaforicheskaya kartina mira [Metaphorical picture of the world of economics]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 3, 14–25.

Budaev, E. V. (2020). *Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya* [Comparative political metaphorology]. Saint-Petersburg: Naukoemkie tekhnologii.

Budaev, E. V., Chudinov, A. P., & G. F. Trubina. (2015). Conceptual Metaphor in Educational Discourse. *Biosciences Biotechnology Research Asia*, 12 (1), 561–567.

Budaev, E. V., Chudinov, A.P. (2017). Pedagogicheskaya metaforologiya [Pedagogical metaphorology]. *Filologicheskij klass*, 4, 60-65.

Chudinov, A. P. (2020). Kognitivno-diskursivnaya paradigma v sovremennoj politicheskoy metaforologii [Cognitive-discursive paradigm in modern political metaphorology]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2(41), 142–145.

Domaradzki, M. (2016). Conceptualizing the economy as a living organism: vivification in Arab economic discourse. *Text & Talk*, 36(4), 417–443.

Fadeev, G. M., Korepanov, B. O. (2019). Kognitivnaya orientatsionnaya metafora «verh – vniz» vooruzhennykh sil FRG [Cognitive orientation metaphor "up-down" in the Re-klam of the German Armed Forces]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 38, 580–586.

Gudzovskaya, A. A. (2017) Pedagogicheskaya metafora v obrazovatel'nom protsesse [Pedagogical metaphor in the educational process]. *Mir psihologii*, 4, 85-92.

Koczy, J. B. (2018). *Nature, Metaphor, Culture. Cultural conceptualizations of Hungarian Folksongs*. Singapore: Springer.

Kovalchuk, L. P. (2019). Metafora v amerikanskoj politicheskoj reclame [Metaphor in American political advertising]. *Philologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 12 (5), 282-288.

Kuznetsova, L. E. (2005). *Lubov' kak lingvokul'turnyj emotsional'nyj kontsept : assotsiativnyj i gendernyj aspekt*. [Love as a linguocultural emotional concept: associative and gender aspects]. [Candidate dissertation, Kuban State Technological University].

Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press.

Lanskaya, O. V. (2008). Kontsept «lubov'» v romane L. N. Tolstogo «Voina i mir» [The concept of "Love" in the novel "War and Peace" by Leo Tolstoy]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 4 (17), 74-77.

Li, M., Solopova, O. A. (2021) Kitay kak sfera – mishen' metaforicheskoy ekspansii v sovremennom kitaiskom politicheskom diskurse [China as a Target of Metaphorical Expansion in Modern Chinese Political Discourse]. *Uchenye zapiski NTGSPi*, 1, 21–34.

Lobkova, E. V. (2005). *Obraz – kontsept «lyubov'» v russkoy yazykovoy kartine mira* [The image-concept of "love" in the Russian language picture of the world]. [Candidate dissertation, Omsk State University].

Mel'nichuk, M. V., Osipova, V. M. (2015). Metafora v angloyazychnom biznese – diskurse [Metaphor in English-language business Discourse]. *Naychnyj dialog*, 11 (47), 31-41.

Pologova, K. V. (2020). Metafori bolezni kak sredstvo kontseptualizatsii dvizheniya Black lives matter v SMI SSHA [Metaphors of disease as a means of conceptualizing the Black lives matter movement in the US media (the case of The Seattle Times)]. *Studia Humanitatis*, 4, 17–26.

Ryabyh, K. V. (2019). K voprosu o mul'timodal'noj metafore (na primere sotsial'noj reklamy) [On the question of a multimodal metaphor (using the example of social advertising)]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 38, 162–169.

Vakhmyanina, E. A. (2021). Metafori iz sfery-istochnika «Mekhanizm» kak sposob kontseptualizatsii insidenta v Solsberi v SMI Rossii i Velikobritanii [Metaphors from the source domain «Mechanism» as tools for conceptualizing the incident in Salisbury in the Russian and Great Britain media]. *Uchenye zapiski NTGSPi*, 1, 46–58.

Vladimirova, A. N. (2013) Metaforicheskij kontsept «Lubov' v» proizvedeniyah anglijskih poetov XVIII veka. [The metaphorical concept of "Love" in the Works of English Poets of the XVIII century]. *Nauka i shkola*, 5, 87-92.

Vorkachev, S. G. (2007) *Lubov` kak lingvokul`turnyj kontsept* [Love as a linguocultural concept]. Moscow: Gnozis.

Zinov`ev, N. V. (2019). Zhivye, mertvye i reanimirovannye metafory v politicheskom diskurse (na materiale vystupenij D. Cameron i B. Obama) [Living, dead and reanimated metaphors in Political discourse (based on the speeches of David Cameron and Barack Obama)]. *Politicheskaya lingvistika*, 6, 57-63.

Submitted: 16.04.2021

Accepted: 19.05.2021

УДК 81.42

## **ТЕАТРАЛЬНАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА В ДИСКУРСЕ М. В. ЗАХАРОВОЙ И ДЖ. ПСАКИ**

**В. В. Тихонов**

Уральский федеральный университет имени первого  
Президента России Б. Н. Ельцина  
Екатеринбург, Россия  
*vitalik212@hotmail.com*

*Аннотация:* В статье рассматриваются театральные метафоры, используемые официальными представителями МИД Российской Федерации М. В. Захаровой и госдепартамента США Дж. Псаки. Цель статьи — провести когнитивный анализ театральные метафор, задействованных в идиолектах представителей внешнеполитических ведомств при концептуализации военного конфликта в Сирии, чтобы определить уровень востребованности данной сферы-источника в американском и российском политическом дискурсе, а также выявить прагматический потенциал театральной метафорической модели. Материалом для исследования послужили стенограммы брифингов, проводимые обоими представителями, интервью различным изданиям, посты из их личных твиттер-аккаунтов. Теоретико-методологической основой исследования послужила теория концептуальной метафоры, получившая развитие в теории метафорического моделирования и сопоставительной политической метафорологии. Анализ показал, что театральные метафоры играют значимую роль в концептуализации сирийского конфликта в дискурсе М. В. Захаровой, в то время как для идиолекта Джен Псаки театральные образы не характерны.

*Ключевые слова:* концептуальная метафора, театральная метафора, когнитивная лингвистика, метафорическое моделирование.

### **1. Введение**

Исследование метафор в идиолектах политических деятелей относится к актуальным направлениям современной лингвистической персонологии [Боева-Омелечко, Костенко, Володько, 2016; Гаврилова, 2012; Кондратьева, 2010; Кошкарлова, 2011; Руженцева, 2015; Чудинов, Нахимова, Никифорова, 2018]. В этом направлении отдельный интерес вызывает сопоставительный аспект политической метафорологии, позволяющий выявить общее и специфичное в метафоризации действительности в различных политических дискурсах. В сопоставительной метафорологии выделяется четыре аспекта дискурсивного сопоставления, в том числе идиолектный критерий, который связан с сопоставлением метафорики, актуализированной отдельными политиками, а также другими личностями – субъектами дискурсивной деятельности [Будаев, 2020]. В рамках сопоставительных идиолектных исследований лингвисты изучают то, как метафоры в речи политика побуждают к принятию определенных политических решений. Так, широко известно

исследование дискурса Сильвио Берлускони [Semino, Masci, 1996], показавшее, что для идиостиля премьер-министра Италии характерны метафоры из сфер-источников ФУТБОЛ, ВОЙНА, БИБЛИЯ, что неудивительно, если учесть, что С. Берлускони возглавляет католическую страну, является футбольным магнатом и отличается характерным южным темпераментом.

Значимое место в осмыслении мира политиками занимает театральная метафора. Среди первоисточников данной метафорической модели – известная фраза У. Шекспира «The whole world is a stage, and all the men and women merely actors» («Весь мир — театр, а люди в нем актеры»). Подобный способ концептуализации призван объяснить особенности поведения человека в мире неискренности и лицемерия и подчеркнуть контраст между придуманным и реальным.

Театральные метафоры широко распространены в самых различных коммуникативных сферах, в том числе и в политическом дискурсе [Пологова, 2021; Сегал, Щурик, 2019; Солопова, 2006; Таратынова, 2010; Чудинов, 2003]. По мнению К. С. Гаджиева, тенденция к стиранию границы между программой новостей и развлекательным шоу привела к популяризации политики, к распространению так называемой «символической политики» или «политики театра», которая основана «на образах или «имиджах» политических деятелей, специально сконструированных на потребу господствующим умонастроениям и вкусам» [Гаджиев, 1994, с. 389].

Театральная метафорическая модель располагает достаточным набором возможностей передачи разных аспектов политической жизни, «постоянного переворачивания, перемешивания плохого и хорошего, высокого и низкого, смешного и печального» [Плуцер-Сарно, 1999, с. 69]. Прагматический потенциал указанной метафорической модели определяется ярким концептуальным вектором неискренности, искусственности, ненатуральности, имитации реальности [Чудинов, 2003, с. 114]. Однако в тот же самый момент театральная метафора может передавать не только лживость и несерьезность, но также благородство и величие прошлого, настоящего и будущего мира политики, где чувство «обманутости» сменяется уважением к профессионализму «актеров», которые воплощают этот обман в жизнь [Czarniawska-Joerges, Jacobsson, 1995]. Театральная метафора выделяет в мире политики актёрский состав (звезд и массовку), зрителей, сценарий, само театральное действие, что помогает не только понять сложные политические процессы в современном мире, но и «отбирая из всего многообразия определенные символы и символические действия политических деятелей», срывает с них маски, разоблачая «инсценировки мнимого политического мира» [Manning, 1996, с. 262].

## **2. Материал и методика исследования**

Объектом данного исследования являются метафорические модели со сферой-источником «Театр», используемые М. В. Захаровой и Джен Псаки

для характеристики военного конфликта в Сирии в публичных выступлениях. Всего было проанализировано 183 текста. Источником материала для исследования послужили стенограммы брифингов, проводимых с 2014 по 2015 гг., а также публикации брифингов и их фрагментов в СМИ. Цель работы — определить актуальность использования театральной метафоры в американском и российском политическом дискурсе пресс-секретарей внешнеполитических ведомств.

Теоретико-методологической основой исследования послужила теория концептуальной метафоры, разработанная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Lakoff, Johnson, 1980], получившая развитие в теории метафорического моделирования [Чудинов, 2003] и сопоставительной политической метафорологии [Будаев, 2011].

### **3. Метафорическая модель СИРИЙСКИЙ КОНФЛИКТ — это ТЕАТР**

Анализ метафорической модели «СИРИЙСКИЙ КОНФЛИКТ — это ТЕАТР» позволил выделить следующие фреймы: «Вид зрелища и жанр представления», «Участники представления и их игра», «Театральные здания и театральный реквизит».

#### **Фрейм «Вид зрелища и жанр представления»**

Сравнение сирийского конфликта с зрелищными представлениями активно применяется в обоих массмедийных дискурсах. Метафорика данного фрейма изображает политический процесс как срежиссированное шоу, к которому не нужно относиться серьезно. При этом в СМИ США рисуется картина, что шоу поставлено В. В. Путиным, в то время как в СМИ РФ подчеркивается, что зрелищное представление устроено США и их союзниками. Ср.:

*The EU and NATO must have their own agenda with Russia, not be part of the Kremlin's puppet show (M. Weiss. The Daily Beast. 18.03.2016);*

*Я приведу элементарный пример. Установилось некое перемирие, мы перед этим жестко отработали по ИГИЛ. Что происходит дальше? А дальше нам показывают цирк: якобы ИГИЛ вступил в бой с "неумеренной оппозицией", что является тем же, что ИГИЛ, и ИГИЛу "удалось отбить огромное количество оружия и боеприпасов" (А. Жилин. Накануне. 15.03.2016);*

*На этом фоне сформированная американцами якобы для борьбы с террористами коалиция из 63 государств, являла жалкое зрелище (Звезда. 04.03.2016).*

Исключением не стали устные и письменные тексты официального представителя МИД России М. В. Захаровой и директора по коммуникациям Белого дома, официального представителя Государственного департамента США Дж. Псаки.

Метафоры рассматриваемого фрейма достаточно характерны для идиолекта М. В. Захаровой. Так, метафора *спектакль* позволяет пресс-секретарю МИД РФ приносить пейоративные коннотации в оценку происходящих событий и подчеркнуть, что российский МИД не воспринимает данные события всерьез, а планируемый «режиссерами» обман не состоялся. Ср.:

*В контексте политического урегулирования сирийского кризиса не прошел незамеченным и, опять же, давайте называть вещи своими именами, такой спектакль с мнимой отставкой 29 мая главного переговорщика так называемого Высшего комитета по переговорам (ВКП) сирийской оппозиции (М. Захарова. РИА. 02.06.2016).*

В данном примере смысл неискренности усиливается употреблением определения *мнимые*. Мнимый – не существующий в действительности, кажущийся, воображаемый. Это определение подчеркивает притворный, ложный характер описываемых политических событий.

Еще одна номинация зрелищных представлений, востребованная в идиолекте М. В. Захаровой – *блокбастер*. Данный образ активизирует смысл неуместности использования броских названий, похожих на названия коммерческих фильмов, для номинации политических конференций. Ср.:

*Обратили внимание на организованную в Европарламенте конференцию с удивительным названием «Тролли 21 века: Кремль внутри западных СМИ». Казалось бы, в Европарламенте работают серьезные люди. Название конференции создает впечатление, что на экраны вышел какой-то новый голливудский блокбастер. Заявленная цель форума – противодействие российскому информационному влиянию ([https://www.mid.ru/brifingi/-/asset\\_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/1989404](https://www.mid.ru/brifingi/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/1989404)).*

Единственным концептом данного фрейма, который не выражает смысла неискренности, является ТРИЛЛЕР. Основанием для метафоризации в данном случае служит впечатление ужаса, которое производит террористический акт на улицах Ниццы. Ср.:

*Массовое убийство в Ницце — триллер, ставший реальностью. Соболезнования близким погибших, слова поддержки пострадавшим и особенно тем, кто сейчас находится на грани жизни и смерти - по данным последних часов, 18 человек в критическом состоянии (ТАСС. 15.07.2016).*

Проведенный анализ текстов представителя Госдепартамента США Джен Псаки показал низкую частотность использования метафор фрейма. В 92 проанализированных текстах было обнаружено только две метафорические единицы, относящиеся к данному фрейму: *sing* — *to make musical sounds with the voice, usually a tune with words*; *puppet* — *a toy in the shape of a person or animal that you can move with strings or by putting your hand inside; a puppet is also a person or group whose actions are controlled by someone else*.

Рассмотрим подробно первый пример, зафиксированный в интервью Джен Псаки телеканалу CNN: «*What is America signing on for in Syria?*». На

первый взгляд, метафорическая модель довольно простая, однако, в словарях можно обнаружить интересный факт, что позволяет этой метафоре заиграть новыми красками. Данная единица уникальна тем, что она является модификацией следующей идиомы «*sing for your supper*», что означает делать что-то, чтобы получить что-то в замен, особенно еду, т.е. со слов официального представителя госдепартамента, США действуют в Сирии не из-за гуманитарных и альтруистических соображений, а с целью получения какой-либо геополитической выгоды для себя.

Второй пример связан в концептом PUPPET. Лексема *puppet* имеет несколько толкований. Первое — марионетка (в первичном значении), второе — человек, организация, государство, слепо действующие по воле других, являющиеся послушным орудием в чужих руках (вторичное значение). Это говорит о том, что данная метафора является генетической. Соответственно, метафорический перенос осуществляется из сферы-источника «Театр» в сферу-мишень «Политика». Ср.:

*For anyone who hasn't been the target of Russian propaganda the purpose is to discredit powerful messengers and to spread misinformation to confuse the public. Anyone who repeats it is (unwitting or not) simply a puppet of the propaganda machine.*

Что касается прагматического потенциала данной метафоры, то ее основная цель — предостеречь обывателя от навязываемой российской пропаганды, вызвать ощущение того, что солидарность с российской точкой зрения связана с неспособностью противостоять манипуляционным стратегиям российских СМИ.

#### **Фрейм «Участники представления и их игра»**

Наделение области политики элементами шоу не могло не затронуть и участников политических процессов. Значение роли той или иной политической фигуры является одним из важных критериев, на основе которого осуществляется метафорическая экспансия. Согласно логике развертывания метафоры в политике есть главный герой, на которого обращены взгляды зрителей, а также главный антагонист, пытающийся разными способами помешать первому.

В речи официального представителя МИД России М. В. Захаровой преобладают метафорические единицы, базирующиеся на переносе номинаций, связанных с участниками зрелищных представлений, на политических акторов. Ср:

*Сейчас Германия и Франция, забыв о своём внешнеполитическом суверенитете, идут не курсом здравого смысла, а авантюрной дорогой «старшего брата». Но были и другие времена, когда именно принципиальность Москвы, которая не поддавалась на шантаж пробирками, помогла Парижу и Берлину продемонстрировать дальновидность. Но тогда у Европы была своя **соляная партия**. Сейчас ей отведена роль бэквокала.*

Номинация *партия* означает часть многоголосного музыкального произведения, исполняемая одним певцом, одним инструментом или группой однородных голосов и инструментов. *Бэквокал* — певцы, подпевающие солисту (обычно находятся позади солиста или на расстоянии от него). Вышеприведённые метафорические единицы описывают процесс потери влияния европейскими лидерами на политической сцене: от сольной партии во время второй войны в Ираке до бэквокала в Сирийском конфликте.

Помимо номинации участников представления выделяются метафоры, относящиеся к слоту «Игра на сцене». К данному слоту относится номинация *перепевать* (т.е. спеть песню заново). Ср.:

*В последние недели мы регулярно также слышим заявления, которые в основном являются «перепеванием» тех мотивов, о которых говорят руководители турецкого государства. Это все подхватывается и пересказывается исполнителями на разных уровнях в той или иной трактовке.*

Данный образ используется для негативной оценки фактов повтора коммуникантами чужих мнений, описываемых как *мотив*. Мотив — напев, мелодия, повторяющаяся в произведении. Прагматика метафорического переноса основана на том факте, что информация, транслируемая зарубежными журналистами, не передает всю многогранность сирийской проблемы.

Следующая единица метафорического переноса – глагол *подыгрывать*. Ср.:

*Я хочу всем напомнить, что наличие в Сирии террористов долгое время в принципе отрицалось Вашингтоном. По мнению американских коллег, там не было террористов. Мир узнал об Исламском государстве Ирака и Леванта и других экстремистских течениях в Сирии от российских представителей. Теперь американские эксперты во всю оперируют этими названиями и ещё обвиняют Россию в подыгрывании террористам.*

Данная лексема имеет два значения: 1. Негромко сыграть, аккомпанируя кому-л. 2. Своей игрой помочь игре другого, облегчить игру другого (на сцене, в спорте, в картах и т.п.). [БТС — 2014]. Из толкования видно, что глагол *подыгрывать* имеет широкую область применения и может относиться как к театральной, так и спортивной метафоре. Вместе с тем по прагматическому смыслу оба толкования схожи.

В противовес предыдущим метафорическим контекстам, в которых европейские страны выступают в качестве «бэк-вокалистов», США описывается как «певец-запевала». Ср.:

*Все американские и канадские телеканалы вышли с сюжетами на эту тему. «Запевка» этих сюжетов была в бегущей строке или в наложенном на экран тексте: «Каковы истинные цели России в регионе?», «Каковы цели России в Сирии?», «Правда ли Россия борется с «ИГ»?». ([https://www.mid.ru/briefingi/-/asset\\_publisher/MCZ7HQumdqBY/content/id/1830197](https://www.mid.ru/briefingi/-/asset_publisher/MCZ7HQumdqBY/content/id/1830197))*

Запев — начало песни, пения [БТС — 2014]. Таким образом, США формирует дальнейшей характер «исполнения», а «хору» союзников остаётся только следовать заданному мотиву.

В речи американского представителя госдепартамента США Джен Псаки удалось обнаружить значительное количество метафор данного фрейма (15 единиц), представленных лексемами *actor, role, act*.

Семантический компонент существительного *role* и глагола *act* относится больше к периферии, т.к. его первоначальное значение несколько шире театральной семантики, а производные значения характеризуются стертой образностью. В семантике первой единицы, существительного *actor*, театральный компонент является базовым. Actor — a person who plays the part of a character in a movie or play; role — 1. the duty or use that someone or something usually has or is expected to have|| 2. the person whom an actor represents in a movie or play; act — 1. to do something for a particular purpose or in a particular way|| 2. to perform in a movie, play, or television show [Oxford Dictionary]. Однако в Оксфордском словаре приводится ещё одно толкование — a participant in a action or process. Что может относить его также к периферии семантического поля, как и первые две единицы. Рассмотрим следующий пример:

*Well, we continue to take all allegations of chemical weapons use by ISIL and other actors, including these recent allegations regarding the use of chlorine as a chemical weapon very seriously (<https://www.c-span.org/video/?324865-1/state-department-briefing>).*

Анализ контекстуального окружения единицы показывает, что данная метафора является стертой и относится больше к области деятельности в целом, чем к театру.

Вместе с тем большинство подобных метафор сохраняют образность. Ср.:

*We also continue to have discussions with a range of countries about the role that they can play. We'll let them speak to what role they're going to play (<https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2015/03/238679.html>).*

*"His view is that if these reports are true that would certainly raise great concerns about the role that Russia is playing in continuing to enable the Assad regime of brutalizing the Syrian people," said Psaki (<https://www.reuters.com/article/us-syria-russia-arms-idUSBREA0G0MN20140117>)*

*In the case of ISIL, as we've talked about quite a bit in here, the Assad regime, their role and their horrific acts that they have done against their people have certainly, in our view, made them a magnet for terrorism. These – and they've allowed many of these terrorist networks to grow and prosper in their homes (<https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2015/01/237011.htm>).*

Участники сирийского конфликта, сравниваются с актёрами, играющие определённый роли. Например, ИГИЛ играет роль злодея, подтверждением этому тезису является использование такого эпитета как *horrific acts*.

Россия же играет очень специфическую роль, не являясь ни антагонистом, ни протагонистом. С одной стороны, Россия борется с ИГИЛ, с другой — поддерживает сирийский режим, который однозначно оценивается Дж. Псаки негативно.

### **Фрейм «Театральные здания и театральные реквизиты»**

Любое театральное представление не обходится без реквизита, который нужен для создания необходимого фона или атмосферы и дополнения к сценическому образу актера. Многие политические игроки используют его, чтобы скрыть свои подлинные мотивы участия в сирийском конфликте.

Например, в речи М. В. Захаровой встречаются следующие лексемы: *площадка* (сцена для театральных постановок), *сцена* (специальная площадка, на которой даются представления). Пример *площадка* является стертой метафорой, однако использование кавычек может свидетельствовать о попытке «оживления» образности. Ср.:

*Мы поделились нашими наработками с коллегами. Мы слушаем их мнения и точки зрения по этому процессу и планируем, объединив, рассмотрим и проанализировав их, проработать на венской «площадке». Пока идет рабочий процесс. Думаю, что публично о нем стоит говорить по завершении Венской встречи.*

Использование данной метафоры направлено на подчёркивание элементов зрелищности, о чем свидетельствуют контекст.

Другой пример – *сцена* – приобретает негативное коннотативное значение, активируя смысл неуместности использования театральных приемов в серьёзной политической деятельности. Ср.:

*Это наша принципиальная позиция, от которой мы не отходим. Это требует серьезного и конструктивного отношения со стороны всех участников этого процесса, а попытки **превращать** **женевскую площадку в сцену** для какого-то дешевого пиара либо самопиара рассматриваем как неуважение к международному сообществу (М. Захарова / ТАСС. 02.06.2016).*

Что касается артефактов, используемых в кинематографе, следует выделить такой концепт как ПЛЕНКА — прозрачная эластичная лента из специального материала с нанесённой на неё фотографической эмульсией для запечатления предметов внешнего мира. Ср.:

*Если бы эту «пленку отмотать назад» и спросить вас всех, в том числе СМИ, каким сценарием вы хотели бы воспользоваться, каким путем вы бы пошли – устранить лидера, который отнюдь не являлся ангелом, или сохранить страну и народ, не допустить превращения государства в «черную террористическую дыру», – я больше чем уверена, что каждый из вас проголосовал бы за второй сценарий. Мы об этом говорим, призываем сейчас разобраться с «ИГ», параллельно запустив политический процесс (Известия. 06.10.2015).*

Таким образом, оценка событий сирийского конфликта реализуется через ретроспективный анализ, реализуемый с помощью метафоры киноплёнки.

#### **4. Заключение**

Анализ театральных метафор показал, что они регулярно востребованы в идиолекте М. В. Захаровой, обладают значимым прагматическим потенциалом и играют значимую роль в концептуализации сирийского конфликта. Метафоры, обнаруженные в речи официального представителя госдепартамента США Джен Псаки, показывают, что театральные образы не играют существенной роли в ее метафорике при репрезентации событий в Сирии, если не считать слота «Игра актеров», наполненного стёртыми метафорами.

В прагматическом аспекте большинство театральных метафор направлены на изображение сирийского конфликта как масштабного геополитического спектакля, устроенного скрытыми режиссерами, которые желают с помощью театральной бутафории и зрелищных номеров скрыть свои истинные цели и мотивы.

#### **Список литературы**

Боева-Омелечко, Н. Б. Контрастная репрезентация политических конфликтов в американском и российском президентских дискурсах / Н. Б. Боева-Омелечко, Т. Ф. Костенко, В. Г. Володько. – Текст : непосредственный // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2016. – № 3. – С. 61–68.

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2014. – 1534 с. – Текст : непосредственный.

Будаев, Э. В. Политическая метафорология: ракурсы сопоставительного анализа / Э. В. Будаев. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2010. – № 1 (31). – С. 9–23.

Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология / Э. В. Будаев. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2011. – 360 с. – Текст : непосредственный

Гаврилова, М. В. Некоторые черты речевого портрета первого президента России Б. Ельцина / М. В. Гаврилова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2012. – № 4. – С. 17–22.

Гаджиев, К. С. Политическая наука / К. С. Гаджиев. – Москва : Международные отношения, 1994. – 400 с. – Текст : непосредственный.

Кондратьева, О. Н. Метафорическая репрезентация политической жизни Украины в идиостиле Юлии Тимошенко / О. Н. Кондратьева. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2010. – № 4. – С. 101–111.

Кошкарлова, Н. Н. Пресс-конференция президента России (18 мая 2011 г.): стилистика и риторика текста / Н. Н. Кошкарлова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2011. – № 3 (37). – С. 87–92.

Никитина, А. Ю. Вербально-семантический уровень языковой личности Екатерины II (на материале «Собственноручных записок императрицы Екатерины II») / А. Ю. Никитина. – Текст : непосредственный // Вестник Чувашского государственного университета. – 2013. – № 4. – С. 248–252.

Плущер-Сарно, А. А. Государственная Дума как фольклорный персонаж: Пародия, плач, исповедь и пасквиль – жанры русской политики / А. А. Плущер-Сарно. – Текст : непосредственный // Логос. – 1999. – № 9. – С. 65–79.

Пологова, К. В. Театральная метафора в политическом нарративе «Движение Black Lives Matter» / К. В. Пологова. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы языкознания. – 2021. – Т. 1. – № 10. – С. 129–137.

Руженцева, Н. Б. Имиджевое интервью-перформанс В. Жириновского: смена масок, эпатаж, технология примитива / Н. Б. Руженцева // Политическая лингвистика. – 2015. – № 3. – С. 50–56.

Сегал, Н. А. Театральная метафора как способ отражения современных политических реалий (на материале медиатекстов) / Н. А. Сегал, О. П. Щурик. – Текст : непосредственный // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2019. – № 1. – С. 119–130.

Солопова, О. А. Театральная метафора в политическом дискурсе Великобритании / О. А. Солопова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2006. – № 18. – С. 107–114.

Таратынова, Т. В. Театральная метафора в дискурсе выборов президента России-2008 / Т. В. Таратынова. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 21 (202). – С. 124–129.

Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2003. – 248 с. – Текст : непосредственный.

Чудинов, А. П. Российская лингвополитическая персонология: исследование дискурса политических лидеров / А. П. Чудинов, Е. А. Нахимова, М. В. Никифорова. – Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2018. – Т. 9 (1). – С. 14–31.

Czarniawska-Joerges, V. Political organizations and commedia dell'arte / V. Czarniawska-Joerges, V. Jacobsson. – Текст : непосредственный // Organization Studies. – 1995. – Vol. 16(3). – P. 375–393.

Lakoff G. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : The University of Chicago Press, 1980. – 276 p. – Текст : непосредственный

Manning, P. K. Dramaturgy, politics, and the axial media event / P. K. Manning // Sociological Quarterly. – 1996. – Vol. 37 (2). – P. 261–279.

Semino, E. Politics is football: metaphor in the discourse of Silvio Berlusconi in Italy / E. Semino, M. Masci. – Текст : непосредственный // *Discourse and Society*. – 1996. – Vol. 7(2). – P. 243–269.

Статья получена: 08.04.2021

Статья принята: 12.06.2021

## **THEATRICAL METAPHOR AS A MEANS OF CONCEPTUALIZING THE SYRIAN CONFLICT IN DISCOURSE OF M. V. ZAKHAROVA AND J. PSAKI**

**V. V. Tikhonov**

The Ural Federal University  
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin  
Yekaterinburg, Russia  
*vitalik212@hotmail.com*

*Abstract.* The article deals with theatrical metaphors used by the official representatives of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation M. V. Zakharova and the US Department of State J. Psaki. The goal of the article is to conduct a cognitive analysis of theatrical metaphors used in the idiolects of representatives of foreign affairs agencies in the conceptualization of the military conflict in Syria in order to determine the level of demand for this source domain in the American and Russian political discourse, as well as to identify the pragmatic potential of the theatrical metaphorical model. The material for the research was transcripts of briefings conducted by both representatives, interviews, posts from their personal twitter accounts. The theoretical and methodological basis of the study is the theory of conceptual metaphor, which was developed in the theory of metaphorical modeling and comparative political metaphorology. The analysis showed that theatrical metaphors play a significant role in the conceptualization of the Syrian conflict in the discourse of M.V. Zakharova, while theatrical images are not typical for Jen Psaki's idiolect.

*Key words:* conceptual metaphor, theatrical metaphor, cognitive linguistics, metaphorical modeling.

### **References**

Boeva-Omelechko, N. B., Kostenko, T. F., Volod'ko V. G. (2016). Kontrastnaya reprezentatsiya politicheskikh konfliktov v amerikanskom i rossiyskom prezidentskikh diskursakh [The contrast of representation of political conflicts in American and Russian presidential discourses]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*, 3, 61–68.

Budaev, E. V. (2010). Politicheskaya metaforologiya: rakursy sopostavitel'nogo analiza [Political metaphorology: focuses of contrastive analysis]. *Politicheskaya lingvistika*, 1 (31), 9–23.

Budaev, E. V. (2011). *Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya* [Comparative political metaphorology]. Nizhniy Tagil: NTGSPA.

Chudinov, A. P. (2003). *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii* [Metaphorical mosaic in modern political communication]. Ekaterinburg : UrGPU.

Chudinov, A. P., Nakhimova, E. A., & Nikiforova, M. V. (2018). Rossijskaya lingvopoliticheskaya personologiya: issledovanie diskursa politicheskikh liderov [Russian linguo-political personology: a study of the discourse of political leaders]. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, 9 (1), 14–31.

Czarniawska-Joerges, B., Jacobsson, B. (1995). Political organizations and commedia dell'arte. *Organization Studies*, 9(1), 375–393.

Gadzhiev, K. S. (1994). *Politicheskaya nauka* [Political science]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

Gavrilova, M. V. (2012). Nekotorye cherty rechevogo portreta pervogo prezidenta Rossii B. El'tsina [Some features of a rhetoric portrait of the first Russian president B. N. Yeltsin]. *Politicheskaya lingvistika*, 4, 17–22.

Kondrat'eva, O. N. (2010). Metaforicheskaya reprezentatsiya politicheskoy zhizni Ukrainy v idiosstile Yulii Timoshenko [Metaphorical representation of political life in the Ukraine in Yulia Tymoshenko idiostyle]. *Politicheskaya lingvistika*, 4, 101–111.

Koshkarova, N. N. (2011). Press-konferentsiya prezidenta Rossii (18 maya 2011 g.): stilistika i ritorika teksta [Press conference of Russia's president (May, 18 2011): text-oriented stylistics and rhetoric]. *Politicheskaya lingvistika*, 3(37), 87–92.

Kuznetsov, S. A. (Ed.). (2014). *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Unabridged explanatory dictionary of the Russian language]. Sankt-Peterburg: Norint.

Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live by*. Chicago: The University of Chicago Press.

Manning, P. K. (1996). Dramaturgy, politics, and the axial media event. *Sociological Quarterly*, 37 (2), 261–279.

Nikitina, A. Yu. (2013). Verbal'no-semanticheskij uroven' yazykovoy lichnosti Ekateriny II (na materiale «Sobstvennoruchnykh zapisok imperatritsy Ekateriny II») [Verbal-semantic level of linguistic personality of Catherine II (on "The handwritten notes of Empress Catherine II" material)]. *Bulletin of the Chuvash University*, 4, 248–252.

Plutser-Sarno, A. A. (1999). Gosudarstvennaya Duma kak fol'klorny personazh: Parodiya, plach, ispoved' i paskvil' – zhanry rusскоj politiki [State Duma as a folklore character: Parody, lamentation, confession and libel – genres of Russian politics]. *Logos*, 9, 65–79.

Pologova, K. V. (2021). Teatral'naya metafora v politicheskom narrative «Dvizhenie Black Lives Matter» [Theatrical metaphor in "Black lives matter

movement" political narrative]. *Aktual'nye problemy yazykoznanija*, 1(10), 129–137.

Ruzhentseva, N. B. (2015). Imidzhevoe interv'yu-performans V. Zhirinovskogo: smena masok, epatazh, tekhnologiya primitive [Image interview-performance of V. Zhirinovskiy: change of guise, shock and primitivism technology]. *Politicheskaya lingvistika*, 3, 50–56.

Segal, N. A., Shchurik, O. P. (2019). Teatral'naya metafora kak sposob otrazheniya sovremennykh politicheskikh realiy (na materiale mediatekstov) [Theatrical metaphor as a method of modern political realities reflection (on the media-text material)]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*, 1, 119–130.

Solopova, O. A. (2006). Teatral'naya metafora v politicheskom diskurse Velikobritanii [Theatrical metaphor in British political discourse]. *Politicheskaya lingvistika*, 18, 107–114.

Taratynova, T. V. (2010). Teatral'naya metafora v diskurse vyborov prezidenta Rossii-2008 [Theatrical metaphor in the discourse of the presidential election of Russia in 2008]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 21 (202), 124–129.

Submitted: 8.04.2021

Accepted: 12.06.2021

## **Информация для авторов**

---

### **Правила предоставления рукописей**

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству специалистов в области истории и филологии.

К рассмотрению принимаются статьи, представляемые к публикации впервые, не опубликованные ранее и не находящиеся на рассмотрении в других изданиях. Статья должна содержать результаты выполненного авторами самостоятельно оригинального исследования, характеризующиеся отчетливой научной новизной, актуальностью, теоретической и практической значимостью.

Все статьи проходят проверку на плагиат.

Редакция принимает материалы объемом от 20 до 40 тыс. знаков с пробелами (1 авт. л.). Объем сообщений, рецензий и других подобных материалов — до 8 тыс. знаков. По согласованию с редакцией журнала объем текста может быть увеличен.

В редакцию высылаются:

1. Файл с текстом статьи (именуется «Фамилия\_первые слова названия статьи»).

2. Файл «Фамилия\_данные об авторе», в которой помещается следующая информация:

- Фамилия, имя, отчество автора полностью.
- Официальное наименование места работы, должность, учёная степень, учёное звание автора.
- Контактная информация (служебный адрес с почтовым индексом, номер телефона, электронная почта).
- Название статьи.

3. Подписанный текст согласия (сканированная копия) на опубликование в открытой печати текста статьи и индивидуальных сведений автора (авторов). **Образец бланка согласия представлен в Приложении 2.**

4. Для работ авторов, не имеющих ученой степени, требуется рекомендация научного руководителя или рекомендация кандидата/доктора наук по специальности статьи в виде сканированного текста с подписью и контактными данными. Файл именуется «Фамилия\_Рекомендация».

Тексты высылаются в форматах .doc, .docx, .rtf. Электронные версии рисунков (в форматах .bmp, .png, .jpg, .tif) высылаются отдельными пронумерованными файлами (названия файлов: «рис. 1.», «рис. 2» и т.д.).

Адрес для отправки материалов по электронной почте: [uzntgspi@yandex.ru](mailto:uzntgspi@yandex.ru)

Статьи, оформленные с нарушением требований журнала, возвращаются авторам на доработку.

### **Требования к оформлению статей в журнале «Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология»**

Параметры страницы: верхнее и нижнее поля — 2 см, левое и правое — 2,5 см. Шрифт Times New Roman, кегль 14. Интервал одинарный, абзацный отступ 1 см.

Ссылки оформляются согласно ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Например: [Иванов, 1999, с. 56], [Теория метафоры, 1990, с. 67], [Лаккофф, 2001; Чудинов, 2001].

В лингвистических статьях иллюстративный материал (слово, фразеологическая единица, словосочетание, предложение и т. п.) в тексте статьи выделяется курсивом. Толкование значения слова и семы заключается в одинарные кавычки ‘...’. Ссылка на источник приводимого иллюстративного материала дается после примера в круглых скобках (внутритекстовая ссылка): *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках* (Новая газета. 2007. № 7).

Источники оформляются в виде нумерованного списка литературы в алфавитном порядке. Библиографические записи в списке литературы оформляются согласно ГОСТ 7.80-2000 «Библиографическая запись. Заголовок», ГОСТ Р 7.0.100-2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

### **Примеры оформления библиографических записей в списке литературы**

#### ***Книги одного автора***

Скляревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. – Санкт-Петербург : Наука, 1993. – 151 с. – Текст : непосредственный.

#### ***Книги двух авторов***

Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Москва : Наука : Флинта, 2008. – 248 с. – Текст : непосредственный.

#### ***Книги трех авторов***

Антрушина, Г. Б. Лексикология английского языка / Г. Б. Антрушина, О. В. Афанасьева, Н. Н. Морозова : учебное пособие. – 2-е изд. – Москва : Дрофа, 2000. – 288 с. – Текст : непосредственный.

#### ***Книги четырех авторов***

Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 245 с. – Текст : непосредственный.

#### ***Книги пяти и более авторов***

Распределенные интеллектуальные информационные системы и среды / А. Н. Швецов, А. А. Сукощников, Д. В. Кочкин [и др.]. – Курск : Университетская книга, 2017. – 196 с. – Текст : непосредственный.

#### ***Книги под заглавием***

Теория метафоры : сборник научных статей / Под ред. Н. Д. Арутюновой. – Москва : Прогресс, 1990. – 512 с. – Текст : непосредственный.

#### ***Диссертации***

Кушнерук, С. Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование в британской и российской коммерческой рекламе : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Кушнерук Светлана Леонидовна ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2016. – 567 с. – Текст : непосредственный.

***Авторефераты диссертаций***

Величковский, Б. Б. Функциональная организация рабочей памяти : специальность 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук / Величковский Борис Борисович ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2017. – 44 с. – Текст : непосредственный.

***Многотомное издание в целом***

Голсуорси, Д. Сага о Форсайтах : в 2 томах. / Д. Голсуорси ; перевод с английского М. Лорие [и др.]. – Москва : Время, 2017. – Текст : непосредственный.

***Статьи из журналов***

Серио, П. От любви к языку до смерти языка / П. Серио. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2009. – № 29. – С. 118–123.

Вепрева, И. Т. Перегрузка / И. Т. Вепрева, Н. А. Купина. – Текст : непосредственный // Русский язык за рубежом. – 2009. – № 3. – С. 119–122.

Влияние психологических свойств личности на графическое воспроизведение зрительной информации / С. К. Быструшкин, О. Я. Созонова, Н. Г. Петрова [и др.]. – Текст : непосредственный // Сибирский педагогический журнал. – 2017. – № 4. – С. 136–144.

***Статьи из сборников, книг***

Кибрик, А. А. Функционализм / А. А. Кибрик, В. А. Плунгян. – Текст : непосредственный // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. – Москва : Издательство МГУ, 1997. – С. 276–339.

***Электронные ресурсы локального доступа***

Основы системного анализа и управления : учебник / О. В. Афанасьева, А. А. Клавдиев, С. В. Колесниченко, Д. А. Первухин. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2017. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.

Романова, Л. И. Английская грамматика : тестовый комплекс / Л. Романова. – Москва : Айрис : MagnaMedia, 2014. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст. Изображение. Устная речь : электронные.

***Электронные ресурсы сетевого распространения***

Яницкий, М. С. Ценностная детерминация инновационного поведения молодежи в контексте культурно-средовых различий / М. С. Яницкий. – Текст : электронный // Сибирский психологический журнал. – 2009. – № 34. – С. 26–37. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13024552> (дата обращения: 29.05.2018).

В статье приводятся данные об авторах, аннотация (100–150 слов), ключевые слова и список литературы на английском языке, оформленный согласно требованиям APA Style. На сайте <http://translit.ru/> можно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу (последовательность действий: выбираем стандарт BGN, помещаем библиографические ссылки из русскоязычного списка в рабочее поле и нажимаем кнопку «в транслит», копируем получившийся текст). После транслитерации названия источника приводится его перевод на английский язык в квадратных скобках.

## **Примеры оформления библиографических записей в списке литературы на английском языке (APA Style)**

### *Книги*

Mitchell, J.A., Thomson, M., & Coyne, R.P. (2017). *A guide to citation*. London: Publisher.

Jones, A.F. & Wang, L. (2011). *Spectacular creatures: The Amazon rainforest* (2nd ed.). San Jose: Publisher.

Williams, S.T. (Ed.). (2015). *Referencing: A guide to citation rules*. New York: Publisher.

### *Глава в книге*

Troy, B.N. (2015). APA citation rules. In S.T. Williams (Ed.), *A guide to citation rules* (pp. 50–95). New York: Publishers.

### *Статьи в журналах*

Mitchell, J.A. (2017). Citation: Why is it so important. *Journal*, 67(2), 81–95.

### *Диссертация*

Kabir, J. M. (2016). *Factors influencing customer satisfaction at a fast food hamburger chain* [Doctoral dissertation, Wilmington University].

### *Электронный текст*

Mitchell, J.A., Thomson, M., & Coyne, R.P. (2017). *A guide to citation*. Retrieved from <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager>

Mitchell, J.A. (2017). Citation: Why is it so important. *Journal*, 67(2), 81-95. Retrieved from <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager>

## **Образец оформления статьи**

УДК 811.111'42

## **ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРСОНАЖИ КАК СФЕРА-ИСТОЧНИК ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В СМИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ**

**А. Б. Иванов**

Уральский государственный педагогический университет  
Екатеринбург, Россия  
*ivanov@gmail.com*

**П. Н. Петров**

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)  
Российского государственного профессионально-педагогического университета  
Нижний Тагил, Россия  
*petrov@gmail.com*

*Аннотация.* В статье рассматриваются прецедентные имена из сферы-источника «Литература» в СМИ Великобритании (The Guardian, The Times, The Daily Mail, The Daily Telegraph, The Independent) за последние десять лет (2010—2019). Для изучения данных прецедентных имен применялись когнитивно-дискурсивный анализ и приемы лингвокультурологического описания. Сделан вывод о том, что сфера-источник «Литературные персонажи» является наиболее востребованным источником прецедентности в СМИ Великобритании (26 % от общего корпуса примеров, составляющего 400 прецедентных имен). Выявлено, что британские журналисты регулярно обращаются в своих текстах к именам героев из классических произведений английской литературы. Вместе с тем показано, что ведущее место по частотности актуализации и продуктивности занимают прецедентные имена, ставшие популярными в последние десятилетия, что в первую очередь относится к героям романов Дж. Роулинг о Гарри Поттере. Таким образом, анализ показал, что функционирование прецедентных имен зависит не только от когнитивных и культурных, но и от дискурсивных факторов.

*Ключевые слова:* прецедентное имя; прецедентные феномены; интертекстуальность; СМИ Великобритании; дискурс СМИ; литературные персонажи.

*Благодарности:* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 01-234-56789.

## **1. Введение**

Отличительной чертой современной массовой коммуникации является активное использование прецедентных имен (далее — ПИ) [Богоявленская, 2015; Будаев, 2019; Гудков, 2020; Зырянова, 2016; Нахимова, 2011]. Согласно определению В. В. Красных, ПИ — «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом (например, Печорин, Теркин), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин, Стаханов). Это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (в другой терминологии — референту), а к набору дифференциальных признаков данного ПИ» [Красных, 2002, с. 172].

## **2. Материал и методика исследования**

В качестве материала для настоящего исследования послужили ...

В настоящей работе используется методика исследования ПИ, объединяемых сферой-источником «Литературные персонажи».

## **3. Анализ**

Текст.  
Текст. Текст.

Таблица 1 – Название таблицы

У	А (%)	В (%)
Х	8	14,6
У	92	85,4
Всего:	100	100

Текст. Текст.

#### **4. Заключение**

Итак, наши наблюдения показывают, что сфера-источник «Литературные персонажи» является наиболее востребованным ресурсом прецедентности в СМИ Великобритании (26 % от общего корпуса примеров ПИ). Особенность функционирования ПИ из данной сферы-источника заключается в том, что...

#### **Список литературы**

Богданович, Г. Ю. Библейские мотивы как источник формирования медийного образа Крыма / Г. Ю. Богданович, Е. А. Нахимова, Н. А. Сегал. – Текст : непосредственный // Язык и культура. – 2019. – № 47. – С. 8–20.

Гудков, Д. Б. Люди и звери. Русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе. Лингвокультурологический словарь / Д. Б. Гудков. – Москва : Ленанд, 2020. – 200 с. – Текст : непосредственный.

Budaev, E. V. Transformations of precedent text: Metaphors We Live by in academic discourse / E. V. Budaev, A. P. Chudinov. – Текст : непосредственный // Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki. – 2017. – Vol. 1. – P. 60– 67.

Kennedy, V. Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo / V. Kennedy. – Текст : непосредственный // Metaphor and Symbol. – 2000. – Vol. 15. – № 4. – P. 252– 265.

#### **LITERARY CHARACTERS AS A SOURCE DOMAIN OF PRECEDENT NAMES IN THE UK MEDIA**

**A. B. Ivanov**

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)  
of the Russian State Vocational Pedagogical University  
Nizhny Tagil, Russia  
*ivanov@gmail.com*

**P. N. Petrov**

Ural State Pedagogical University  
Yekaterinburg, Russia

*petrov@gmail.com*

*Abstract.* The article deals with precedent names from the source domain “Literature” in the UK media (The Guardian, The Times, The Daily Mail, The Daily Telegraph, The Independent) over the past ten years (2010–2019). The methods of cognitive-discourse analysis and cultural description of language were used to study the precedent names. It is concluded that the source domain “Literary characters” is the most demanded source of precedent names in the British media (26 % of the total body of examples, which is 400 precedent names). It was revealed that British journalists regularly refer to the names of characters from the classical works of English literature in their texts. At the same time, it is shown that the leading place in terms of frequency of actualization and productivity is occupied by precedent names that have become popular in recent decades and which primarily refer to the characters of J. Rowling’s Harry Potter novels. Thus, the analysis showed that the functioning of precedent names depends not only on cognitive and cultural, but also on discursive factors.

*Key words:* precedent name; precedent phenomena; intertextuality; UK media; media discourse; literary characters.

*Acknowledgments:* The reported study was funded by RFBR according to the research project № 01-234-56789

## **References**

Bogdanovich, G. Yu., Nakhimova, E. A., & Segal N. A. (2019). Bibleyskiye motivy kak istochnik formirovaniya mediynogo obraza Kryma [Biblical motives as the source of the creation of media image of the Crimea]. *Yazyk i kultura*, 47, 8–20.

Budaev, E. V., & Chudinov, A. P. (2017). Transformations of precedent text: Metaphors We Live by in academic discourse. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 1, 60–67.

Gudkov, D. B. (2003). *Teoriya i praktika mezhkulturnoy kommunikatsii* [Theory and Practice of Intercultural Communication]. Moscow: Gnozis.

Kennedy, V. (2000). Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo. *Metaphor and Symbol*, 15, 252–265.

